

Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

С. Н. Грошев

**ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ
ПРАВОВОГО СТАТУСА МУЖЧИН
В ДРЕВНЕРУССКОМ ОБЫЧНОМ ПРАВЕ**

Монография

Иркутск
Восточно-Сибирский институт МВД России
2022

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2Р)
Г 89

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Восточно-Сибирского института МВД России

Рецензенты:

К. С. Нежинская,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Дальневосточного юридического института МВД России,
канд. юрид. наук, доц.;

А. И. Казамиров,
начальник кафедры конституционного права
Уфимского юридического института МВД России,
канд. юрид. наук, доц.

Грошев, Сергей Николаевич.

Г 89 Особенности содержания правового статуса мужчин
в древнерусском обычном праве: монография / С. Н. Грошев. —
Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России МВД России,
2022. — 128 с.

ISBN 978-5-9538-0092-1

Актуальность представленной монографии заключается в том, что исследование правового статуса мужчин в Древней Руси составляет важную часть истории государства и права России. Изучение данного вопроса обладает существенным теоретическим и практическим значением в рамках решения проблемы дискриминации по гендерному признаку. В целом же исследование содержания и направленности эволюции правового статуса личности не только существенно расширяет объем наших исторических знаний, но и позволяет осмыслить опыт прошлого, учесть его в современной практике.

Издание предназначено для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов и курсантов образовательных организации МВД России

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2Р)

ISBN 978-5-9538-0092-1

© Грошев С. Н., 2022

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. РОЛЬ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА МУЖЧИН	
§ 1. Особенности культовых верований восточных славян и их отображение в гендерной спецификации социального регулирования	9
§ 2. Этико-культурные практики православного культа и конвертация восточнославянской языческой парадигмы в аспекте гендерных флуктуаций социальных связей.....	26
Глава 2. ВЛИЯНИЕ ХРИСТИАНИЗАЦИИ РУСИ НА ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ МУЖСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ГРУППЫ	
§ 1. Трансформация правосознания населения древнерусского общества в аспекте христианизации Руси	42
§ 2. Правовые основы социокультурной среды Древней Руси через призму правового положения гендерных групп.....	59
Глава 3. ВОЗДЕЙСТВИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ЦЕРКОВНОГО И СВЕТСКОГО ПРАВА НА ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС ЛИЦ МУЖСКОГО ПОЛА	
§ 1. Сравнительный анализ вселенского канонического права и церковного права Древней Руси в аспекте правового положения мужчин	78
§ 2. Специфика правового статуса мужчин в Древнерусском государстве	88
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	98
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	100

ВВЕДЕНИЕ

Правовое регулирование, затрагивающее правовой статус лиц мужского пола, — достаточно неизученное явление, в связи с тем, что ни в исторической ретроспективе, ни в современной правовой реальности законодатель не склонен разграничивать правовую регуляцию в нормативных предписаниях в зависимости от гендерного статуса субъекта правоотношений. Безусловно, обычаи делового оборота нередко предписывают жесткие поведенческие клише гендерным группам, однако различия правового статуса гендерных групп выступают явлением внеправовым и укоренённым, скорее, в осознании полярной физиологии и степени развития культурных традиций того или иного социума, за исключением некоторых частных аспектов жизнедеятельности общества и государства.

В древнейшие периоды истории отечественного государства и права субъект правотворчества часто смешивал права и обязанности человека с правами и обязанностями мужчин, прежде всего, по причине физиологических особенностей женщин, устраняя их как равноправных субъектов правоотношений из некоторых специфических сфер общественной жизни. В современный же период российский законодатель, провозгласив гендерное равенство, регулирует общественные отношения в основном без учета гендерных характеристик субъекта либо отдает предпочтения женщинам в виде правовых преференций в тех сферах, где возможны дискриминационные тенденции в отношении женской гендерной группы в связи с физиологическими и психофизическими особенностями женского организма. В частности, таким свойством обладают пенсионные правоотношения, сфера военной службы по призыву и ряд других отраслей. На уровне отечественного правоприменения также можно наблюдать значительный гендерный дисбаланс, когда права женщин защищаются значительно активней как государством, так и гражданским обществом. Такие тенденции проявляются в первую очередь в брачно-семейных и трудовых правоотношениях. Тем не менее современное состояние отечественного правового регулирования, в зависимости от принадлежности к гендерной группе, не входит в предмет настоящего исследования, обладающего сугубо ретроспективными свойствами.

При возникновении дискуссии о генезисе правового статуса мужчин особый интерес вызывает правовое регулирование некоторых общественных отношений в Древней Руси. Актуальность указанной проблематики тесно коррелируется с особенностями сложившейся системы правовой регуляции в указанный период отечественной истории.

В научной среде достаточно распространено мнение о том, что, если в архаический период правового развития женщина была дискриминирована по признаку пола, то и аспект прав и обязанностей мужчин исследовать считается излишним, т. к. правовое положение мужской гендерной группы прямо коррелируется с правовым статусом личности.

Однако, думается, уже в древнейший период существования отечественного права и государства правовой статус мужчин не являлся тождественным правовому положению личности, т. к. правовая регуляция в Древней Руси уже тогда четко разграничивала два субъекта правоотношений —

мужчину и женщину, наделяя их правовые статусы различным объемом прав и обязанностей, при этом в некоторых гражданско-правовых вопросах женщина обладала даже некоторым приоритетом перед мужчиной. Указанная разница правового положения гендерных групп в древнейший период истории России проявлялась, прежде всего, в политико-правовой области и в некоторых нюансах брачно-семейных отношений, параллельно с некоторыми отличиями в уголовно-исполнительной сфере.

Предметная область историко-правового анализа правового статуса гендерных групп находится в плоскости концептуальных и методологических исследований, которую сформировал широкий круг ученых, таких как М. Ф. Владимирский-Буданов, Э. Гиббон, Б. Д. Греков, Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский, Ч. Кули, В. В. Мавродин, Л. Морган, К. А. Неволин, Б. А. Рыбаков, Д. Я. Самоквасов, С. М. Соловьев, Ф. Энгельс¹ и др.

В отечественной историко-правовой науке применительно к познанию имманентной сущности брачно-семейных отношений и проблематики правового положения гендерных групп внесли значимый вклад такие ученые, как С. Н. Кайдаш, Т. Г. Киселева, Е. Лихачева, С. В. Омелянчук, Н. Л. Пушкарева, И. Разумов, А. А. Савельев, Г. Фреймарк² и др.

---

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — М.: Территория будущего, 2005. — 800 с.; Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи: в 7 т. Т. I. — 2-е изд. стер. — СПб: Наука, 2006. — 428 с.; Греков Б. Д. Киевская Русь. — М.: Госполитиздат, 1953. — 568 с.; Карамзин Н. М. История государства Российского. От Древней Руси до правления великого князя Дмитрия Донского / Н. М. Карамзин. — М.: АСТ, 2010. — 672 с.; Ключевский В. О. Сочинения: в 8 т. Т. 1: Курс русской истории, ч. 1 / В. О. Ключевский. — М.: Госполитиздат, 1956. — 425 с.; Кули Ч. Первичные группы // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренкова. — М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1996. — 560 с.; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1945. — 432 с.; Морган Л. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. — Л.: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. — 368 с.; Неволин К. А. Полное собрание сочинений. Энциклопедия законоведения: Вторая половина особенной части. Т. 2 / соч. К. А. Неволлина. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1857. — 525 с.; Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. — М.: Наука, 1981. — 607 с.; Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права / Д. Я. Самоквасов. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Тип. Моск. ун-та, 1908. — VII, XXIX. — 616 с.; Соловьев С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. — М.: АСТ, 2018. — 528 с.; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Под ред. Е. Фрей. — М.: АСТ, 2019. — 288 с.

² Кайдаш С. Н. Сила слабых. Женщины в истории России (XI—XIX вв.). — М.: Совет. Россия, 1989. — 288 с.; Киселева Т. Г. Женский образ в социокультурной рефлексии: моногр. — М.: МГУКИ, 2002. — 231 с.; Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России (1786—1796): в 3 тт. Т. 1. — СПб., 1890. — 184 с.; Омелянчук С. В. Брак и семья в Древней Руси IX—XIII веков. — Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2010. — 118 с.; Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. — М.: Мысль, 1989. — 286 с.; Разумов И. Семья в Древней Руси. О семейных отношениях у восточных славян и русов VIII — 1-й половины XIII в. — Екатеринбург, 2016. — 140 с.; Савельев А. А. Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. — Новгород: Тип. Н. Ройского и Д. Душина, 1881. — 94 с.; Фреймарк Г. Оккультизм и сексуальность. — М.: ТОО «Константа», 1994. — 156 с.

Научный анализ проблематики правового положения субъектов правоотношений в Древнерусском государстве через призму клерикальной регуляции был отражен в трудах Е. В. Аничкова, Л. А. Астафьевой, А. А. Бычкова, Н. И. Костомарова, М. В. Поповича³ и др.

Вопросам социокультурного влияния на гендерную спецификацию в Древней Руси были посвящены научные труды таких ученых, как Т. В. Гамкрелидзе, К. Гарднер, Т. П. Григорьева, В. С. Иконников, К. Касьянова, М. С. Киселева, А. А. Медынцева, Л. В. Поляков, Б. В. Сапунов⁴ и др.

Изучение историко-правовой и юридической литературы позволяет утверждать, что при анализе правового статуса личности взгляд ученых направлен преимущественно в общее русло анализа правового положения женской гендерной группы. В том же направлении работают и те ученые, которые разрабатывают механизм предотвращения дискриминации женщин. В связи с этим анализ научных работ демонстрирует тот факт, что на сегодняшний день в России имеет место недостаток научного исследования в сфере проблематики правового положения мужской гендерной группы, в том числе в русле исторической ретроспективы.

Объектом исследования выступает круг правоотношений, затрагивающих правовое положение мужчин в Древнерусском государстве.

Предметом исследования являются концептуальные, методологические и историко-правовые предпосылки, формирования правового статуса мужской гендерной группы в Древней Руси; взаимосвязь правового регулирования в рамках гендерной спецификации с социально-экономическими и политико-правовыми процессами в Древнерусском государстве.

Цель исследования заключается в попытке получения актуальных историко-правовых знаний в сфере гендерной спецификации и эволюции правового положения личности в древнерусском обществе.

---

³ Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1914. — 386 с.; Астафьева Л. А. Сюжет и стиль русских былин. — М.: Наследие: Наука, 1993. — 255 с.; Бычков А. А. Энциклопедия языческих богов (мифы древних славян). — М.: Вече, 2000. — 400 с.; Костомаров Н. И. Славянская мифология. — М.: Сварог, 1995. — 764 с.; Попович М. В. Мировоззрение древних славян. — Киев: Наукова думка, 1985. — 165 с.

⁴ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2 ч. — Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. — Ч. 2. — 1426 с.; Гарднер К. Между Востоком и Западом. Возвращение даров русской души / К. Гарднер. — М.: Наука, 1993. — 128 с.; Григорьева Т. П. Дао и логос (встреча культур). — М.: Наука. Гл. редакция вост. лит-ры, 1992. — 424 с.; Иконников В. С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. — Киев: Унив. тип., 1869. — 562 с.; Касьянова К. О русском национальном характере. — М.: Ин-т нац. модели экономики, 1994. — 267 с.; Киселева М. С. Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности. — М.: Индрик, 2000. — 256 с.; Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси: по памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. — М.: Наука, 2000. — 291 с.; Поляков Л. В. Философские идеи в культуре Древней Руси. — М.: Знание, 1988. — 141 с.; Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII вв. — Л.: Наука, 1978. — 232 с.

Для достижения цели исследования решен спектр следующих задач:

— осуществлен комплексный анализ особенностей культовых верований восточных славян и их отображения в гендерной спецификации социального регулирования;

— исследованы этико-культурные практики православного культа и конвертация восточнославянской языческой парадигмы в аспекте гендерных флуктуаций социальных связей;

— осуществлена историко-правовая оценка трансформации правосознания населения древнерусского общества в аспекте христианизации Руси;

— проанализированы социально-экономические тенденции и противоречия российского общества, выступающие источником криминализации экономических отношений;

— исследованы правовые основы социокультурной среды Древней Руси через призму правового положения гендерных групп;

— произведен сравнительный анализ вселенского канонического права и церковного права Древней Руси в аспекте правового положения мужчин;

— подвергнута осмыслению специфика правового статуса мужчин в Древнерусском государстве.

Методологическую и методическую основу исследования составили концептуальные и методологические достижения юридической, экономической и социологической наук в направлении анализа имманентной сущности правового положения гендерных групп в Древней Руси и закономерностях эволюции правового статуса личности в древнерусском социуме.

Имея целью получить достоверные результаты в своем исследовании, автор пользовался как общенаучными (анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия и др.), так и частнонаучными (конкретно-социологическим, формально-юридическим и др.) методами научного познания.

В основу разработки авторского взгляда на правовой статус мужчин в Древней Руси положены достижения юридической, экономической и социологической наук.

Впервые в историко-правовой науке на основе четкой корреляции экономических процессов и генезиса правового статуса личности сделан акцент на правовом положении мужской гендерной группы в Древнерусском государстве.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные выводы и предложения существенно обогатят концептуальную базу историко-правовой доктрины в области правового статуса личности.

Результаты исследования восполнят также и теоретические пробелы в познании юридической наукой закономерностей эволюции правового статуса мужской гендерной группы.

Имеющиеся в исследовании положения и теоретические выводы расширяют спектр традиционных для истории государства и права представлений о правовом положении личности в Древней Руси.

Материалы исследования могут быть использованы в учебном процессе образовательных организаций МВД России при преподавании курсов истории государства и права России, а также в иных образовательных учреждениях юридического профиля и в последующих научных изысканиях в рамках рассматриваемой проблематики.

Структура монографии определена характером поставленной цели исследования и спектра решаемых в ней задач. Монография состоит из введения, трех глав, включающих 6 параграфов, заключения и библиографического списка.

Глава 1.

РОЛЬ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА МУЖЧИН

§ 1. Особенности культовых верований восточных славян и их отображение в гендерной спецификации социального регулирования

Формирование мировоззрения мужчины и женщины в аспекте взаимоотношений с божественным миром в сфере космогонии, мифов, пантеона и обрядной составляющей существенным образом связано с типом построения общества и его политической, а также правовой и морально-нравственной составляющими. Кроме того, гендерная спецификация социального регулирования, весь спектр поведенческих паттернов мужчины и женщины, который существует в обществе, берет истоки из религиозного самосознания социума, который подстраивается под наиболее актуальные правила поведения в быту, в сфере управления, экономики. Например, народы, промышлявшие охотой, уделяли пристальное внимание взаимоотношениям с трансцендентными силами природной среды, на которой осуществлялся промысел. Животные у этих социумов нередко наделялись особыми качествами, обожествлялись, входили в тотем племени, а убийство некоторых из них табуировалось⁵.

Пристальное внимание охотничьи народы уделяли развитию силы и выносливости у мужчин, храбрости, развивали высокий болевой порог у юношей. Женщины охотничьих племен занимались собирательством и домашним хозяйством. Небезынтересными здесь будут некоторые параллели с современным укладом жизни, когда мужчина, отправляясь в супермаркет, нередко имеет четкое представление о будущих продуктовых покупках. В свою очередь, современная женщина, если ей позволяют финансы, точно-го плана аналогичных приобретений не имеет и покупает то, за что «зацепится глаз»⁶.

Тезис о различных качествах психофизических реакций мужчин и женщин в процессе потребления доказан и современными учеными. Так, когда представители женской гендерной группы посещают супермаркет, у них наблюдается учащенное сердцебиение, расширение зрачков и присутствует общее возбуждение организма, а нередко поднимается и давление. Муж-

---

⁵ См.: Бускунов А. М. Культы животных и птиц в башкирской мифологии и истории общественной мысли / А. М. Бускунов, М. М. Кульшарипов // Вестник Башк. ун-та. — 2012. — № 1. — С. 369—371.

⁶ См.: Иванова Т. Г. Гендерные особенности поведения покупателей в торговом зале / Т. Г. Иванова, С. Н. Беликова, С. Б. Ильяшенко // Приволжский научный вестник. — 2016. — № 5 (57). — С. 103—106.

ская же реакция иная: зрачки сужаются, а процессы в мозге обладают свойствами торможения⁷. Всё это может говорить о том, что женщины преуспевали преимущественно в собирательстве, а мужчины — в охоте. Кроме того, и физиологические особенности мужского и женского организма демонстрируют то, что охота выступала мужским занятием, она требовала «туннельного» зрения, силы, ловкости, терпения. В свою очередь, собирательство требует внимания к мелочам, развитию бокового зрения, а таким качеством зачастую обладают именно женщины.

Стоит отметить, что у охотничьих племен не преобладал культ деторождения, т. к. емкость охотничьих угодий была ограничена и не предполагала бурного роста населения⁸. Исторический анализ демонстрирует тот факт, что численность охотников-собирателей испытывала систематические колебания, которые были связаны с периодическим кризисом истощения охотничьих угодий⁹. В период изобилия наблюдался всплеск рождаемости, а когда наступал голод, частота овуляции снижалась, и даже если рождаемость снижалась незначительно, то потомство обычно характеризовалось нежизнеспособностью и умирало от голода и болезней. Многие племена охотников-собирателей в голодные годы практиковали инфантицид (детоубийство) и геронтоцид (умерщвление стариков). Примечательно, что в голодные периоды в социальном регулировании не применялись различные табу, связанные с половыми контактами, а следов примитивной контрацепции ученые не обнаружили¹⁰.

Ограниченность охотничьих угодий и находящихся на них ресурсов нередко провоцировала систематические межплеменные войны за территории, в которых гибла часть племени. В свою очередь, у земледельческих племен, даже с примитивными сельскохозяйственными орудиями, наблюдается рождаемость выше на 17 %, чем у охотников-собирателей, которая сопровождается ростом детской смертности от инфекций и кишечных паразитов¹¹.

---

⁷ См.: *Маркетологи нашли путь к кошельку мужчины* // Ведомости [Электронный ресурс]. — URL: https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2013/03/18/marketologi_nashli_put_k_koshelku_muzhchiny (дата обращения: 04.02.2022).

⁸ См.: *Hayden B.* Population control among hunter/gatherers // *World Archaeology*. — 1972-10-01. — Т. 4. — Вып. 2. — С. 205—221.

⁹ См.: *Tallavaara M., Kirkeng E.* Why are population growth rate estimates of past and present hunter-gatherers so different? // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. — 2021-01-18. — Т. 376, вып. 1816. [Электронный ресурс]. — URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rstb.2019.0708> (дата обращения: 04.02.2022).

¹⁰ См.: *Spielmann K. A.* A review: dietary restrictions on hunter-gatherer women and the implications for fertility and infant mortality // *Human Ecology*. — 1989-09. — Т. 17, вып. 3. — С. 321—345; *Нальчикова Е.* Генезис феномена «добровольной смерти»: миф и традиция // *Власть*. — 2007. — Вып. 8. — С. 71—73.

¹¹ *Abigail E. Page, Sylvain Viguier, Mark Dyble, Daniel Smith, Nikhil Chaudhary.* Reproductive trade-offs in extant hunter-gatherers suggest adaptive mechanism for the Neolithic expansion (англ.) // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. — 2016-04-26. — Vol. 113, iss. 17. — P. 4694—4699 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pnas.org/content/113/17/4694> (дата обращения: 04.02.2022).

Анализ причин смерти в племенах охотников-собираателей, которые имеют место в настоящее время, а также археологические и палеодемографические данные свидетельствуют о том, что причиной наступления смерти в 70 % случаев выступали инфекционные болезни и заболевания желудочно-кишечного тракта, на 20 % приходилась смерть от увечий и травм, а также гибель в результате межплеменной конфронтации, в остальных же случаях констатировалась смерть, спровоцированная различными дегенеративными заболеваниями. Примечательно, что низкая средняя продолжительность жизни членов охотничьих племен, которая колебалась в рамках 30 лет, связана с высокой детской смертностью, однако те, кто перешагнул двадцатилетний рубеж, могли рассчитывать на относительно долгую жизнь (40 лет и более)¹².

По сути, социальная регуляция племен охотников базировалась на равновесии с природой, а общности охотников-собираателей занимали особую природную нишу. Культ деторождения отсутствовал, природные физиологические особенности женщин не почитались. Взаимоотношения мужчин и женщин характеризовались доминированием первой гендерной группы по причине высокой степени агрессивности среды обитания. Реципроктность и редистрибуция в хозяйственной сфере у охотников и собирателей радикальным образом влияла на статусы гендерных групп, особенно если наблюдался групповой брак¹³.

Стоит отметить, что экономическая невозможность индивидуального брака часто провоцировала матриархальные взаимоотношения в племени, т. к. у потомства не имелось индивидуально определенного отца при параллельном наличии матери. Всё это вызывало повышенный авторитет женщины в общности. Такую ситуацию описывал в своей книге «Происхождение семьи, собственности и государства» Ф. Энгельс¹⁴, анализируя среду американских индейцев в период заселения Северной Америки европейскими колонистами. Тем не менее при возможности физического выживания отдельной семьи физиологические качества мужчин (сила, ловкость, возможность долгое время отлучаться с места постоянного обитания) естественным образом транслировали матриархальные отношения примитивного социума в сторону дискриминации женщины по гендерному признаку.

Ведя речь о пастушеских племенах, в аспектах указанной проблемы, стоит отметить, что эти народы в большей степени практиковали почитание

---

¹² См.: *Michael Gurven, Hillard Kaplan. Longevity Among Hunter-Gatherers: A Cross-Cultural Examination* (англ.) // *Population and Development Review*. — 2007. — Vol. 33, iss. 2. — P. 321—365 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.academia.edu/17979487/-Longevity_Among_Hunter_Gatherers_A_Cross_Cultural_Examination (дата обращения: 04.02.2022).

¹³ См.: *Валеров А. В. Обмен и распределение в системе социального взаимодействия первобытных и архаических обществ* // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. — 2012. — № 3. — С. 41—59.

¹⁴ *Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства* / Под ред. Е. Фрей. — М.: АСТ, 2019. — 288 с.

небесных божеств и родоначальников. Пастухи и скотоводы формировали особые хозяйственно-культурные сообщества, в которых дрейф от присваивающего типа хозяйствования в плоскость производящей экономики достиг уровня приручения среднего, а впоследствии и крупного скота¹⁵.

Пастушеско-скотоводческая стадия — исторически более ранняя в сравнении с земледельческой, предусматривающей domestikацию зерновых культур. Тем не менее скотоводы — это крупные новаторы в сфере прогресса социальных и экономических связей, т. к. выделение скотоводства в обособленный производящий кластер выступает первым из трех основных производственных секторов. За ним исторически следует размежевание ремесленного производства от земледелия и отделение торговли от производства. В целом пастушеско-скотоводческие племена, в зависимости от природных условий и степени культурного развития, нередко сочетали основное занятие — разведение скота — с локальным земледелием. С развитием государственности пастухи и скотоводы либо становились оседлыми, либо преобразовывались в сугубо кочевые народы. Примечательно, что в социокультурной среде скотоводов, которые практиковали локальное земледелие, правовое положение женщины было выше, чем в общностях сугубо пастушеских, по причине наличия домашнего хозяйства, где роль женского труда была существенной.

Этнографы эпохи промышленной революции, в частности А. Фергюсон¹⁶ и Л. Морган¹⁷, разместили пастухов и скотоводов в плоскость «дикости» и «варварства», создавая из них образ антагонистов «цивилизации», которая в их трудах представлялась как третья, высшая ступень социально-экономического развития. Полагаем, такая трактовка пастушеско-кочевого пути развития не представляется правильной, поскольку тенденции высокой культуры в равной степени свойственны как скотоводам, так и земледельцам¹⁸. Тем не менее высокий правовой статус мужчин в кочевых общностях провоцировал дискриминацию женщин практически во всех аспектах жизнедеятельности, позиционировав взгляд европейской науки в сторону определения пастушеского социума как «дикого» и «варварского».

Новейшие концепции, посвященные проблематике исследования процессов развития человеческого общества, избегают уничижения в адрес пас-

---

¹⁵ См.: Чебоксаров Н. Н. Народы, расы, культуры: научное издание / Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова; ред. Ю. В. Бромлей. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Наука, 1985. — 271 с.

¹⁶ Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society / Fania Oz-Saltberger. — Cambridge University Press, 1995. — 283 p.

¹⁷ Морган Л. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. 368 с.

¹⁸ См.: Иванова Т. В. Специфика и характерные черты кочевого менталитета: культурологический анализ // Вестник БГУ. — 2015. — № 6. — С. 93—96.

тухов и скотоводов, применяя более корректные формулировки¹⁹. В настоящее время в исследованиях современных ученых к категории кочующих племен применяется термин «пасторальные»²⁰.

Пастушеские общности резко выделялись из основной массы, т. к. их производство отличалось не только количеством, но и качеством. Пастухи и скотоводы производили молочные продукты, мясо, шкуры, шерсть, налаживая важный взаимообмен²¹. Важность пастушеской стадии развития человеческой цивилизации поддерживал и Л. Н. Гумилёв, подчеркивая экономическую взаимозависимость кочевников и земледельцев²².

Социальная регуляция гендерных аспектов у скотоводов предопределялась самой формой хозяйствования. Женщина пастушеско-скотоводческих племен занимала нишу работника в домашнем хозяйстве, а мужчина обладал статусом непосредственного добытчика ресурсов. В этой связи женщина в указанных общностях отвечала за хранение, переработку продукции. Таким образом, социальный статус женщины в таких племенах зависел от её роли в технологической цепочке внутренних функциональных взаимоотношений. В пастушеско-скотоводческих племенах уже можно наблюдать прецеденты вхождения женщин в элитарные слои общества, о чем красноречиво говорят археологические исследования древнетюркских общностей²³. Реципроктно-редистрибутивные качества хозяйствования у примитивных пастухов и скотоводов, безусловно, еще наблюдались, однако преимущественно матримонимальные отношения располагались в русле индивидуального брака, который обычно сопровождается ярко выраженными патриархальными взаимоотношениями. Также у богатых скотоводов нередко наблюдалось и многоженство, которое естественным образом принижало статус женщины в брачно-семейной и политической сферах.

При анализе гендерной спецификации социального регулирования земледельческих народов необходимо отметить, что в их религиозных культах преобладает обожествление земли, героев эпоса и женщины как символа плодородия. Кроме того, если оседлое земледельческое общество обладало свойствами ранней государственности, то в ряду сакрализованных симво-

---

¹⁹ См.: *Brian M. Fagan. People of the Earth. An Introduction to World Prehistory.* — 13th edition. — Prentice Hall, 2010. — 552 с.

²⁰ См.: *Барфилд Т. Д.* Мир кочевников-скотоводов // Раннее государство, его альтернативы и аналоги, Волгоградский центр социальных исследований. — Волгоград: Издательство «Учитель», 2006. — С. 415—441.

²¹ См.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. 288 с.

²² *Гумилёв Л. Н.* История народа хунну. — М.: ДИ-ДИК, 1998. — С. 89—91.

²³ См.: *Тишин В. В.* Положение женщины в древнетюркском обществе / В. В. Тишин, Н. Н. Серегин // Историческая психология и социология истории. — 2015. — № 1 — С. 121.

лов присутствовало и почитание вождей, как правителей, посланных сверхъестественными силами²⁴.

Стоит отметить, что до того, как человечество освоило земледелие, люди могли себе позволить более разнообразный рацион посредством осуществления охоты и собирательства, которые являлись более трудоемкими процессами, чем скотоводство. Нередко в примитивных земледельческих общностях некоторые её члены продолжали осуществлять охоту и собирательство, если имели особые навыки или таланты в указанных экономических нишах.

Кроме того, до момента приручения ездовых животных охота не обладала должным эффектом, и дрейф в сторону более результативной загонной охоты верхом на лошадях позволил резко увеличить эффективность присваивающей экономики. Например, используя лошадей, североамериканские индейцы стали охотиться весьма эффективно, что вызвало резкое увеличение их численности в XVIII — начале XIX столетий и позволило им освоить огромные территории североамериканских прерий²⁵.

Примечательно, что охотники и собиратели пользовались своими интеллектуальными и физическими способностями сообразно программе выживания в конкретной локации, в которой охота могла обеспечить их ресурсами для жизни. В то же время земледелие, особенно до периода активного использования тяглого скота, было сопряжено с тяжелым монотонным трудом, при котором, однако, производитель подвергался меньшему риску и в конечном итоге получал больше продукции²⁶.

При потреблении земледельческой продукции также наблюдались сложности с её приготовлением, т. к. обрабатывать зерновую продукцию в тот период было достаточно сложно. Помимо этого, питательная ценность земледельческой продукции характеризовалась низким содержанием белка и витаминов. Тем не менее прогресс земледелия состоял в том, что пища имела в наличии постоянно, и угроза голода не стояла так остро и имела место только в периоды неурожая. Как следствие, количество пищи в земледельческих общностях было существенным, и подобные общности стали расти численно, при меньшем ареале обитания. В социально-культурном аспекте земледельцы демонстрируют большую организованность и независимость от природных условий. Они также успешно противостоят агрессии соседних племен, организуя эффективную оборону за счет своей численности и навыков организации. Основным прорывом земледелия считается то, что продук-

---

²⁴ См.: *Пирцио-Биролли Д.* Культурная антропология Тропической Африки. — М.: Изд. фирма «Восточная литература РАН», 2001. — С. 167; *Ляпин Д. А.* Путешествия в прошлое: очерки этнографии Верхнего Подонья. — Кемерово: Азия-Принт, 2014. — 144 с.

²⁵ См.: *Мочалов М. Ю.* Колонизация и аборигенное население в России и США XVII—XIX вв. // Наука и культура России. — САМАРА, 2012. — С. 25—28.

²⁶ См.: *Разуваев Ю. Д.* Оседлые этносы скифской эпохи в Донской лесостепи: опыт сравнения хозяйственно-бытовых укладов // Уральский исторический вестник. — 2019. — № 1 (62). — С. 63—70.

ты можно было откладывать, а питание становилось равномерным и стабильным, в отличие от рациона охотников-собирателей²⁷.

Парадоксально то, что при все своей агрессивности и воинственности охотники-собиратели уступали земледельцам, поскольку примитивная сельскохозяйственная деятельность выражалась в потребности переселения, в связи с истощением почвы, а запасы зерна можно было эффективно транспортировать. Таким образом, примитивные земледельцы, освоившие производящее хозяйство, нередко устраивали геноцид на захваченной территории, пользуясь численным преимуществом²⁸.

Экономическая сфера примитивных земледельцев часто была конвергирована с охотой, собирательством, животноводством, а также грабительскими набегами. Всё это радикально влияло на брачно-семейные связи, которые характеризовались некоторой амбивалентностью и паритетом правовых статусов гендерных групп. Например, у древних германцев во времена Тацита уже присутствовало примитивное земледелие, которое параллельно существовало с охотой и скотоводством, и многоженство в среде обычных членов древнегерманской общины распространено не было, однако допускалось по политическим соображениям в среде вождей. Разводы не допускались. Наказание за женский промискуитет, безусловно, являлось строгим, однако наказание падало также и на мужчину, которого уличили в супружеской измене, хотя и в меньшей степени, чем на женщину. Мужчину, уличенного в промискуитете, могли наказать штрафом, а женщину подвергали позорящим физическим наказаниям, вне зависимости от знатности происхождения, притом что повторный брак для нее был уже невозможен²⁹.

Целенаправленный процесс выращивания сельскохозяйственных растений создал предпосылки к возникновению первых цивилизаций (к III тыс. до н. э.). Земледелие в эпоху неолита впервые в истории позволило людям приспособить естественную среду обитания к собственным нуждам. Кроме того, высокая концентрация населения трансформировала структуру общности, сменив парадигму её развития с кровнородственной на соседскую. Как следствие, социальные изменения сказались на религиозной составляющей социума, и зооморфные боги были заменены антропоморфными³⁰. В этой

---

²⁷ См.: *Вострецов Ю. Е.* Археологическое изучение поведенческой адаптации древнего населения // *Россия и АТР.* — 2016. — № 4 (94). — С. 5—18.

²⁸ См.: *Станислав В. Д.* Социальные факторы антропогенеза [Электронный ресурс]. — URL: <https://antropogenez.ru/zveno-single/431/> (дата обращения: 04.02.2022); *Артемова О. Ю.* Война или мир? (Между Гоббсом и Руссо: рассуждения этнографа) // *Stratum plus.* Археология и культурная антропология. — 2019. — № 1. — С. 17—60; *Вишняцкий Л. Б.* Война до истории // *Человек.* — 2016. — № 6. — С. 59—74.

²⁹ См.: *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи: в 7 т. Т. I. — 2-е изд. стер. — СПб.: Наука, 2006. — С. 252.

³⁰ См.: *Матвейчев О. А.* Происхождение антропоморфизма греческой религии // *Антиномии.* — 2013. — № 4. — С. 38; *Исаева О. А.* Люди и боги: стилистические особенности антропоморфных изображений в монументальном искусстве Мезоамерики // *Актуальные проблемы монументального искусства: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф., СПб., 11—12 марта 2022 года / Под ред. Д. О. Антипиной, Р. А. Бахтиярова, С. Н. Крылова.* — СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т промышл. технологий и дизайна, 2022. — С. 144—154.

связи актуальным выступает вопрос о форме социального строя древних славян, которые подошли к раннегосударственным образованиям.

На протяжении длительного периода в историографии утвердилась мысль о том, что древние славяне и русы в момент становления раннегосударственных институтов являлись номадами, полукочевыми племенами, которые освоили ниши охоты, собирательства, рыболовства, бортничества и другие лесные промыслы³¹. Тем не менее уже в 30-х гг. прошлого века Б. Д. Греков опроверг эту идею, убедительно доказав, что «земледелие есть основное занятие наших далеких предков... на большей части занятой им территории оно уже находилось на значительно высоком уровне»³². Указанный взгляд на социальный строй древних славян, подкрепленный впоследствии археологическими данными, остается неизменным и по сей день.

Географические условия, по мнению И. Я. Фроянова, оказывали влияние на характерные свойства земледелия у славян, которое существенно отличалось в различных ареалах расселения. На севере Восточной Европы у славян преобладало подсечное земледелие, а южные и восточные регионы характеризовались земледелием пашенным. В этой связи в рамках исследования гендерных аспектов славянского мироустройства можем отнести славян к земледельцам³³.

Занимаясь проблематикой исследования гендерных флуктуаций в социальном регулировании восточных славян, полагаем необходимым скрупулезно проанализировать не только существовавшие в реальности регулятивные аспекты общества, но и изучить религиозные воззрения народа в рассматриваемый период. «Сложный комплекс идей и воззрений, характеризующийся существенным эволюционным развитием», — так И. Я. Фроянов характеризует ранние религиозные культы восточных славян. «Современный исследователь, — пишет ученый, — обращаясь к восточнославянскому язычеству, имеет перед собой чрезвычайно сложный комплекс идей и воззрений, который на первый взгляд может показаться лишенным логической связи и порядка. Однако вдумчивый научный анализ, поднимающий завесу времени, открывает захватывающую картину исторической эволюции мировоззрения наших предков. Следует заметить, что эта эволюция не являлась чем-то исключительным, характерным лишь для славянского

---

³¹ См.: *Васютин С. А.* Тюрко-болгары, Византия и славяне в конце VII—VIII веке: модель военно-политической адаптации кочевников в полупериферийной зоне земледельческой цивилизации / С. А. Васютин, А. Ю. Пугачев // *Славяноведение*. — 2009. — № 4. — С. 3—16.

³² *Греков Б. Д.* Киевская Русь. — М.: Госполитиздат, 1953. — С. 113.

³³ *Фроянов И. Я.* Начало христианства на Руси / И. Я. Фроянов; отв. ред. В. В. Пузанов. — 2-е изд. — Ижевск: Удмурт. ун-т, 2003. — С. 31; *Бибалаева Л. Н.* Влияние земледелия на религиозную обрядность и языческие праздники древних славян // *Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н. Э. Баумана*. — 2011. — Т. 207. — С. 71—75.

этноса. Она шла в том же русле, что и развитие религиозных верований других народов мира»³⁴.

К части общечеловеческих первобытных религиозных воззрений славянское язычество относит и Б. А. Рыбаков, обращающий внимание на многообразии и эволюционную составляющую славянского эпоса, заостряя внимание на перманентной условности дефиниции «язычество». «При всем несовершенстве и расплывчатости слова „язычество“, — пишет ученый, — лишнего научного и терминологического значения, но крайне широкого и полисемантического, я считаю вполне законным обозначение им того необъятного круга спорных вопросов, которые входят в понятие первобытной религии: магия, анимизм, пандемонизм, прамонотеизм, дуализм и т. п. Многообразному, разнородному комплексу вполне соответствует многообразный в своем наполнении термин — „язычество“. Нужно только отрешиться от его узкого церковного понимания и помнить о его полной условности»³⁵.

Язычество восточных славян проистекает из палеолетических аспектов социального устройства, параллельно обладая новаторскими эволюционными качествами, когда на смену старым культовым составляющим приходят актуальные религиозные воззрения, и весь конгломерат теистических представлений, конвергируясь, сосуществует в причудливых формах. Так, О. М. Рапов отмечает: «Языческая религия возникла как результат полной зависимости древнего человека от сил природы... В VI—IX вв., когда происходил переход восточных славян от строя военной демократии к феодализму, эта зависимость от природной среды была еще очень велика. Люди с напряжением следили за всеми изменениями в природе, болезненно реагируя на различные природные аномалии. Каждому из природных явлений они стремились дать собственное объяснение»³⁶.

Характерным свойством восточнославянского язычества выступал фетишизм вкупе с тотемизмом, в образе наиболее ранней формы религиозного культа. Поклонение неодушевленным предметам материального мира могло выражаться в виде почитания камней, водоемов, колодцев, роц и отдельных деревьев. Обычно объект, который стал предметом поклонения древних славян, обладал уникальной формой, напоминавшей животного (реально существующих либо мифических) или человека. Поклонение камням исходило из воззрений о том, что они выступают в образе мирового фундамента, символизируя собой мировую гору. Почитание неодушевленных предметов обязательным образом сопровождалось табуированием и различными запретами,

---

³⁴ Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси. С. 35.

³⁵ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.folk.ru/> (дата обращения: 04.02.2022).

³⁶ Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. — М.: Высш. шк., 1988. — С. 31.

которые выражались в том, что объекты поклонения запрещалось осквернять, в связи с тем, что месть с их стороны была неминуемой и страшной³⁷.

В древнеславянском социуме почитание деревьев сопровождалось молениями. В большинстве своем объектами поклонения выбирались старые деревья, обладающие замысловатыми узорами, дуплами, выступающими из земли корнями. Нередко предметами культа являлись и несколько стволов дерева, имеющих общий корень. Часто древние славяне полагали, что священные деревья с множеством стволов обладают целительными свойствами. Это выражалось в ритуалах протаскивания больных людей через разветвления стволов священного дерева. Особо почитаемым деревом у древних славян считался дуб, которому нередко приносились жертвы и посвящались молитвы³⁸.

Фаллический культ у древних славян был также широко употребляем, что в высшей степени влияло на статусы гендерных групп, привязывая их социально-культурное взаимодействие к физиологическим особенностям мужчин и женщин. В частности, к фаллическим сущностям славянского язычества можно отнести Ярилу — бога, который инициирует пробуждение природных процессов. Этимологически происхождение этого названия связано с яростью, силой, неистовством, молодостью, страстью и функционально сопряжено с наступлением весны. Небезынтересно и то, что славянский глагол «ярити» находится в плоскости термина, означающего «совершение полового акта». В одном из гимнов, приписанных указанному богу, говорится: «Я покрыл равнины травой и деревья листвой. Я приношу полям урожай, а скоту приплод»³⁹.

Стоит отметить, что сексуальность, как императивный паттерн человеческого поведения, выступает существенным обстоятельством человеческих взаимоотношений. Репродуктивная функция, выступая доминантой, оказывает воздействие практически на все важнейшие социальные институты, определяя развитие человека. Духовная культура здесь не является исключением, и она нередко пропитана скрытым сексуальным подтекстом.

Практически все конфессиональные направления используют сексуальность человека для осуществления духовных практик. Например, в христианской религии духовное просветление монахов опосредуется сублимацией энергии, перенаправленной из русла сексуальности в психическую сферу. Целибат, обет целомудрия, систематические молитвы обладают особой

---

³⁷ См.: *Левкиевская Е. Е.* Мифы русского народа. — М.: АСТ, 2010. — С. 72—73; Гнатюк В. Мифы древних славян / В. Гнатюк, Ю. Гнатюк // *Экономические стратегии*. — 2013. — Т. 15. — № 6 (114). — С. 106—113.

³⁸ См.: *Фроянов И. Я.* Указ. соч. С. 35—36; *Автандил А.* Культ дерева в мифологии тюркских и славянских народов // *Восточно-Европейский научный журнал*. — 2021. — № 6—2 (70). — С. 34—36.

³⁹ См.: *Коловрат Ю. А.* Сексуальное волховство и фаллоктенические культы древних славян // *История Змиевского края*. Змиев [Электронный ресурс]. — URL: <https://colovrat.at.ua/publ/2-1-0-19> (дата обращения: 07.02.2022).

телеологической направленностью, которая замыкается на взаимоотношениях с божественными сущностями.

У большинства этносов жреческое сословие — посредник между реальным и сакральным мирами — нередко имеет определенные характерные признаки, конвергирующие физиологические особенности как женской, так и мужской групп. Так, Г. Фреймарк отмечает: «У южных славян ещё в настоящее время принято считать знахарей и ворожей гермафродитами с совершенно своеобразными половыми склонностями. „Удивительно то, — говорит Краусс, — что знахари облачаются в женское платье, а ворожей — в мужское“»⁴⁰. В тантрических практиках, расположенных в плоскости духовного пути «левой руки» практикуется изоциренный и в обычной жизни аморальный сексуальный функционал, который должен помочь в духовном поиске⁴¹.

К фаллическим сакрализованным сущностям древнего социума относились такие представители потусторонних сил, которые отображались в образе репродуктивных органов либо с гипертрофированными половыми органами. Небезынтересно, что научная литература называет мужской половой орган в состоянии возбуждения *φάλλος*⁴², под которым изначально понималось оружие, в основном копье. В то же время название женского копулятивного органа берет начало от древнегреческого слова *κτης* (род. пад. *κτηνος*) «гребень»⁴³.

Имманентная сущность тенденции почитания мужских и женских репродуктивных органов практически во всех социумах в период языческой религиозной практики достаточно незамысловата, т. к. половые органы выступали символами плодородия, материальной обеспеченности, оплодотворяющих и рекреационных свойств окружающей природной среды. Так, М. М. Маковский отмечает: «Фаллические действия играли первостепенную роль в мировоззрении язычников. Божественное сотворение Вселенной мыслилось как фаллическое действие: Божество фаллосом разорвало Хаос и сотворило мироздание (аналогия с разрыванием девственной плевы). Фаллос — символ космической энергии, середина микро- и макрокосмоса (упорядочивающее начало)»⁴⁴. Степень влияния сексуальной сферы на язычество древ-

---

⁴⁰ Фреймарк Г. *Оккультизм и сексуальность*. — М.: ТОО «Константа», 1994. — С. 18.

⁴¹ См.: *Бхававсенаху*. Вамачара: Путь Левой Руки в Тантре / Бхававсенаху; Шри Бхававсенаху. — Бомбей [и др.]: Сатъя-Веда, 2007. — 221 с.

⁴² См.: *Словарь иностранных слов*: с грамматическими формами, синонимами, примерами употребления / И. А. Васюкова; под ред. И. К. Сазоновой. — М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. — С. 531.

⁴³ См.: *Словарь иностранных слов*: с грамматическими формами, синонимами, примерами употребления / И. А. Васюкова; под ред. И. К. Сазоновой. — М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. — С. 531.

⁴⁴ *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. — С. 376.

них славян отображена и в языкознании. В частности, название мужского копулятивного органа у славян этимологически происходило от слова «гой-ти» — дарить жизнь.

При анализе материального отображения славянских идолов можно отметить, что они нередко представляли собой элементарные столбы фаллической формы, на которых вырезался лик того или иного божества с его характерным личным атрибутивным предметом, который обычно выступал в виде кольца, рога, меча и т. п.

Стоит отметить, что в период позднего мезолита у далеких предков славян был инициирован постепенный переход к патриархальному укладу в брачно-семейных отношениях. Такой дрейф в сторону сужения сферы материнского права обладал определенной амбивалентностью, которая выражалась в дуализме хозяйственных и брачно-семейных связей. Первым фактором здесь выступил процесс накопления избыточного продукта и рост примитивной экономики социума, который инициировал возможность существования отдельной семьи, которая характеризовалась моногамией либо многоженством. Собираательство, которым занимались преимущественно женщины и дети, не стало приносить существенного вклада в семейное хозяйство, а земледелие, связанное с тяжелым трудом и животноводством, а нередко и охота, выступали мужским занятием; и статус мужской гендерной группы, усиленный социальным регулированием, основанным на силовой парадигме развития человеческих взаимоотношений, стал обладать определенным доминированием в сфере управления не только в брачно-семейной сфере, но и в племенных и межплеменных правоотношениях. Вторым фактором указанного дрейфа материнского права выступает полное исчезновение группового брака и появление индивидуально определенного отца как социокультурной данности. Параллельно с появлением фигуры отца и его роли в зачатии ребенка включились механизмы сакрализации мужчины как родоначальника. Как следствие, почитание женского начала было отодвинуто в факультативную плоскость языческих верований, хотя он еще по инерции сохранялся некоторое время у различных народов, выражаясь в культе Кибелы, Исиды, а в настоящее время имеет место в христианской традиции посредством поклонения Богородице. Как ни парадоксально, через улучшение материального благосостояния и уяснение физиологических причин зарождения человеческой жизни случилась определенная концептуальная революция в понимании сакральных смыслов, и верховное божество сменило пол с женского на мужской, а инициирование процесса зарождения жизни стало пониматься через зачатие. Именно этим и объясняется фаллическое изображение богов в славянском язычестве.

Тем не менее материнское право в славянской мифологии сохранило некоторые матриархальные черты и женские свойства. В частности, в славянском пантеоне достаточно четко представлены три богини: Жива, Лада и Пиза, которые обладали сакральной спецификацией в рамках взаимоотно-

шений, связанных с категорией «любовь»⁴⁵. Жива, как сакральная языческая фигура, обладала функционалом, связанным со сферой любви в целом, без сексуального подтекста. Таковой выступала родительская любовь, чувство патриотизма, почитание родителей, любовь к природе и т. п. Лада в славянском пантеоне играла более конкретную роль, которая обладала ярким, но не всеобъемлющим сексуальным подтекстом, затрагивая сферу брачно-семейных отношений и любовь между мужчиной и женщиной. В свою очередь, Пиза была олицетворением женского полового органа и сексуального влечения мужчины и женщины. Само слово «пиза» у славян означало женский копулятивный орган. Именно Пиза отвечала за сексуальный инстинкт, который в конечном счете и приводил к сексуальной связи между мужчиной и женщиной. В языческой традиции Пизу обычно изображали в виде женщины с гипертрофированным половым органом⁴⁶.

Если говорить об аналогах славянской Пизы, то Пизюс — литовское божество, этимологически *piza* означает «вульва»⁴⁷. Тем не менее можно полагать, что сакральная традиция почитания Пизы имеет начало еще в общеиндоевропейский период⁴⁸.

Как уже было сказано выше, к мужскому славянскому пантеону относился Ярила, облик которого был обычно представлен всадником в белом плаще с колосьями пшеницы в правой руке. Иногда в левой руке это славянское божество держало человеческую голову. Реже Ярилу изображали посредством гипертрофирования в его образе мужского полового органа⁴⁹.

В этой связи небезынтересен крестьянский фольклор Костромской губернии, который выражался в обрядной составляющей «похорон Ярилы». Структурными элементами указанной композиции выступали знаковые символы похорон небольшого гроба, в котором располагалась фигурка куклы с гипертрофированным мужским достоинством. Примечательно, что женщины при осуществлении этого обряда должны были плакать. Анализируя обрядную составляющую «яриловых похорон», Б. А. Рыбаков полагает, что языческий бог, как символ посеянного весной зерна, должен умереть до следующей весны, дав побеги в виде колосьев⁵⁰.

Сексуальная повестка язычества древних славян отчетливо проявлялась и в обрядной составляющей свадеб. Архаику свадебных традиций восточнославянских протогосударственных образований северян, радимичей

---

⁴⁵ См.: *Бычков А.* Жива // Мифы и магия индоевропейцев. — М.: София, 2000. — Вып. 9. — С. 66.

⁴⁶ См.: *Бычков А. А.* Энциклопедия языческих богов (мифы древних славян). С. 215.

⁴⁷ См.: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Балтийская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. — М.: Сов. энцикл. — Т. 1. — С. 156.

⁴⁸ См.: *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2 частях. — Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. — Ч. 2. — С. 817.

⁴⁹ См.: *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. С. 420.

⁵⁰ *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. С. 420.

и вятичей характеризовал летописец Нестор, отразив в них сакрализацию той сексуальной энергии, которая сопровождала инициирование брачно-семейных отношений древних славян. «А радимичи, и вятичи, и северяне, — пишет Нестор, — имели одинаковые обычаи: жили в лесу, подобно зверям, ели всё нечистое, и срамословие у них перед отцами, и перед снохами; и браков не бывало у них, но игрища между селами. И сходились на игрища, на пляски, и всяких бесовских песен; и ту умыкали себе в жёны, с которою прежде сговорились; имеют же по две и по три жены»⁵¹.

Христианское мировоззрение летописца провоцировало его на некоторую ангажированность в оценке брачно-семейной традиции славян-язычников и его восприятие ярко выраженной сексуальности в сакральных обрядах славян он воспринимал в негативном ключе. В частности, то, что понимал Нестор под нецензурной бранью, выступало ничем иным, как песнями, воспевавшими сексуальность и плотскую любовь между мужчиной и женщиной. Действительно, песни, которые пели славяне на своих брачных обрядах, нередко были окрашены в подчеркнута эротические тона, в связи с этим они показываются монаху срамными и непристойными.

Стоит отметить, что подчеркнутая сексуальность в обрядной составляющей брачных ритуалов славян сохранилась и после христианизации, в частности в Малороссии конца XVIII — начала XIX столетий. Например, у украинцев во время свадьбы долгое время было принято исполнять песни, которые описывали процесс первой брачной ночи⁵². Думается, что именно нарочито-показное отношение древних славян к сексуальности в брачной традиции Нестор и называл срамословием. В украинской и великорусской фольклорной традициях сохранился также обычай выставлять на всеобщее обозрение простыню, на которой была осуществлена дефлорация жены⁵³. Характеристичным здесь выступает общественное порицание добрачных сексуальных связей женщин, которое наблюдалось не только в славянской среде, но и в культурах иных народов.

Сексуальность в сакральной сфере у древних славян проявлялась и в различного рода волховстве, которое стало предметом пристального внимания этнологов. Различные магические практики, связанные с сексуальными отношениями мужчин и женщин, можно условно классифицировать на три вида:

- производство разнообразных приворотных средств;
- изготовление афродизиаков;
- совершение магических любовных заклинаний.

---

⁵¹ *Повість врем'яних літ: Літопис (За Іпатським списком) / Пер. з давньоруської, післяслово, коментар В. В. Яременка. — Київ: Радянський письменник, 1990. — С. 20—23.*

⁵² См.: *Вовк Х. К. Студії з української етнографії та антропології. — Київ: Мистецтво, 1995. — С. 289.*

⁵³ Там же. С. 296.

Сфера колдовства, связанная с сексуальными отношениями, была достаточно обширной. Сюда можно включить и привлечение к себе предмета своей любви, сакральное воздействие, связанное с проблематикой бесплодия, наведение порчи, а также различные манипуляции, призванные предохранить от беременности⁵⁴.

Тем не менее сама культура обожествления репродуктивных свойств человека не демонстрирует доминирование или дискриминацию какой-либо гендерной группы, по причине взаимного дополнения и взаимозависимости мужчин и женщин в древнерусском социуме⁵⁵.

Кроме сакрализации различных фетишей, тотемических отождествлений и почитания сексуальности и плодородия, у древних славян существовал большой спектр высших и низших богов⁵⁶.

Так, уже в период, когда социальное устройство у славян характеризовалось родовыми правоотношениями, у них зарождается культ почитания предков. Такая сакральная составляющая языческих верований древних славян базировалась на убеждении о том, что жизнь человека после смерти получает свое продолжение, и покойники находят смысл существования в загробном мире в том, что помогают своим живым кровным родственникам либо мешают им, если те при жизни или после смерти плохо относились к покойному. За сакральную сферу в области умерших предков выступал так называемый Чур⁵⁷.

В русле настоящего исследования особо интересны представители славянского пантеона, которые олицетворяли собой не только явления окружающей природной среды, но и социальную среду древних славян. Восточнославянский Олимп, по образному выражению И. Я. Фроянова, состоял из Рода и Рожаницы, Перуна, Велеса, Сварога, Дажбога, Стрибога, Хорса, Мокоши (Макоши) и других, менее значимых сакральных фигур. Примечательно то, что повышенная значимость мужской гендерной группы в спектре социальных связей восточнославянского общества выразилась в доминировании мужских богов в пантеоне.

На вершине славянского языческого пантеона располагался Перун — бог грома и молнии. Древние славяне считали, что обителью Перуна выступало небо, а само божество повелевало небесным огнем, являясь владыкой всего, что находится на земле⁵⁸. Перун являлся богом воинственным и считался покровителем дружины князя. В культе указанного божества выража-

---

⁵⁴ Фреймарк Г. Указ. соч. С. 76.

⁵⁵ См.: Лукичев П. Н. Фаллический культ: социоисторический анализ / П. Н. Лукичев, А. П. Скорик // Социологические исследования. — 1994. — № 12. — С. 80—88; Явон С. В. Мужское и женское: символический аспект // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. — 2015. — № 1 (20). — С. 254—258.

⁵⁶ Мавродин В. В. Древняя Русь. — М.: Госполитиздат, 1946. — С. 227—228.

⁵⁷ Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 36.

⁵⁸ Левкиевская Е. Е. Указ. соч. С. 47.

лись первые зачатки древнерусской государственности и постепенный дрейф сакральных институтов в русло мужской доминантности и воспевания физиологических мужских качеств — силы, ловкости, храбрости. В насаждении культа Перуна прослеживается потеря значимости женской гендерной группы в древнерусском социуме. Сам факт зарождения государственности, появление постоянной дружины и княжеской власти демонстрирует смену парадигмы развития общества. После формирования указанных обстоятельств обычный труд, тем более в домашнем хозяйстве, уже не представляется привлекательным, т. к. добыча с одного набега на соседей могла принести прибыль, несоизмеримую с годовым оборотом домохозяйства. Мало того, женщина обычно не могла принимать участия в военных походах, и её статус в семье и общине постепенно снижался.

Отголосок культа предков проявился у древних славян с почитанием Рода и Рожаниц. Эта группа сакральных фигур представляла собой богов, отвечающих за плодородие и акт творения, параллельно выступая в образе основателей рода. Характерно то, что Род существовал в единственном числе, а Рожаниц было несколько, что отсылает исследователя к патриархальному укладу семьи, в которой имело место многоженство. Род и Рожаницы покровительствовали земледельцам и скотоводам, имплицитно транслируя отцовскую власть в семье.

Большим авторитетом у восточных славян пользовался Велес — покровитель скотоводства и торговли. Обителю Велеса был подземный мир, а функционально указанное божество отвечало за благосостояние человека, а также его удачу и счастье⁵⁹. Велес не имел спутницы, что демонстрирует тот факт, что в период существования его культа женщины не играли существенной роли в экономических связях восточнославянской общины.

Важную роль в славянском языческом пантеоне играл Сварог — бог неба, а также огня как такового. Функции Сварога не пересекались с компетенцией Перуна, поскольку Сварог покровительствовал мирному огню, простым труженикам, тем, кто хлопотал по хозяйству, домашнему очагу, и не был воинственен. Сыном Сварога выступал Дажбог — бог солнца. В образе Стрибога восточные славяне почитали бога ветров, что косвенно указывает на развитие морской торговли древнерусского государства. Ни Сварог, ни Дажбог, ни Стрибог не имели спутниц женского рода, а это означает, что женщина в период существования практики указанных культов не играла какой-либо заметной роли в купеческом промысле, а в быту обладала подчиненным положением⁶⁰.

В качестве единственного самостоятельного женского персонажа языческого пантеона у восточных славян выступала Макошь (Мокошь) — повелительница тьмы, нижней части мира, покровительница прядения и ткачества. Макошь (Мокошь) почитали исключительно женщины, а сама обрядная

---

⁵⁹ Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 38.

⁶⁰ См.: Климов Е. В. К вопросу о верховном боге в пантеоне древних славян // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 18 (119). — С. 13—21.

составляющая могла быть как открытой, так и в виде закрытых женских собраний. Нередко культ Макоши (Мокоши) ассоциировался с почитанием женской сексуальной энергии⁶¹. Такая сакральная тенденция крайне характерна для периода торжества мужского права и урезания материнского права. Женское божество, хотя и занимает место в пантеоне преимущественно мужских богов, но место народная традиция ему дает в нижней части мироздания, табуируя женскую сексуальность в качестве преграды для женского промискуитета, оказывая протекцию мужскому праву.

Славянская языческая традиция утверждала и иные божества, низшие в сравнении с основным пантеоном. Туда входили и боги конъюнктурные, как, например, Хорс и Симаргл, культ которых был введен князем в качестве комплементарного мероприятия, адресатами которого были наемники персидского происхождения. Славянская мифология сохранила и следы первобытного анимизма в образе «упырей и берегинь», добрых и злых существ, которым славяне приносили подношения⁶².

В русле анализа особенностей культовых верований восточных славян и её отображения в гендерной спецификации социального регулирования небезынтересен культ вождей, который утвердился в среде восточных славян. Почитание своих вождей доходило у указанных народов до прямого обожествления, сигнализируя о развитии государственных начал и, что важно, создавало предпосылки для появления групп женщин, составлявших элитарную структуру. Многочисленные жены князей и воевод и даже их наложницы (если рожали сыновей) обладали многочисленными правами и имущественным положением, о котором не могли мечтать обычные женщины из крестьянской и городской среды, обремененные домашним хозяйством и безграничной властью мужа.

Если вести речь о периодизации восточнославянского язычества в аспекте гендерной проблематики, то можно проследить четкий дрейф сакральных верований от первобытного анимизма, когда добрые и злые духи, мужские и женские божества были предметом поклонения на правах равенства и общей значимости. С момента появления отдельных семей и отмирания группового брака утверждается власть отца, а матриархальные тенденции полностью отмирают, появляется культ предков с доминантной фигурой праотца — Рода и факультативных женских божеств — Рожениц. Уже после закрепления культа пращурам возникают отраслевые божества, которые берут на себя протекцию над различными направлениями жизнедеятельности социума: военными походами (Перун), экономикой и торговлей (Велес), земле-

---

⁶¹ См.: *Левкиевская Е. Е.* Указ. соч. С. 29; Митина В. В. Мокошь (Макошь) — проблема реконструкции образа: к теории вопроса / В. В. Митина, Т. А. Чужайкина // Центр и периферия. — 2020. — № 1. — С. 34—38.

⁶² См.: *Рыбаков Б. А.* Рождение Руси. — М.: «АиФ Принт», 2003. — С. 180; *Дорошин Б. А.* Некоторые замечания о соотношении аспектов фитозоантропоморфных образов славянской мифологии и фольклора // Сборники конференций НИЦ Социосфера. — 2011. — № 42. — С. 162—168.

делием (Сварог), мореплаванием (Стрибог), дипломатией (Симаргл). Среди функционально направленных культовых сакральных позиций женское божество — Макошь (Мокошь) занимает низшее место в сакральной иерархии, покровительствуя табуированной женской сексуальности⁶³.

В заключение параграфа необходимо отметить, что особенности культовых верований восточных славян и их отображение в гендерной спецификации социального регулирования отображались через призму экономическо-хозяйственной и государственно-политической функции восточнославянского социума. Первоначальное равноправие гендерных групп, базировавшееся на значимости ведения домашнего хозяйства и женского труда, в целом сменилось новой парадигмой развития внутриобщинных связей, где на первом месте вступил мужской труд, связанный с военными походами, опасным кузнеческим ремеслом, а также хозяйственная деятельность, сопряжённая с применением грубой силы. Постепенное табуирование женской гендерной спецификации, сопряжённой с сексуальностью и продолжением рода, подменялось постулированием значимости мужского начала в сфере семьи и брака, что в конечном счете проявилось в восточнославянском языческом пантеоне.

§ 2. Этико-культурные практики православного культа и конвертация восточнославянской языческой парадигмы в аспекте гендерных флуктуаций социальных связей

Национальная философия у всех без исключения социумов зиждется на спецификациях, связанных с духовным познанием окружающего мира, которая, так или иначе, предопределяется культурной и исторической традицией общества и, в том числе, аспектами гендерных взаимоотношений и социального регулирования в указанной сфере. Осознание субъектом общественных отношений структуры социальных связей в спектре осознания своей роли в поведенческой модели обладает определенным дуализмом и амбивалентностью, первым из которых выступает социальный аспект, а вторым — аспект личностный. Активно-созидательное начало неизменно транслируется из личностного аспекта этико-культурных практик в сферу социальных рефлексий, наполняя определенным поведенческими паттернами кластер взаимных связей, в том числе между гендерными группами. Таким образом, обозначенная проблематика гендерных флуктуаций социальных связей берет исток в том или ином способе миропонимания и в специфике духовных практик в рамках определенной национальной традиции. Так, если личностный аспект понимания роли гендерных групп обладает свойствами самодостаточ-

---

⁶³ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1945. — С. 311.

ности, имея собственные, часто уникальные истоки своей активности, то социальный аспект детерминирован парадигмой общественного менталитета.

Основным существенным обстоятельством, которое предопределяет ментальную спецификацию народа, задавая исходные поведенческие алгоритмы и правосознание, выступает природная и социальная среда. Так, трудно не согласиться с высокой значимостью влияния климата и географии на национальный менталитет. «Отчего у одного народа такая субстанция, у другого иная, — это почти... невозможно решить... Но нет ни одной причины, на которую бы так смело можно было указать, как на климат и географическое положение страны, занимаемой народом»⁶⁴. Окружающая природная среда и социум неизменно оказывают свое воздействие на фундамент национального менталитета, как в аспекте общегуманитарном, так и в сфере гендерных взаимоотношений.

Основное чувство, которое систематически инициируется и взращивается в личности социальным и природным окружением, выступает в образе духовной неудовлетворенности своим бытием, которое постоянно транслируется на все сферы человеческой жизни у всех, даже самых примитивных народов. Метафизическая неполноценность выступает в образе исторического и культурного генератора, затрагивая все социальные процессы. Перманентный дискомфорт становится фундаментом зарождения в национальной культуре архетипической теогонии, посредством которой человек осуществляет попытку познания внешнего мира и собственную роль в социуме.

Так, по выражению А. Игнатова, «миф разрушения и созидания всего заново, священного убийства, ритуального жертвоприношения, делающего возможным рождение, миф спасительной катастрофы» выступает символом разрушения и созидания⁶⁵. Такое фундаментальное предание различным образом транслируется в национальной культурной традиции, отражаясь в особых ментальных установках, генерируя идеи, призванные снизить неудовлетворенность личности, породив в ней уверенность, в конечном счете примирив человека с реальным миром. Концептуальные подходы в аспекте общения с миром и понимания своей роли, в том числе и в репродуктивно-гендерных взаимоотношениях, думается, делятся на три вида: западный, восточный и славянский.

Культурная традиция Запада еще во времена античности зиждилась на представлениях Хаоса как изначального мирового субстрата, давшего первopotенцию всему сущему. Концепция Гераклита утверждала всеобщность борьбы, в рамках которой зарождается справедливость и все важнейшие этические категории. Основопологающему началу Хаоса в западной концепции миропонимания противопоставляется принцип власти, который упорядочивает перманентную бессмысленность мира, формируя гармонию, основан-

---

⁶⁴ См.: *Русская идея*: антология. Сост. и авт. вступ. ст.: М. А. Маслин. — М.: Республика, 1992. — С. 78.

⁶⁵ *Игнатов А.* Метафизические корни коммунизма // *Вопросы философии*. — 1994. — № 12. — С. 32—47.

ную на разуме. Западная культурная традиция отталкивается от идеи, согласно которой личность способна преодолеть перманентную бессмысленность человеческого бытия посредством усовершенствования социальных институтов и окружающей природной среды в рамках исторического существования. Человек, рожденный в этико-культурной парадигме Запада, пытается активно преодолеть личный ментальный дискомфорт, который инициирован общим состоянием реальной действительности, переустроив окружающую реальность с позиции принципов разума и справедливости. В настоящее время проблематичность подобного подхода выражается в вольной трактовке роли человека и природы, репродуктивных, сексуальных и гендерных связей, развитии радикального феминизма и непонимании того, что основным элементом правового статуса мужчины и женщины выступают не права, а обязанности, которые и определяют спектр существующих субъективных прав личности.

Воля к власти оказалась доминирующим архетипом, который в значительной мере детерминировал развитие западной культурной традиции, сформировав ту социально-культурную парадигму, против которой выступали мыслители XIX столетия. Как отмечает Т. П. Григорьева: «„Силовой“ вариант истории, жесткая система связей (ян) в наше предельное время имеет тенденцию перейти в „несиловой“, в гибкую систему связей (инь) — по причине хрупкости самой жизни»⁶⁶.

Культурная парадигма Востока, напротив, отталкивается от представлений изначальной упорядоченности окружающего мира, его гармонии и совершенства. Восточная этико-культурная концепция предусматривает бессмысленность противодействия внешнему социальному окружению и природе, т. к. это выступает бесперспективностью и ошибкой. Принцип презумпции изначального мирового порядка «дао» не предусматривает активного воздействия в сфере переустройства социальных институтов и природы, а единственной сферой, где личность может прилагать усилия, выступает её физический и духовный мир. В аспекте явного несовершенства внешнего окружения и окружающей природной среды восточная этико-культурная парадигма упорно отстаивает позиции абсолютной гармонии бытия: «Смотрю на него и не вижу, а поэтому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым... Не надо стремиться узнать об источнике этого, потому что это едино... Оно бесконечно и не может быть названо. Поэтому называют его неясным и туманным»⁶⁷. В этой связи менталитет Востока в рамках исследования гендерной проблематики характеризуется неизменным традиционализмом, который наиболее ярко выражен в странах ислама. Доминирование мужчин во всех сферах социального и правового регулирования основано на неизменном постулате женской неполноценности.

---

⁶⁶ Григорьева Т. П. Указ. соч. — С. 48.

⁶⁷ Григорьева Т. П. Указ. соч. С. 55.

Восточнославянская этико-культурная традиция отталкивается от совершенно иных принципов, отличаясь особой самобытностью и концептуальной уникальностью. Тем не менее раскрыть все нюансы менталитета восточных славян является делом в высшей степени непростым. Такая ситуация обусловлена двумя факторами. Первым обстоятельством выступает тот факт, что восточнославянская мифология не обладает свойствами развитости и далека от систематизации. Культурные воззрения восточных славян возникли в результате конвергенции разнообразных элементов восточнославянской мифологии, тюркских преданий, иранских мифов, угро-финских сказаний, скандинавского эпоса. Такая этико-культурная рецепция демонстрирует сложность формирования древнерусского общества, в котором славянский этнос хотя и был основным, но не единственным элементом⁶⁸. Вторым обстоятельством выступает фрагментарность данных, затрагивающих этико-культурную традицию восточных славян, которая затрудняет понимание основополагающих начал восточнославянского язычества, параллельно с широким массивом обличающей язычество литературы, написанной после христианизации Руси.

В этой связи попытка уяснить аспект гендерных флуктуаций социальных связей древнерусского общества будет предпринята автором с позиции, выражающейся в том, что основная уникальность восточнославянских языческих верований и древнерусской христианской традиции берет начало из геополитической нестабильности, суровых климатических условий и географических просторов, которые и предопределили религиозные воззрения восточных славян и их менталитет, затрагивающий сферу гендерных взаимоотношений.

Необходимо отметить, что ключевой особенностью русского менталитета, как наследника восточнославянской социокультурной среды, выступает доминирование особых воззрений на возможность личности переустроить мир. Русский человек не признаёт за собой право самостоятельного и самовольного изменения окружающей природной и социальной среды без санкции коллектива, волю которого может выражать общество или государство. Суть проблемы в этом аспекте располагается не в отсутствии личного достоинства в русском человеке, а также не в недостатке индивидуалистских начал представителя русской цивилизации. Всё дело в том, что ключевым положением менталитета человека, выросшего в русской культурной среде, является уверенность в том, что никакое переустройство природы и социума со стороны отдельной личности невозможно. Пресловутое положение о «недоделанности» русского человека — не что иное, как генерация многовекового опыта, которая ясно демонстрирует, что комфортное обустройство человека в мире не представляется возможным.

---

⁶⁸ См.: Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X—XVII веков. — М.: МГУ, 1990. — С. 40—41; Бесков А. А. Анализ мифологической составляющей восточнославянского язычества // Аналитика культурологии. — 2015. — № 2 (32). — С. 91—99.

Древнерусские языческие воззрения представляли мир в виде перманентного хаоса и иррационализма, который изначально не допускал возможности упорядочения. «Переживание хаоса, ощущение хаоса как основы миропорядка свойственно именно русской душе... Возможно, что переживание стихии как сущности русской души связано с исходными моментами развития нашей ментальности, с тем, что славянская мифология не была достаточно разработана... и не знала космогонических мифов с их главной темой — преобразования хаоса в космос»⁶⁹. В качестве характерного ментального свойства восточных славян выступает аспект строительства жилища, который несет в себе идею перманентной бытийности хаоса. Так, сооружение дома «осмыслялось как воспроизведение акта упорядочивания изначального хаоса... Защита от внешней стихии осмысливалась с помощью символа круга, которым обводили себя и жилище... Интересна связь идеи окруженного пространства с идеей единства, цельности...»⁷⁰. В связи с таким подходом к строительству сооружений священные урочища славян нередко огораживались рукотворными изгородями, а капища и культовые сооружения в основном располагались на возвышенностях. В понимании восточных славян храм выполнял функцию центра мироздания. В то же время осуществление благоустройства древние славяне видели не в материальном, а в духовном аспекте, с допущением существования в новой, комфортной реальности иных законов и онтологических смыслов⁷¹.

Востоочнославянская действительность в древнейшие периоды провоцировала малоперспективное и изнурительное противостояние ей со стороны людей. Такой процесс выработал у восточных славян две основных доминанты, отразившиеся в национальном менталитете и повлиявшие на их правосознание, культуру и быт.

Первой доминантой здесь выступает общинный дух восточных славян, который выражался в подавлении индивидуалистских начал и приоритет коллективных ценностей над личным интересом. Экстремальные условия существования вынуждали восточное славянство вырабатывать принципы коллективизма практически во всех аспектах бытия. Косвенно это выражалось в гендерных аспектах социального регулирования, в частности в особых обязанностях мужской гендерной группы в сфере кровной мести, когда лица мужского пола обязаны были мстить за убитых родичей. Также восточнославянский коллективизм выражался и в высоких требованиях материального благополучия лиц мужского пола, что выражалось в дискриминации примарков, когда пришлый в семью супруги мужчина не обладал полноправием в быту и социокультурной среде общины. Высокая роль государства в жизни

---

⁶⁹ См.: Кантор В. А. Стихия и цивилизация: два фактора «российской судьбы» // Вопросы философии. — 1994. — № 5. — С. 31.

⁷⁰ См.: Попович М. В. Мироззрение древних славян. С. 51—53.

⁷¹ См.: Козлов М. Н. Содержание древнерусских языческих святилищ: факты против мифов // Вестник Томского государственного университета. История. — 2018. — № 51. — С. 108—114.

восточных славян также выступает следствием экстремального социального и природного окружения, когда с развитием государственности общину, как главного регулятора общественных отношений, подменяет собой князь. Перманентную дискриминированность лиц женского пола можно также усмотреть в общинном способе хозяйствования, когда передел земли осуществлялся с позиции мужского права. В связи с этим женщина не была желанным ребенком в восточнославянской семье.

Стоит отметить, что не только восточнославянскому обществу свойственна общинность и коллективизм. Практически все народы прошли указанную стадию хозяйствования. Тем не менее высокая степень коллективных принципов управления восточнославянским обществом отмечается многими мыслителями. Так, Н. А. Бердяев считает, что «русскому народу действительно свойственна большая коммунитарность, чем народам Запада, ему мало свойственен западный индивидуализм... Это есть духовное, метафизическое свойство русского народа»⁷². Основополагающую роль коллективного интереса и общины в жизни восточных славян отмечает и А. И. Герцен: «Внизу — сельская община, застывшая в ожидании, медлительная, но уверенная в своем развитии, консервативная, переносящая все, кроме отрицания своей основы... Это краеугольный камень всего здания, его монада, клетка огромной ткани, именуемой Россия»⁷³. В то же время мыслитель различал восточное мировоззрение и славянский менталитет в аспекте доминантности общего интереса над частным: «Хотя у славянских народов чувство личной независимости так же мало развито, как у народов Востока, однако же, надобно отметить следующее различие между ними: личность славянина была без остатка поглощена общиной, деятельным членом которой он являлся, тогда как на Востоке личность человека была без остатка поглощена племенами или государством, в жизни которых он принимал лишь пассивное участие»⁷⁴.

В этой связи гипертрофирована и роль государства на Руси, т. к. тому способствовали географические и климатические условия существования восточных славян, а также враждебное окружение недружелюбных соседей, с которыми возникали постоянные кровавые распри. Так, Г. Д. Гачев отмечает: «Россия — страна равнин и степей, без значительных гор, так что Природа как бы отказала ей в вертикали бытия. И вот, как бы в компенсацию за это отсутствие, в России в ходе истории выстроилась искусственная гора гигантского Государства... и жизнь страны, таким образом, обрела вертикальное измерение»⁷⁵.

---

⁷² *О России и русской философской культуре: Философы послеоктябрьского зарубежья.* — М.: Наука, 1990. — С. 85.

⁷³ *Герцен А. И.* Эстетика. Критика. Проблемы культуры / сост. В. К. Кантор. — М.: Искусство, 1987. — С. 122.

⁷⁴ *Герцен А. И.* Указ. соч. С. 186.

⁷⁵ *Гачев Г. Д.* Национальный космо-психо-логос // Вопросы философии. — 1994. — № 12. — С. 63.

Доминирование государства в общественной и политико-культурной среде ключевым образом повлияло на гендерные флуктуации социальных связей Древнерусского государства. Высокий статус князя и его помощников, воевод, старших и младших дружинников выделяет из среды перманентно дискриминированных женщин огромный массив жен и наложниц, которые обладали обширными личными и имущественными правами при условии выполнения репродуктивных обязательств (рождение сына). Привилегии, которые обретали приближённые к облечённым властью мужчинам женщины, были немыслимы для женщин из крестьянской среды и простых горожанок. Жены князей, родившие наследников, получали в кормление значительные территории, а княжеские наложницы, родившие сыновей, приобретали право владеть населёнными пунктами через родство со знатным сыном.

Ведя речь о культовой составляющей восточных славян, необходимо отметить, что убежденность в невозможности благоустройства окружающей действительности выразилось в характерных верованиях в справедливую и комфортную жизнь в ином времени и пространстве. Перманентный фатализм восточного славянства выражался в поведенческих паттернах текущей реальности, однако вселенского отчаяния и безысходности не наблюдалось по причине веры в то, что существует счастливая жизнь в ином пространстве, не коррелируемом с настоящим эмпирическим бытием. Надежда на лучшую жизнь в исключительно суровых условиях располагалась в плоскости некоей запредельной реальности, в которой восточные славяне и видели перспективу лучшей, комфортной жизни. В связи с этим древние славяне обладали специфическими воззрениями на смерть, которые не характеризовались высоким негативным отношением и сильными эмоциональными переживаниями по поводу гибели человека. «Уход на «тот свет» не был для славянина противоположностью бытию, как тело не было для него противоположностью душе. Поэтому и естественный для всякого живого существа страх смерти подавлялся более сильно, чем в последующем, идеей "иного живленьица"»⁷⁶. Религиозная позиция восточных славян к проблематике небытия широко отражена в их погребальных практиках, в которых трагизм ситуации был конвергирован с элементами шутовства и комизма. Парадоксальная смесь радости и горя, рождения и смерти, сопровождала практически все праздники восточных славян. Например, радуница характеризовалась внезапными переходами от горя к радости, от плача к смеху. Как отмечает В. Я. Пропп: «Смех на могилах в праздник всеобщего воскрешения... означает, что мертвые не умерли»⁷⁷. В этой связи в образе квинтэссенции обрядной составляющей похорон у восточных славян выступают погребальные обряды русов — привилегированного слоя восточнославянского социума. При погребении умершего или погибшего руса вместе с ним в «загробный мир» уходила масса имущества и рабынь. Нередко любимая жена погребенного следовала за ним,

---

⁷⁶ См.: Попович М. В. Указ. соч. С. 51.

⁷⁷ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. — М.: Азбука-Терра, 1995. — С. 102.

после демонстративного нарушения принципа запрета промискуитета, который выражался в том, что будущую жертву опаивали наркотическими веществами, а после близкие умершего вступали с ней в сексуальный контакт, выражая тем самым чувство признательности и уважения к покойнику.

Ментальная доминанта восточных славян достаточно четко отражена в фольклоре Древней Руси, а точнее в его былинной составляющей. Русские былины здесь выступают социокультурным дискурсом эпохи и восточнославянского язычества. Восточнославянский эпос, лишенный культурного христианского налета, нередко лишает святости те сакральные для христиан фигуры, демонстрируя личный эгоизм князей и героев, демонстрируя их личностное несовершенство. Всё это выступает косвенным доказательством того, что русские былины слагались еще до христианизации Руси. Мало того, былины по своему культурному характеру оставляют широкий спектр для изучения бытовых и духовных черт восточнославянского язычества, т. к. сохраняют ту социально-культурную архаику, которая имела место в языческой Руси.

В русле настоящего исследования наибольший интерес вызывает спектр былин, описывающих отражение вражеского нашествия, который ретроспективно сменяет более ранние былины о борьбе со змеем и процесс сватовства. Изменение былинного дискурса, а также дрейф сюжета былин в плоскость вражеского нашествия как ключевой составляющей восточнославянского эпоса очевидно демонстрирует постепенную смену приоритетов древнерусского социума⁷⁸.

Говоря о культурном дрейфе древнерусского эпоса, прежде всего, стоит отметить то, что ретроспективно основные действующие лица былин подвергаются существенной трансформации. Первоначально былинные богатыри представляли собой фигуры, которые воплощали добродетели, связанные с общинным и коллективным интересом. Богатыри-одиночки раннего былинного цикла успешно справлялись с трудностями посредством применения своих умственных способностей, применяли хитрость, силу и ловкость. При анализе содержания ранних былин можно усмотреть акцент на личных усилиях героя эпоса, когда ему противостоит индивидуально определенный враг в форме змея, женщины с гипертрофированными силовыми показателями либо прожорливого людоеда. Тем не менее постепенно на смену врагам-одиночкам приходит враг коллективный, и богатырь уже не может справиться с ним в одиночку. В связи с этим возникает новый, более актуальный былинный цикл, в котором главными действующими лицами выступает князь с дружиной. Мало того, индивидуальными чертами здесь наделяется не только князь, но и дружинники, а общий контекст былины располагается в русле коллективных усилий в сфере борьбы с внешним врагом. Таким образом, сам характер поздних былин направляет нас в плоскость социально-культурного

---

⁷⁸ См.: Кулагин Д. Л. Мифологические мотивы восточных славян в древности на примере былин и повестей Древней Руси: архетипический анализ // Социально-гуманитарные знания. — 2014. — № 7. — С. 27—34.

кластера, где в качестве общей идейной доминанты позиционируется стремление сплотить общество на фоне военного вторжения и надвигающейся угрозы вражеского нашествия.

Характерно то, что в восточнославянском эпосе роль женщины выражается сугубо в факультативных отраслях древнерусского быта. Она не играет заметной роли в политической и культурной жизни, выступая лишь помощником мужчины-воина. В дружине князя также не наблюдается женщин-воительниц, которые в ранних былинах могли позиционироваться как враги героя-одиночки и характеризоваться с отрицательных позиций. Та, четко определенная роль женщины в быту и культуре Древней Руси, демонстрировала явно и имплицитно доминирование мужского права в Древнерусском государстве, которое, однако, предусматривало широкий спектр долженствований мужчин, на первом месте которых располагалась воинская обязанность.

Характерным в культурном дрейфе восточнославянской былинной традиции выступает трагический финал, который выражается в гибели богатырей. В раннем былинном эпосе такой результат походов героя не предусматривался, т. к. считалось, что герой-одиночка непобедим. Думается, такой культурный поворот в былинах связан, прежде всего, кризисом традиционных культурных ценностей, когда на смену фантастическому сюжету приходит реализм, основанный на историческом опыте⁷⁹. Восточнославянские былины поздней традиции убедительно демонстрируют те сложности древнерусского социума, которые были связаны с вражескими набегами и демонстрировали тот факт, что противостоять врагу крайне сложно, если не сказать большего. В связи с этим в очередной раз можно увидеть отсылку к тому, что победы над врагом и стихией возможны, но не в этом мире.

Таким образом, в аспекте анализа культурного дрейфа восточнославянских былин можно проследить эволюцию и спецификацию социального регулирования древнерусского общества в сфере различных общественных отношений, в том числе и в кластере гендерно-бытовых представлений восточных славян, которые транслировались, хотя и не в полной мере, в православную культуру Древней Руси.

Можно с полной ответственностью заявить, что наиболее адекватным образом, который транслировали восточнославянские языческие воззрения в сформированные социально-культурные клише и гендерные аспекты социальной регуляции, выступила православная религия. Большинство ученых, исследовавших восточнославянскую социально-культурную традицию, замечает удивительную лапидарность языческих культов восточных славян в аспекте соразмерности с главными постулатами православия. В связи с таким обстоятельством можно вести речь об определенной исторической неизбежности восприятия Древней Русью христианской религии византийского об-

---

⁷⁹ См.: *Астафьева Л. А.* Сюжет и стиль русских былин. — М.: Наследие: Наука, 1993. — С. 206; *Миронов А. С.* Русский былинный эпос как система ценностей (к постановке проблемы) // *Новый филологический вестник.* — 2016. — № 3 (38). — С. 45—60.

разца⁸⁰. «Византийское православие привлекло князя Владимира Святославовича не только по политическим или лингвистическим соображениям..., но и с точки зрения своего культурного естества»⁸¹. Имманентная социокультурная сущность православной религии детерминировалась патристическим духом в их аутентичной форме. В конечном итоге традиционалистский дух православия характеризовался предельной гармонией и синтетическими свойствами, что дает основание именовать византийское христианство «религией мира». Для православия характерно стремление образно воплотить свою мысль, а также возродить живую сократическую дискуссию, объединив Логос и Софию. Примирительное свойство византийского христианства и его культурных форм подчеркивалось многими учеными. Например: «в византийском религиозном искусстве восторжествовала собственная идея соотношения духовного и телесного, идея гармонии, исходящая из тезиса, что красота телесная есть отражение, проявление красоты духовной. Она как бы становилась дополнительным подтверждением совершенства самого духовного начала. Развитие этой идеи возродило икону»⁸². Или: «Восток... выбрал путь “бесконечной патристики”. Здесь отказываются от обособления разума, сохраняя патристический характер дискурса, личностный и диалогический, и патристическую концепцию “твари”, оначальной цельности, предстоящей Богу... Стержень этого дискурса — принцип синергии...»⁸³.

Полагаем, органическое вмещение языческих восточнославянских культов и транслирование их в христианстве византийского толка обладали определенной спецификой в гендерных связях древнерусского общества. Их основным трендом выступали направления, связанные с некоторой реформой в сфере взаимоотношений полов. основополагающим социально-правовым руслом, как кажется, являлось неприятие многоженства и абсолютной власти отца над домочадцами. Протекционистскую политику в отношении правового статуса женщины инициировала, прежде всего, церковь. Ранее, до принятия христианства статус женщины не обладал свойством защищенности

---

⁸⁰ См.: *Бердяев Н. А.* Русский соблазн // *Философия творчества, культуры и искусства*: в 2 т. Т. 2. М., 1994; *Гарднер К.* Между Востоком и Западом. Возвращение даров русской души. М., 1993; *Зеньковский В. В.* История русской философии: в 2 т. Т. 2. Ч. 1. Л., 1991; *Курбатов Г. Л.*, *Фролов Э. Д.*, *Фроянов И. Я.* Христианство. Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988; *Поляков Л. В.* Философские идеи в культуре древней Руси. М., 1988; *Россия и Европа: Опыт соборного анализа*. М., 1992; *Становление философской мысли в Киевской Руси*. М., 1984; *Moszynsky L.* Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft. Koln; Weimar; Wien, 1992; *Ovsec D. I.* Slovianska mifologija in verovanje. Ljubljana, 1991.

⁸¹ См.: *Щукин В. Г.* Христианский Восток и топика русской культуры // *Вопросы философии*. — 1995. — № 4. — С. 56.

⁸² См.: *Курбатов Г. Л.* Христианство: Античность, Византия, Древняя Русь / *Г. Л. Курбатов, Э. Д. Фролов, И. Я. Фроянов*. — Л.: Лениздат, 1988. — С. 170.

⁸³ См.: *Хоружий С.* Неопатристический синтез и русская философия // *Вопросы философии*. — 1994. — № 5. — С. 84, 86.

от мужского произвола, хотя некоторую роль в охране женских прав играли община и княжеский суд.

Примечательно, что в эпоху раннего христианства формируется сложный процесс конвергенции христианских и восточнославянских языческих воззрений.

Патристика, возникшая на фундаменте неоплатонизма, зиждилась на концептуальном трио: эманации существующего мира из единого источника; комбинированном взаимодействии факторов, влияющих на энергетическую связь элементов реальности; принципа историко-событийности. Указанные структурные элементы византийского христианства и подверглись рецепции языческой социокультурной средой Древней Руси. Стоит отметить, что идея эманации была широко представлена в восточнославянском язычестве. «По славянскому понятию, и нравственная, и физическая природа представляется живущей, заключающей в каждом явлении своем жизненный дух, исходящий из зиждителя»⁸⁴. В образе зиждителя, или главы в иерархии восточнославянского пантеона выступал Род. Указанная сакральная персона являлась инициатором жизни на земле, создателем неба и всего сущего. Как было указано выше, Рода всегда сопровождали Рожаницы, выполняя, однако, факультативную, вспомогательную роль. С развитием института государственности и возрастанием роли князя сакральные представления восточных славян на роль мужчины и женщины в социокультурной среде осуществили определенный дрейф в сторону некоторого умаления правового статуса женщины. Такой процесс ясно представлен в том, что постепенно Перун, не имевший спутниц женского пола, оттесняет на второй план Рода и Рожаниц.

Ведя речь о принципе синергии, необходимо отметить, что он оказался крайне востребованным в социокультурной среде древнерусского общества. Это основополагающее начало сакральных верований предусматривало гармоничное взаимодействие небесной и земной реальности, их конвергенцию и взаимное дополнение. Культура Древней Руси, в том числе и сакральная, предусматривала поэтапное преодоление хаотичности мира и стремление к цельности. Именно через эту призму рассматривались браки на Руси, когда случайные элементы — мужчина и женщина — соединялись в одно целое, в единый организм, функционировавший в рамках общины. Такая ситуация в некотором роде подтверждается языческими представлениями об отсутствии антагонизма между телом и душой. Концепция восточнославянского язычества не имела «единого представления о духовной субстанции человека в противоположность его телесной субстанции. Идея духовной субстанции заменена в нем совокупностью различных представлений о сущности человека, а именно: человек как жизнь, человек как неповторимая личность, как „человеческий облик“, как существо социальное, что отождествляется с именем, внешним образом, тенью, следом и т. п., человек как органическая, жи-

---

⁸⁴ См.: *Костомаров Н. И.* Славянская мифология. — М.: Сварог, 1995. — С. 5.

вая сила...»⁸⁵. Иначе говоря, восточнославянское язычество, объединявшее в некотором роде духовное и телесное в человеке, было достаточно восприимчиво для византийского христианства в аспекте принципа гармонии.

В русле основополагающего начала событийности византийское христианство постулировало мессианские тенденции в аспекте единства народа, государства и церкви в рамках дальнейшего сосуществования. Именно это повлияло на то, что после утверждения христианства в Древней Руси права женщины стали существенно оберегаться, а мужская гендерная группа приобрела дополнительные обязанности в брачно-семейной сфере. Гарантом таких реформистских тенденций стали государство и церковь. «Считалось, что наряду с единым Богом, единой истинной верой и единой истинной церковью должна существовать и единая христианская империя, защитница веры и церкви. Императорская власть приобретала сакральные функции, ибо она своим существованием обеспечивала спасение рода человеческого. Это был комплекс своего рода мессианских идей...»⁸⁶. Доминирование имперских амбиций в сфере социальных связей Древнерусского государства и их значимости в жизни народа была следствием византийской концепции мироустройства направила коллективистские начала восточных славян в необходимое государству русло, прежде всего для борьбы с внешней агрессией, как одной из насущных проблем восточного славянства, и «юный, только что крещеный народ уже задумывается о своем религиозном призвании, дерзает утверждать свою богоизбранность»⁸⁷.

Концептуальное русло непрекращающейся патристики, которое избрало себе Древнерусское государство в религиозной сфере, обусловило и особую национальную философию, где стали преобладать тенденции неоплатонизма, которые вели философский дискурс к глубинным религиозным смыслам. В то время как остальной христианский мир шел из религиозной сферы в философию, в Древней Руси стали преобладать специфические религиозные взгляды на мистико-символическую и личностно-диалоговую парадигму: «На нас, без сомнения, очень сильно сказалось нравственное влияние христианства, что же касается его логического действия, нельзя не признать, что оно было в нашей стране почти равным нулю»⁸⁸.

Смена языческой парадигмы на византийское православное мировоззрение не обошло стороной простейшие бытовые моменты, которые характеризуют гендерную спецификацию в её случайных ипостасях. Возникающее противоречие между нарождавшейся крепкой государственностью и общинным укладом не только отразилось на мистических взглядах восточных сла-

---

⁸⁵ См.: Попович М. В. Указ. соч. С. 70.

⁸⁶ См.: Касьянова К. О русском национальном характере. — М.: Институт национальной модели экономики, 1994. — С. 34.

⁸⁷ См.: *О России и русской философской культуре*: Философы послеоктябрьского зарубежья / Сост. М. И. Маслин. — М.: Наука, 1990. — С. 445.

⁸⁸ См.: Чаадаев П. Я. Статьи и письма / Сост. Б. Н. Тарасов. — М.: Современник, 1989. — С. 200—201.

вян, но и на отношение к семье и браку. Постепенное изживание многоженства и урезание статуса внебрачных детей привели к тому, что промискуитет, как бытовой феномен всех народов, стал акцентироваться в сфере женской гендерной группы прямо, а в мужской — опосредованно. Изначальное фундаментальное языческое равенство в социальном регулировании древнерусского общества трансформируется в сложную сеть правоотношений, урегулированных нормами обычного и церковного права, княжеских повелений, утверждавших систему кормлений и протоколы содержания дружины. Та фундаментальная разница брачно-семейного права между горожанами, сельскими жителями и аристократией появляется именно в момент смены языческой парадигмы на христианскую, а неполное нивелирование язычества в новом христианском обществе повлекло существенную разницу правового статуса гендерных групп в различных социальных слоях Древней Руси.

В качестве ведущей концептуальной тенденции русского православного мироощущения стал выступать мистический реализм, который, признавая материальность существующего мира, выходил из сферы чистого эмпиризма, видя под личиной материального иную реальность. Мало того, в иерархии бытийности эмпирический мир стоит ниже мира мистического и существует в реальной действительности лишь в связи с причастием к миру сверхъестественному. Восточнославянские культы, сначала языческий, а после — православный, предполагали радикальный символизм внешнего мира, который сопряжен с духовными сокровищами. Тем не менее такой подход к миропониманию у восточных славян не свидетельствовал о радикальной спиритуализации мироздания. Скорее, здесь речь шла о подоплеке реального мира, когда важнейшие события происходят по ту сторону реальности. Тем самым формировалась традиция преобразования реального мира посредством понимания его через мистические составляющие мира потустороннего. «В западном христианстве на первом плане всегда было не столько непосредственное устремление к божественной реальности, сколько убеждение в иерархическом строении мира, в зависимости земных действий от высшего бытия, от Бога. В русском православии в противоположность этому на передний план вышло именно мистическое чувство близости Бога, желание непосредственного единения с ним. В результате «в русском духовном характере сходились противоположные устремления, не поддающиеся гармоническому соединению и согласованию: предельно чуткое отношение к природному бытию... и, одновременно, „прозрение“ высшей божественной реальности, определяющей подлинное в человеке и его жизни»⁸⁹. Подобная сакральная тенденция, полагаем, инициировала особое отношение к целибату и традиционный запрет вхождения женщин в церковную иерархию. Тем не менее восточнославянская традиция не считала ложе, разделенное с законной супругой, греховным и не табуировала особенности женского организма, которые связаны с кровом-

---

⁸⁹ См.: *Евлампиев И. И.* Концепция Абсолюта в русской философии (Вл. Соловьев и его философские наследники) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 1997. — № 1. — С. 107.

течением и деторождением. Мало того, если в языческий период у восточных славян деторождение поощрялось, считалось сакральным действием и сравнивалось с получением урожая, то после христианизации культ женской репродуктивной функции перевоплотился в почитание Богородицы.

Ценности христианства в его византийской интерпретации привнесли в восточнославянское язычество идею гармонии и мессианства, параллельно привив мистический стиль размышлений о мире потому, что язычество Древней Руси уже отчасти обладало указанными позициями. Тем не менее православие не сразу добилось победы на сакральном поприще, и славяне-язычники еще долго оказывали сопротивление новой религии. Византийское христианство в конце концов одержало победу над языческими культами, но она обошлась христианской церкви очень дорого, т. к. православие постепенно утрачивало свою аутентичность, подстраиваясь к восточнославянскому социально-культурному фону. В то же время тысячелетняя культово-обрядная сторона восточнославянского язычества упорно сопротивлялась православному мистико-сакральному инструментарию. Так, в Древнерусском государстве, Болгарии, Польше происходили частые языческие волнения, а попытки реставрации языческой религии были достаточно частым явлением, потрясая конфессиональные основы общества. Языческого ренессанса в указанных государствах не произошло лишь потому, что эти страны обзавелись достаточно прочной вертикалью власти, и с языческими фанатиками уже боролась не только церковь, но и все государственные институты.

Однако удивительное созвучие византийского христианства и восточнославянского язычества позволяет сделать вывод об их методологическом единстве. Помимо этого, раннее христианство Древней Руси достаточно сильно отличалось от ортодоксального византийского христианства. Мало того, внедряемое на Руси христианство в значительной степени вбирало в себя языческие конструкты, параллельно испытывая на себе мощное давление еретических идей. «Еретические положения могли сознательно культивироваться с целью отстоять независимость и самостоятельность молодой русской церкви и государства от покушений со стороны Византии. Начальное летописание с его подчеркнутой антигреческой направленностью вполне осмысленно могло опираться на некоторые идеи богомилов и ариан»⁹⁰.

Существенное языческое влияние на христианство Древней Руси проявилось в различных культово-обрядовых феноменах, таких как: осуществление молитв в «домовых» храмах и «крестовых» помещениях собственного дома, практике разрушения христианских храмов во время войны на территории вражеского государства, фетишизации икон, организации застолий в монастырях и в процессе освящения храмов. Языческим рудиментом у восточных славян выступала и сохранившаяся практика человеческих жертвоприношений в эпоху христианизации. Преобладание языческих праздников над христианскими и ярко выраженное почитание Богородицы также можно

---

⁹⁰ См.: *Становление философской мысли в Киевской Руси*. С. 38.

считать следствием воздействия язычества на христианскую религию, которую прививали восточному славянству⁹¹. Кроме того, молодая древнерусская христианская церковь долгое время не могла добиться монопольных прав на процедуру регистрации бракосочетания и тем самым пресечь распространенное в элитарной социальной среде Древней Руси многоженство.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что существенная конвергенция восточнославянского язычества и византийского христианства наделило христианскую религию в Древней Руси особыми уникальными свойствами, которая кардинально отличала русское православие от европейского христианства, которое к тому же обладало явной антигреческой направленностью. Стоит отметить, что ортодоксальное византийское христианство одержало окончательную победу на Руси лишь в XII столетии. «Если поставить вопрос, что в большей степени определяло мировоззрение древнерусского общества — язычество или христианство, то можно, не боясь преувеличений, ответить: язычество. Данный ответ обусловлен существованием на Руси XI—XII столетий оязыченного христианства, т. е. „двоеверия“, с одной стороны, и чистого язычества — с другой»⁹².

Таким образом, восточнославянское язычество и православная религия оказались в процессе активного взаимообмена и структурного дополнения, итогом которого выступил совершенно уникальный мистико-культурный пласт, детерминировавший уникальность русского менталитета. Примечательно то, что до сих пор культурный симбиоз язычества и православия полностью еще не изучен учеными и способен будоражить умы исследователей. В свое время Н. А. Бердяев очень точно подметил, что «два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие»⁹³. В гендерной спецификации Древнерусского государства подобная конвергенция религиозных взглядов и культово-обрядной составляющей выразилась в амбивалентных тенденциях правового положения женщин в семье и социуме, в сфере наследственного, уголовного и брачно-семейного права. В частности, сущность и телеологическое значение приданого полностью нивелировало имущественное доминирование мужа в семье, а факт вдовства нередко предопределял положение вдовы как главы домохозяйства. Сама целевая направленность популярного в свое время литературного источника «Домостроя» ясно демонстрирует тот факт, что женщина на Руси после христианизации обладала многими свободами, а правовой статус мужчин не обладал необходимым инструментарием, который бы позволил мужчине подавлять свою жену в быту⁹⁴.

---

⁹¹ Подробнее об этом см.: Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Указ. соч.

⁹² См.: там же. С. 328.

⁹³ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 44.

⁹⁴ См.: Соловьёв С. М. История России с древнейших времён: в 29 т. — СПб.: Изд-во Тов-во «Обществ. польза», 1851—1879. — Т. 7. — С. 525—526.

В заключение параграфа необходимо отметить, что конвергенция языческого мирозерцания и христианской религии византийского толка существенным образом повлияла на уникальное состояние мистико-культовых воззрений восточных славян и социокультурную среду Древнерусского государства. В аспекте гендерных флуктуаций социального регулирования в Древней Руси долгая борьба язычества с христианством изменили правовой статус мужчины в сфере брачно-семейных отношений, изжив многие аспекты доминирования мужчины. Кроме того, протекционизм христианской церкви выразился в запрете многоженства, которое имело место в элитарной среде древнерусского общества и нивелировании абсолютного права домовладыки на власть над своими домочадцами.

Глава 2.

ВЛИЯНИЕ ХРИСТИАНИЗАЦИИ РУСИ НА ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ МУЖСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ГРУППЫ

§ 1. Трансформация правосознания населения древнерусского общества в аспекте христианизации Руси

Правосознание выступает важнейшей правовой категорией юридической науки, т. к. является тем инструментарием, который функционирует в идейных, мировоззренческих, эмоциональных и традиционалистских рамках, выражая отношение социума к государственно-правовым явлениям, существующим, историческим или моделируемым в аспекте еще не наступивших событий⁹⁵.

Характерным свойством правового сознания выступают следующие позиции:

— правосознание — не что иное, как одно из внешних выражений общественного сознания;

— в правовом сознании находят свое отражение сугубо те явления, которые входят в структуру правового бытия в аспекте жизнедеятельности социума;

— элементы правосознания закрепляются в сознании различных субъектов правоотношений;

— осмысление юридических институтов, фигурирующих в процессе осуществления жизнедеятельности общества, проявляются через призму осознания специфических правовых дефиниций, таких как преступление и наказание, ответственность и долг, права и обязанности и др., а это невозможно без определенного уровня правосознания;

— правосознание в некоторых исторических периодах развития отечественного государства и права выступало в качестве формы права;

— правовое сознание существует в рамках процесса юридической ориентации субъектов правоотношений в различных, часто кризисных, социально-правовых условиях.

Структуру правосознания составляют интеллектуальные, эмоциональные и поведенческие элементы, которые обеспечивают взаиморасположение и взаимную связь указанных компонентов, формируя концептуальную целостность правового сознания. Теоретико-исторические правовые науки

---

⁹⁵ См.: *Гусарова М. А.* Проблема правосознания как социокультурного феномена // Манускрипт. — 2017. — № 9 (83). — С. 73—75; *Рыбаков В. А.* Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник ОмГУ. Серия. Право. — 2015. — № 3 (44). — С. 23—28; *Ковалёва А. М.* Правосознание: понятие и сущность // Пробелы в российском законодательстве. — 2018. — № 1. — С. 41—43 и др.

традиционно выделяют следующие элементы, формирующие структуру правосознания:

— правовая идеология как определенная мировоззренческая категория, система основополагающих начал и понятийного аппарата, теоретически оформляющая юридические явления социальной жизни;

— правовая психология в виде разнообразного комплекса эмоций, которые выражает человек в отношении к правовым явлениям, имеющим место в жизни социума;

— поведенческие паттерны, которые выражаются в разнообразных привычках, установках, клише, телеологичности аспектов поведения физического лица и коллектива.

В целом правовое сознание населения, как в современный период, так и во времена Древнерусского государства, выступало необходимым условием осуществления правотворческой деятельности, а также фактором, способствующим формированию профессиональной правовой культуры должностных лиц и простых обывателей. Кроме того, без развитого правосознания невозможно полное и точное соблюдение норм права, а, следовательно, и обеспечение режима законности и должной упорядоченности общественных отношений. В то же время правосознание выступает тем механизмом, который обеспечивает реализацию правовых норм, наравне с правоприменительным и иным инструментарием, находящимся в ведении государственных органов⁹⁶.

В целях достоверного получения необходимых знаний о трансформации правосознания населения Древней Руси в период христианизации, думается, применим не только метод историзма, но и инструментарий, который содержит в себе метод фундаментального анализа, который поможет выявить качественные характеристики системы социокультурных и политико-правовых связей между языческими и христианскими моделями поведения. Помимо этого, с помощью указанного метода можно выявить качественный дрейф правового сознания в процессе христианизации древнерусского социума в пределах определенной цикличности, характеризуемой широким спектром языческих знаний, которые были заимствованы или уничтожены христианской религией. О тенденциях существенной рецепции языческих поведенческих паттернов и правовых регуляторов свидетельствуют различные факторы. Так, ряд дохристианских категорий выступил фундаментом древней христианской теологической литературы, исходившей из Византии, представителями которой в аспекте христианизации выступили такие богословы, как Евсевий Памфил, Иоанн Златоуст и др. Древние, еще языческие конструкции были реализованы в деятельности и имели место в правосознании известных правителей Древней Руси — Владимира Святого, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха. Помимо прочего, дохристианские понятия нашли свое при-

---

⁹⁶ См.: Савченко Д. А. Правовая система Древней Руси XI—XII вв. // Развитие территорий. — 2015. — № 3. — С. 77—82.

станице в различных документах правового, религиозного и политического характера. Всё это демонстрирует такой процесс: новая христианская религия, которая в Древнерусском государстве обладала политическим свойством, приобретала господствующий характер и, как и родноверие, получила статус религии государственной.

Указанная тенденция подтверждается еще и тем, что при заключении русско-византийских соглашений 907, 911, 941, 944 гг. Олег и Игорь оформляли свои клятвы, ссылаясь на языческих богов, а при заключении договора 946 г., когда состав послов характеризовался религиозным плюрализмом, клятвы осуществлялись с привлечением как языческой, так и христианской религии. Опираясь на указанные факты, Д. Я. Самоквасов отстаивал концепцию равнозначности языческой и христианской религии в политико-правовом поле в эпоху русско-византийских договоров. Их равноправие ученый обосновывал методологической идентичностью языческой троицы: Бога Творца, Перуна и Волоса и христианской Святой Троицей⁹⁷.

Ведя речь о русско-византийских соглашениях, необходимо отметить, что договоры Руси с греками выступили в образе первых писанных источников права, которые затрагивали гендерные аспекты правовой регуляции в Древнерусском государстве. Так, контекст договора Руси с Византией 907 г., хотя и не содержал норм, прямо регулирующих правовое положение мужчин, демонстрировал определенные свойства купеческого ремесла как сугубо мужского занятия. На это указывали такие факторы, как традиционная вооруженность купцов, инициированная опасностью купеческого дела, а также естественная дискриминированность женской гендерной группы в аспекте занятия купеческим бизнесом в Древней Руси⁹⁸.

В свою очередь, анализируя договор 911 г., можно отметить, что в данном соглашении регламентировалось и закреплялось мирное сосуществование двух стран, при наличии нормирования следующих важнейших юридических позиций:

- процедуры выкупа военнопленных;
- уголовной ответственности русских купцов на территории Византии;
- уголовного судопроизводства, где принимали участия русские маркитанты;

---

⁹⁷ Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права. VII, XXIX. С. 114, 115.

⁹⁸ См.: *Повесть временных лет* / Подгот. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц Акад. наук СССР. Ч. 1—2. — 1-е изд. Ч. 1. Текст и перевод. — М.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950. — 407 с.; *Повесть временных лет. Части 1—2* / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. — 404 с.; *Памятники русского права: Памятники права Киевского государства, X—XII вв. Вып. 1* / Сост.: А. А. Зимин; Под ред.: С. В. Юшков. — М.: Госюриздат, 1952. — 287 с.; *Успенский Ф. История Византийской империи XI—XV вв. Восточный вопрос.* — М.: Мысль, 1997. — 804 с.

— порядка наследования имущества, когда в качестве выгодоприобретателя выступали русские купцы;

— гуманистических тенденций в сфере берегового права.

Стоит отметить, что соглашение 911 г. прямо не регулирует правовой статус мужчин. Однако гендерная спецификация правового регулирования здесь выражается в принципе доминирования мужчин в сфере политики, т. к. заключался указанный договор сугубо представителями мужской гендерной группы⁹⁹.

Следующий греко-русский договор от 944 г. внес определенные новации в правовое регулирование, которое утвердилось после 911 г. Что характерно, подписантами указанного соглашения выступили не только мужчины, но и женщины. Такие тенденции наглядно демонстрируют то, что в период 911—944 гг. произошли качественные изменения правового регулирования и, что важно, правосознания населения Древней Руси, в аспекте существенного дрейфа в сторону гендерного равноправия и упадка патриархальности в сфере взаимоотношения полов. Подобное направление развития не преминуло показать себя и в области гражданско-правовых отношений, когда знатные женщины имели возможность и реализовывали свое право обладать дорогостоящим движимым и недвижимым имуществом. Кроме того, договор от 944 г. закреплял право женщины на имущественный выдел из общей массы совместно с супругом нажитого имущества, в случае, когда её муж подвергался уголовному преследованию, и ему грозила материальная ответственность¹⁰⁰.

Основным признаком существовавшего взаимопроникновения язычества и христианства выступает тот факт, что языческая идеология и дефинитивный аппарат наличествуют в Священном Писании. Мало того, некоторые языческие категории там фигурируют без существенной трансформации, другие же имеют место в преобразованном виде. В частности, концепция векторного развития в христианском учении сосуществует с языческой идеей цикличности.

Как известно в структуру Библии входит книга Екклесиаста, который, по мнению А. Меня, «принял главную идею языческой метафизики о циклическом движении Вселенной»¹⁰¹. Екклесиаст говорит: «Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было»¹⁰².

По своей юридической природе такая тенденция сохраняла прежние патриархальные принципы в сфере гендерной спецификации правового регу-

---

⁹⁹ См.: *Melnikova E. A. The Cultural Assimilation of the Varangians in Eastern Europe from the Point of View of Language and Literacy in Runica — Germ. — Mediavalialia (heiz./n.) Rga-e 37, 2003, pp. 454—465.*

¹⁰⁰ См.: *Повесть временных лет. Части 1—2 / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. — С. 34—39, С. 231—236.*

¹⁰¹ *Мень А. Мудрецы Ветхого Завета // Знание и сила. — 1990. — № 8. — С. 73.*

¹⁰² *Книга Екклесиаста, или Проповедника. 3:15.*

лирования, оформляя консервативный уклон как брачно-семейных, так и политико-правовых связей в сфере взаимоотношения полов. Тем не менее модернизм христианства, выразившийся в его демократической сущности, не мог оставить большую часть правоотношений в неизменном виде.

Стоит отметить, что Священное Писание консервировало языческое понимание Бога Творца, которое представало в образе высшего синтеза субстанционального, нравственного, социального и иного отношения к земному существованию. Мало того, указанная идея была дополнена сверхдефиницией Бога и концептуально расширена идеологией доминирования религии над светскими правоотношениями. В качестве важнейших заимствований христианства относились идеи долга, ряд правовых дефиниций, таких как нравственная чистота, совесть и прочий языческий инструментарий. По-новому осмысливается и трансформируется идея наличия трансцендентного в процессе оказания помощи людям. Преобразованная концепция отдаляет Бога не только от человека, но и всей земной реальности, которая начинает пониматься только через призму взаимоотношений творца и твари. Сам же инициатор всего сущего начинает выступать в образе сверхъестественной и непостижимой силы. Помощь со стороны сверхъестественных сил приобретает свойства незримости, а почитание Бога сопрягается с богобоязненностью и благоговением¹⁰³.

Новая христианская идеология крайне четко разграничила сферу жизнедеятельности мужчин и женщин, нивелировав, с одной стороны, божественное начало в человеческой жизни (рождение детей, создание материальных ресурсов и пр.), но с другой — уравнивая положение человека в аспекте акта творения, придав должный импульс принципу формального равенства, который четко коррелировался с основополагающим началом равенства всех людей перед Богом, несколько снизив гендерные перекосы и сгладив дискриминационные тенденции, которые имели место в брачно-семейных отношениях и политической сфере.

В исследуемый период Древняя Русь, как место обитания, характеризовалась рядом специфических признаков, среди которых важную роль играли климатические и географические факторы; внешнеполитическая нестабильность, которая выражалась в постоянных набегах со стороны кочевых племен; внутривнутриполитические кризисы, выливавшиеся в княжеские междоусобицы. В связи с этим потребность физического выживания и создание условий для жизнедеятельности социума формировали концепцию трансцендентности земной власти, которая четко соотносилась с властью князя и полномочиями домовладыки, накладывая на зависимое население обязанность и долг подчиняться стоящим выше в иерархии. Примечательно, что в этом аспекте позиция христианской церкви в отношении принципов власти и управления была расположена в русле интересов правящего сословия и со-

---

¹⁰³ См.: *Книга Екклесиаста или Проповедника*. 12:13.

держательно не противоречила патриархальным установкам брачно-семейных связей древнерусского социума. Можно предположить, что характерный уклон христианства в сторону четкой иерархичности правителей и подчиненных сподвигло князя Владимира на выбор в пользу принятия христианской религии в качестве государственной.

В исторической и политико-правовой литературе имеет место мнение о том, что отечественное учение о понимании сущности монархии соответствует идеалу христианской государственности, которое оформлялось под влиянием Ветхого Завета и византийских традиций¹⁰⁴. Тем не менее мало кто из авторов обращает внимание на значимость разграничения указанных влияний. Можно присоединиться к мнению Е. В. Тимошиной о том, что осмысление принципиальных основ влияния христианского учения на принципы построения государственности, которое использовало византийские лекала и антихристианские принципы устройства государства и общества, имеет огромное значение не только для исторической, но и для юридической науки¹⁰⁵. Анализ исторической и правовой литературы дает основания полагать, что правители и мыслители периода Древней Руси осознавали указанную разницу подходов к формированию государственности и основ жизни общества. Понимание идеала государственности, связи подданных и монарха, принципов общественного устройства отобразились через призму идеи значимости дохристианской идеологии, пройдя красной нитью в философских воззрениях того периода. Кроме того, мыслители и правители в русле идеологической и практической деятельности всеми силами пытались снизить негативное влияние христианской религии на политико-правовые и социально-экономические процессы в Древнерусском государстве.

Согласно дохристианским политико-правовым воззрениям, власть выступала не только в образе божьего дара, который легитимировал должностной или общественный статус и весь комплекс связанных с этим положением субъективных прав, но, прежде всего, власть представляла собой деятель-

---

¹⁰⁴ См., напр.: *Ефимов Н. Н.* Русь — Новый Израиль. — Казань: Тип. Ф. П. Окишева, 1912. — С. 5; *Иконников В. С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. — Киев: Унив. тип., 1869. — С. 369—370; *Савва В.* Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. — М.: Кучково поле, Лавандр., 2012. — С. 94; *Сахно А. А.* Проблема теократии в научной и общественной мысли России второй половины XIX — начале XX в // Вестник РУДН. История России. — 2012. — № 1. — С. 32—41; *Солоневич И. Л.* Народная монархия. — М.: Эксмо, 2003. — 608 с.; *Терновский Ф.* Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси. — Киев: Унив. тип., 1875. — С. 3; *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. — М.: Облиздат, 1998. — 672 с.; *Хелик А. С.* Влияние христианской традиции на развитие русской духовно-политической мысли конца XV — начала XVI вв.: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М.: МГУ. 2018. — 26 с. и др.

¹⁰⁵ *Тимошина Е. В.* Учение о царской власти в византийской церковной историографии IV—VI вв. (в сравнении с учением святоотеческой литературы IV в.) // Правоведение. — 1994. — № 5—6. — С. 141—142.

ность, призванную созидать и претворять в жизнь идею общего блага, обеспечить должный уровень правопорядка, защитить население (монарх) или домочадцев (домовладыка) от неблагоприятных последствий, разрешать споры о праве, и в конечном итоге обеспечить торжество справедливости. Всё это приводило к идее понимания власти не просто как комплекса широких полномочий, но в первую очередь как ответственности, обязанности и долга перед людьми, которые находятся в подчинении¹⁰⁶. Все усилия монарха и главы семьи должны быть главным образом направлены на совершенствования самого себя, познание древней мудрости и смысла жизни, а также на аккумуляцию опыта и транслировании знаний потомкам. В целом дохристианская традиция оформляла высокую идею правителя обуздывать личные желания ради реализации коллективного интереса¹⁰⁷.

Дохристианские взгляды на проблематику власти располагались в плоскости большей ответственности правителя за проступки, которые он совершил по незнанию, чем аналогичные действия, совершенные лицом, не облечённым властными полномочиями. В этой связи дохристианская концепция распределения прав и обязанностей между мужчинами и женщинами исходила из принципа «больше обязанностей — больше прав». Именно поэтому статус мужчины до прихода на Русь христианства обременялся существенными долженствованиями, которые шли рука об руку с возможностью творить произвол в семье, не обращая внимания даже на нравственные характеристики своих поступков. Такая тенденция прослеживалась в ряде обязанностей и правомочий мужской гендерной группы, в том числе в статусе домовладыки, сущности кровной мести, повышенном штрафе за убийство мужчины и пр.

Стоит отметить, что христианство воплощает в себе идею трансцендентального истока власти, через призму трансформации её политико-правовой природы. Дохристианское осмысление проблематики власти базировалось на обосновании важной роли вселенских алгоритмов и земного мира в качестве результата акта сверхъестественного творчества, который основан на законах космоса и божественной справедливости. Согласно же христианской концепции, вся власть — от Бога, и она носит в себе божественные качества. Кроме того, согласно указанной концепции, власть, как феномен, дарована людям в связи с их греховностью и требует неукоснительного повиновения. Примечательно, что в христианстве понятие греховности радикально отличается от языческой идеи греха как деликта. Так, христианство, в отличие от языческих культов, в плоскость греха транслировала репродуктивную

---

¹⁰⁶ См.: Мартынов А. Основные категории классического конфуцианства // Классическое конфуцианство. Том первый. Конфуций. Лунь Юй. — СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000. — С. 38—40, 69, 95, 116 и др.

¹⁰⁷ См.: Платон. Политик. Соч. в 3-х т. Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегр. Т. 3. Ч. 2. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. — С. 13—15, 17, 24—25, 57—58, 63 и др.

функцию человека, различные эмоциональные состояния — веселье, счастье, гордость, смелость и пр. Всё это не преминуло сказаться на выстраивании новых поведенческих алгоритмов в политико-правовой и брачно-семейной сферах, где имела место гендерная спецификация. В результате многие присущие мужчинам качества стали табуироваться, а в социокультурном аспекте мужская гендерная группа стала загоняться в рамки христианского взгляда на быт, право и политику. В то же время женские качества (скромность, целомудрие и пр.), к которым язычество относилось индифферентно, стали взращиваться христианством как поведенческий ориентир не только для женщин, но и для мужчин.

В то же время феномен власти в христианстве рассматривался как необходимый элемент механизма регулирования изначально греховного социума. Неслучайно Иоанн Златоуст говорил, что «Бог, по благодати своей, отдал нашу природу... начальникам... чтобы они исправили нас от беспечности»¹⁰⁸. В политико-правовой сфере Древней Руси такой подход к пониманию власти выразился в реализации принципа частичного равноправия мужчин и женщин через возможность дарования властных полномочий некоторым знатым женщинам, выступавшим активными сторонницами христианизации. В свою очередь, брачно-семейная сфера древнерусского социума в период христианизации подверглась значительной трансформации в связи с осмыслением феномена власти как необходимости обуздывать греховную человеческую природу. Так, уходит понимание справедливости неограниченной власти отца над своими домочадцами, а мужа над женой. Власть домовладыки впредь четко соотносится с реакцией церкви на проступки подвластных домохозяйину лиц, что существенным образом ограничивает степень карательного воздействия облечённых семейной властью субъектов. В частности, появляется не только феномен свободы выбора брачного партнера, но и табуирование физического насилия над подвластными членами семьи, т. к. считалось, что это противоречит духу христианской религии с её пониманием равенства всех перед Богом и его заповедями. Четкая корреляция феноменов греха и власти, необходимости властной функции в пораженном пороками обществе обеспечила реализацию невозможной в языческом социуме ситуацию, когда женщина при определенных обстоятельствах могла выступать в роли главы семьи.

Как считали древние богословы, в частности Евсевий Кесарийский, Священное Писание выступало тем инструментарием, который связывал Бога и земной мир, погрязший в грехе и пороке. В этом аспекте правовая природа власти, выраженная в субъективном праве повелевать, четко коррелировалась с обязанностью подвластных субъектов неукоснительно повиноваться наделенным властью лицам. Думается, что лапидарный тезис апостола Павла

---

¹⁰⁸ *Иоанн Златоуст*. Восемь слов на Книгу Бытия // Творения Святаго отца нашего Иоанна Златоуста в 12 т. СПб., 1895—1906. Т. 4. Кн. 2. С. 746—747.

лучше всего выражает христианское понимание власти, которая по умолчанию исходит от Бога: «всякая душа да будет покорна высшим властям»¹⁰⁹.

Примечательно, что в христианской политико-правовой доктрине активно использовалась рецепция таких языческих категорий, как законное и праведное правление, в качестве которого подразумевалось соблюдение божественных предписаний, которые иерархически стояли выше земных законов. Указанная тенденция нашла свое отражение как во взглядах мыслителей и правителей не только периода Древней Руси, но и в последующие эпохи развития отечественного права и государства. Так, на этапе формирования русского централизованного государства возникает идея православного христианского государства, которое не похоже ни на Древний Рим, ни на Византию. Святая Русь, по мнению монаха Филофея, должна выступить в образе не столько экономически и политически мощного государства, но, прежде всего, стать средоточием духовной силы, истоки которой расположены в праведном и справедливом правлении. Монарх, в концепции Филофея, выступает не только главой государства, но в первую очередь паладином Святой Руси, её духовного фундамента и цивилизационной идентичности. При этом мыслитель связывал сохранение веры с бытием самой государственности¹¹⁰. В свою очередь, нестяжатели на первое место в духовной жизни ставят праведность, параллельно критикуя церковные институты за отказ от пути материальных ограничений, а правителей — за подверженность человеческим страстям и порокам, равно как и нежеланием управлять в соответствии с божескими заповедями¹¹¹. Что же касается Ивана Грозного, то он полагал, что сама сущность самодержавия зиждется на божественном происхождении царской власти, что порождает у монарха обязанность соблюдать религиозные заповеди и традиции предков. Именно это, по его мнению, придает самодержавию должную легитимность¹¹².

В аспекте построения гендерной парадигмы социальных взаимоотношений указанные позиции, затрагивающие правовую природу власти, накладывали определенный отпечаток на правовой статус мужчин. Так, духовно-нравственное влияние христианства на парадигму взаимодействия мужчин и женщин транслировало сдерживание произвола в отношении женщины со стороны мужа и отца, т. к. с постепенным приобретением христианской церковью необходимого политического веса именно в женщинах клерикаль-

---

¹⁰⁹ *Послание к римлянам святого апостола Павла*. 13:1.

¹¹⁰ См.: *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). — М.: Акад. проект, 2020. — С. 345.

¹¹¹ См.: *Алексеев А. И.* Полемика иосифлян и нестяжателей и складывание поминальной практики в России на рубеже XV—XVI вв. Опыт антропологического подхода // *Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: науч. журн.* — 2021. — № 2 (14). — С. 127—160.

¹¹² См.: *Некита А. Г.* Социокультурные аспекты трансфера мифологических конструктов: Иван Грозный и формирование имперской модели самодержавия // *Векторы благополучия: экономика и социум.* — 2018. — № 1 (28). — С. 12—24.

ные институты видели свою социальную опору. Тенденции доминирования религиозного контекста в социальной жизни в некоторой степени нивелировали возможность существования «мужских профессий» и мужских качеств статуса главы семьи.

Небезынтересно здесь и состояние христианского правосознания в плоскости существования принципа равновесия, равнозначности и общности духовного и материального, которые транслируются в бесконечности и постоянной эволюции, смены одного состояния другим, а также имманентных пантеистических тенденций, через которые можно познать сущность божественного замысла. Христианство заложило в правосознание и мировоззрение программу признания вечного за духовной составляющей. В то же время за материальным миром был закреплен статус изменчивого и временного. Мир, сотворенный Богом, приобретает свойства хрупкости в плане лишения его божественных характеристик. Между творцом и творением появляется непреодолимая пропасть, а человек в христианстве лишается божественного статуса, он лишь «создан по образу и подобию Бога», не являясь таковым хотя бы отчасти.

Идея ущербности, изначальной греховности человека, его ограниченности не могла не затронуть и новые подходы к гендерной спецификации в Древней Руси, когда физиологические составляющие перестают играть важную роль в социальных связях, которые пронизываются христианскими демократическими идеями равенства всех перед Богом и первоочередной значимости единения на базе христианской общины верующих. Взаимоотношения супругов перестали находиться в сакральной плоскости неба и земли, а репродуктивная функция приобрела греховные характеристики. В то же время физиологические свойства мужчин перестают рассматриваться как бесспорный факт и право на доминирование в семейной и политической сферах, если они реализуются не в рамках христианского понимания жизни верующего во Христа человека. Идея лояльности христианской религии, беззаветное подчинение христианской церкви и публичной власти выступили лейтмотивом новой парадигмы осознания социума. На этом фоне покушение на многие исконные мужские права, такие как многоженство, право иметь потомство на стороне, возможность творить произвол в семье выглядит как естественный процесс демократизации социальных связей в Древней Руси. С другой стороны, расширение спектра долженствований мужской гендерной группы в период начала христианизации были расположены в морально-нравственной плоскости, т. к. обязанности мужчин в языческом обществе первоначально понимались как право или долг. Тем не менее с укреплением вертикали власти обязанности мужчин стали обретать четкую правовую форму, выступая существенным бременем для субъекта правоотношений, сказываясь на динамике развития правового положения представителей различных социальных слоев древнерусского общества.

Стоит отметить, что аспект христианского ограничения не совпадал с языческим видением этой проблемы, т. к. в дохристианской Руси ограничение понималось как необходимый принцип стабильного развития социума, рекреации человека, сохранения окружающей природной среды. В целом категория ограничения в новом христианском понимании располагалась в рамках отрицания земной жизни человека. В этой связи можно выдвинуть гипотезу о том, что именно христианское отрицание земного бытия заложило негативное отношение к позитивному праву как таковому, поставив на вершину иерархии социальных регуляторов морально-нравственный инструментарий. По сути, отрицание земной жизни как некоего факультативного способа существования идеологически нивелирует внешний мир и лишает индивида личной сакральности, положительно утверждая постулат о том, что с помощью собственных сил личность не может познать трансцендентные процессы. Христианская концепция понимания материального и божественного отстраивает перманентный антагонизм Бога и сотворенного им мира, в отличие от языческих воззрений, что, в свою очередь, закладывает фундамент непрерывающегося поиска идеологических ценностей как в социокультурном аспекте, так и политико-правовом кластере.

В области гендерной спецификации указанная тенденция отобразилась на табуировании репродуктивной функции мужчин и женщин, поставив их в зависимость от телеологической сущности семьи и брака в русле деторождения, сделав сексуальные удовольствия греховными и непозволительными для истинного христианина. В юридическом же аспекте христианское ограничение выразилось в купировании полномочий главы семьи и лишении его многих прав, связанных с регуляцией поведения домочадцев, существенно гуманизируя этот процесс.

Специфика нового для Руси христианского мировоззрения отобразилась и на свойствах процесса познания окружающего мира и миссионерском инструментарии, которые требовали особого истолкования и опосредования самой церковью. Само толкование важнейших позиций христианского учения выражалось в форме духовных и психофизических ограничений, которые сопровождались как волевыми, так и спонтанными актами, демонстрировавшими все возможности человека. Сама потребность толкования принципов христианской религии обуславливалась природно-климатическими и культурно-историческими различиями того или иного социума. В силу такого партикуляризма сам процесс уяснения и разъяснения религиозных положений был не только возможен, но и необходим. Распространение христианского вероучения и различных способов толкования священных текстов выступило ключевым инструментарием формирования нового для Руси христианского правосознания, которое формировалось на основе прежних языческих традиционных представлений о важнейших принципах устройства социума. Сам же процесс толкования прямо коррелировался с новой культурой письма и новой славянской азбукой — кириллицей, привнесённой на Русь Кириллом

и Мефодием. Сам концептуальный дискурс византийских книжников и богословов был направлен против языческой традиции, клерикального двоеверия и осуждения греховности еще наполовину языческого общества¹¹³. Византийские клерикалы в качестве объекта церковной пропаганды выбирали, прежде всего, священнослужителей и должностных лиц, которые сами выступали ведущими субъектами идеологической работы с населением. Всё это превращало религиозный дискурс в важнейший механизм миссионерской деятельности, превратившийся в важнейшую функцию государства, призванную популяризировать христианскую религию, придав ей характер истинного верования, параллельно обосновав её необходимость в жизни древнерусского социума. Такой тенденции сопутствовал процесс массового перевода литературы и распространения религиозных книг, которые были представлены текстами Библии, их толкованием, принципами, сформулированными отцами церкви и киевскими клерикалами¹¹⁴.

В этой связи «Домострой» выступил логическим продолжением христианской традиции толкования и интерпретации положений христианской религии для применения их в семейно-брачных отношениях, а также обоснования консервации патриархальных институтов, которые зародились еще в дохристианскую эпоху¹¹⁵.

Очевидно, что работа, связанная с переводами христианских религиозных текстов, способствовала познанию населением Древнерусского государства взглядов мыслителей из других стран, дав существенный импульс образовательной сфере и общей просвещенности населения Древней Руси. Активность в книжном деле была сопряжена с личностью князя Ярослава, когда он принял власть над всем государством на базе договора Киева с еще языческим Новгородом и воинственным Черниговом¹¹⁶. Ярослав Мудрый сам «к книгам прилежа и почитая ее в нощи и во дне», «насеял книжными словами сердца верных людей»¹¹⁷. Широкое внедрение книжной грамоты в быт древнерусского социума повлекло качественную трансформацию русской культуры. При этом «за весьма короткий в исторических масштабах отрезок времени... Русь вышла на уровень европейских стандартов»¹¹⁸. После такой

---

¹¹³ См.: *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. — СПб., 1914. — С. 14, 88, 138.

¹¹⁴ См.: *Мецкерский Н. А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв.: учеб. пособ. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. — 130 с.; *Баранкова Г. С., Мильков В. В.* Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. II. — СПб.: Алетейя, 2001. — 972 с.; *Сухов А. Д.* Русская философия: особенности, традиции, исторические судьбы. — М.: РАН, 1995. — 157 с.

¹¹⁵ См.: *Хорихин В. В.* Списки домостроя XVI—XVIII вв.: история издания и изучения: дис. ... канд. ист. наук. — М., 2003. — 202 с.

¹¹⁶ См.: *Гумилёв Л. Н.* От Руси до России. Очерки этнической истории. — М.: Пальмира, 2017. — С. 66.

¹¹⁷ См.: *Повесть временных лет.* Части 1—2. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. — С. 102.

¹¹⁸ См.: *Сапунов Б. В.* Указ. соч. С. 12—13.

масштабной государственной политики в области книжного дела правосознание древнерусского социума приобрело глобальный ориентир на европейскую стандартизацию грамотности населения, что неизменно повлекло реализацию демократических принципов правовой регуляции, в том числе в рамках гендерных отношений.

На проблематике грамотности, а также её влиянии на гендерный аспект необходимо остановиться подробнее.

Исследователи отечественной истории единодушны в мнении о том, что принятие христианства привнесло на Русь книжное дело, а это в конечном счете стало завершением формирования русского этноса в пределах единого государства¹¹⁹. В свою очередь, проблематика приобщения женской гендерной группы в Древней Руси к чтению литературных источников тесно связана с правовым и социокультурным статусом гендерных групп¹²⁰.

Стоит отметить, что научная оценка правового статуса женской гендерной группы в Древнерусском государстве в работах ученых достаточно неоднозначна. Очевидно, что определенный *minimum minimum* в правовом положении женщин привнесла именно христианская религия. В этом аспекте можно согласиться с С. Кайдаш в том, что «за Христом пошли женщины, а образ Богородицы на многие века стал для стран христианской культуры воплощенным женским идеалом»¹²¹. Однако отношение христианской церкви к правовому положению женщины в Древней Руси ученые рассматривают в амбивалентной плоскости. Одни исследователи полагают, что христианизация Руси существенно расширила субъективные права женской гендерной группы в общественной и политической сферах¹²². Другие же, в частности Н. Л. Пушкарева, утверждают, что христианская религия, хотя и допускала участие женщин в политической и социальной жизни, однако в целом не поощряла общественную активность женской гендерной группы¹²³. Двойственность правового положения женщин в Древней Руси отмечали и многие до-революционные исследователи¹²⁴.

Несмотря на такие противоречивые тенденции, можно с полной ответственностью заявить о том, что формирование в XI столетии Руси как могу-

---

¹¹⁹ См., напр.: *Розов Н. Н.* Читатели русской книги первых веков ее существования и их изучение / Н. Н. Розов // История русского читателя: вып. I. — Л.: ЛГИК, 1973. — С. 20—36.

¹²⁰ См.: *Сокольская Л. В.* Российские читательницы в прошлом и настоящем. Зачем и как изучать? // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2010. — № 1 (21). — С. 17—26.

¹²¹ *Кайдаш С. Н.* О «женской культуре» // Феминизм: Восток. Запад. Россия. — М.: Наука, 1993. — С. 184.

¹²² См.: там же. С. 194.

¹²³ *Пушкарева Н. Л.* Женщины Древней Руси. — М.: Мысль, 1989. — С. 40, 68.

¹²⁴ См.: *Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV—XVII вв.* / Сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюров. — М.: Педагогика, 1985. — С. 16.

пественного государства с высоким уровнем культуры и образованности населения прямым образом повлияло на правовой статус женщины¹²⁵.

В вопросе образовательного уровня женщин Древней Руси ученые расходятся во мнении, достигая высшей степени полярности в своих выводах. Это тесно связано с проблематикой грамотности населения Древнерусского государства в целом. Тем не менее один из ведущих отечественных исследователей, Б. А. Рыбаков положительно утверждает, что неграмотность как феномен долгое время была присуща сельской местности. Напротив, грамотность в городах была явлением обыденным, а образовательный и культурный уровень горожан был достаточно высок¹²⁶. Дискуссионность указанной проблематике придает еще и тот факт, что ученые не пришли к единому мнению по поводу оценочного критерия самого феномена грамотности в Древней Руси в XI—XIII столетиях¹²⁷. Кроме того, Е. Ф. Шмурло не столь категоричен во мнении о том, что качество просвещения в Древнерусском государстве было низким, а выбор книг был существенно ограничен, хотя в целом образовательный уровень населения страны был в тот исторический период на максимально возможном уровне¹²⁸. Исследователь акцентирует внимание на том, что в тонком слое древнерусской интеллигенции наблюдались положительные тенденции масштабного осмысления текстов, их глубокого обдумывания и концептуальной обработки¹²⁹.

В этой связи необходимо отметить, что в качестве представителей древнерусской интеллигенции выступали и женщины. Это объясняется тем, что традиция женского образования пришла на Русь из Византии вместе с христианизацией. Однако затрагивала она преимущественно женщин высших сословий¹³⁰. Е. Лихачева, признанный специалист в истории женского образования, полагает, что феномен женской грамотности на Руси имел место с начала христианизации. Кроме того, женщины активно включались и в образовательный процесс в качестве педагогов¹³¹. С. Н. Кайдаш считает, что образовательный уровень женской гендерной группы в Древнерусском государстве был достаточно высок, и женщины, владевшие искусством письма и чтения, не были исключительным явлением¹³². Кроме того, Н. Л. Пушкаре-

---

¹²⁵ См.: Киселева Т. Г. Женский образ в социокультурной рефлексии: моногр. — М.: МГУКИ, 2002. — С. 116.

¹²⁶ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. // История государства российского: хрестоматия: X—XIV вв. — М.: Книжн. палата, 1996. — С. 193—199.

¹²⁷ См.: Сапунов Б. В. Указ. соч. С. 196.

¹²⁸ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства (862—1462). — СПб.: Алетейя, 1998. — С. 238.

¹²⁹ Там же. С. 238—239.

¹³⁰ См.: Пушкарева Н. Л. Указ. соч. С. 68.

¹³¹ Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России (1786—1796): в 3 т. Т. 1. — СПб., 1890. — С. 6.

¹³² Кайдаш С. Н. Сила слабых. Женщины в истории России (XI—XIX вв.). — М.: Сов. Россия, 1989. — С. 12.

ва полагает, что уровень грамотности женщин в Древней Руси был для периода Средневековья достаточно высоким¹³³. Тем не менее в выводах Н. Л. Пушкаревой имеет место методологическая неопределенность, т. к. исследовательский охват историка распространяется лишь на категории знатных женщин¹³⁴.

В то же время, если обращаться к другим исследованиям, можно также наблюдать некоторую аналитическую размытость. Так, А. Г. Глухов выдвигает гипотезу о том, что образовательный уровень женщин Древнерусского государства характеризовался высоким уровнем, а их активность имела место не только в книжной сфере, но и в области просветительской деятельности¹³⁵. Опираясь на исследование берестяных грамот, историк делает вывод о том, что грамотность женщин, как социальный феномен, была одинаково характерна для различных слоев населения¹³⁶. Стоит отметить, что подобное мнение является достаточно распространенным в научной среде¹³⁷.

Тем не менее есть и иная позиция в указанном вопросе. Так, В. В. Шалькевич, признавая наличие высокого уровня домашнего образования в некоторых семьях, акцентировал внимание на том, что высоко образованные женщины в Древней Руси не были распространенным явлением¹³⁸. Кроме того, указанный историк заявляет, что женщина могла посвятить себя образованию и просвещению нередко лишь через пострижение в монахини¹³⁹. Б. В. Сапунов не столь категоричен в вопросе распространения грамотности в женской среде, как В. В. Шалькевич, и его выводы демонстрируют то, что грамотность женщин Древней Руси имела место, но не выступала явлением частым: «грамотными были... некоторые женщины, иногда даже простые горожанки»¹⁴⁰.

Если затронуть работы зарубежных исследователей, затрагивающие проблематику грамотности женщин Древней Руси, в частности исследования американского ученого Б. Сантклиффа, то можно увидеть, что в качестве материальных свидетельств распространения грамотности в женской гендерной группе древнерусского социума имеют место следующие вещественные доказательства: берестяные грамоты, пряслица, деловые бумаги, администра-

---

¹³³ Пушкарева Н. Л. Указ. соч.

¹³⁴ Там же. С. 68—69.

¹³⁵ Глухов А. Г. История книжности Древней Руси: «До излиха вкусившие мудрость...» // Библиотека. — 1993. — № 4. — С. 64—68.

¹³⁶ Глухов А. Г. Женщины — любительницы чтения в Древней Руси // Книжное дело. — 1995. — № 2. — С. 54—60.

¹³⁷ См.: *Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV—XVII вв.* / Сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюров. С. 144.

¹³⁸ Шалькевич В. В. Евфросинья Полоцкая // Женщины-легенды / сост., науч. ред, авт. предисл. В. А. Феодосик. — Минск: Беларусь, 1993. — С. 283—301.

¹³⁹ См.: *Женщины-легенды: науч.-худ. изд.* / Сост., науч. ред. и авт. предисл. В. А. Феодосик. — Минск: Беларусь, 1993. — С. 5.

¹⁴⁰ Сапунов Б. В. Указ. соч. С. 203.

тивная документация, печати, библиотеки и бытовые надписи¹⁴¹. Анализ указанных позиций позволил историку сделать следующий вывод: «...можно подтвердить существование значительного уровня женского образования в Древней Руси до и после Крещения. Грамотность была, скорее всего, городским феноменом, развивавшимся в условиях, где было богатство, образование и, после 988 г., христианство. Женщины из состоятельных семей имели доступ к образованию, но это вовсе не значит, что они обязательно становились образованными. Пряслица и граффити свидетельствуют также о существовании грамотных женщин и в других слоях древнерусского общества»¹⁴².

Практически аналогичный вывод в своих трудах отразила и А. А. Медынцева, проанализировав памятники эпиграфики X — первой половины XIII столетия: «...грамота в основном была распространена среди горожанок... грамота была привилегией и необходимостью в первую очередь для женщин княжеско-боярских кругов, затем уже духовного сословия, купечества и какой-то части ремесленников»¹⁴³.

Тем не менее нельзя смешивать наличие грамотности в древнерусской среде и феномен начитанности населения, хотя в исторической литературе наблюдается тенденция конвергенции указанных понятий: «Судя по высокому уровню грамотности на Руси (берестяные грамоты, граффити в церквах) “почитание книжное” благодаря усилиям духовенства было распространено не только среди людей церкви, но и в широких слоях горожан»¹⁴⁴. Параллельно В. М. Живов отмечает: «На Руси сложилась принципиально новая, нежели в Византии, система образования... образование носило исключительно катехизический характер... Это отражалось и на составе книжности: подавляющая ее часть состоит из произведений духовной литературы... Образованность (что мы понимаем под нею применительно к Древней Руси) за пределы этого ограниченного корпуса не выходила, а элементарное образование сводилось лишь к овладению чтением, ориентированным на тот же корпус религиозных текстов. Чтение по складам и выучивание наизусть основных молитв и Псалтыри исчерпывали, видимо, содержание формального образования...»¹⁴⁵.

В целом владевший чтением и письмом представитель древнерусского социума в быту редко пользовался религиозными текстами, если вообще к ним обращался. Мало того, обучение в Древней Руси строилось на принци-

---

¹⁴¹ Сатклифф Б. Женская грамотность в Древней Руси: гипотезы и факты // Древняя Русь: вопросы медиевистики. — 2006. — № 4 (26). — С. 46.

¹⁴² Там же. С. 49.

¹⁴³ Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси: по памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. — М.: Наука, 2000. — С. 68.

¹⁴⁴ Даркевич В. П. «Градские люди» Древней Руси: XI—XIII вв. // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 665.

¹⁴⁵ Живов В. М. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 592—593.

пах передачи знаний от грамотного к неграмотному¹⁴⁶, притом что книга не выступала обязательным элементом педагогического процесса. В этом аспекте достаточно красноречивым выступает пример, который использовал Б. А. Рыбаков: «...на одном пряслице девушка, учившаяся грамоте, нацарапала русский алфавит, чтобы это “пособие” было всегда под рукой»¹⁴⁷.

Анализ источников демонстрирует определенную тенденцию распространения уровня образования в гендерных группах Древней Руси, которая демонстрирует факт распространения грамотности преимущественно в высших слоях общества как у женщин, так и у мужчин. Кроме того, характерным примером высокого статуса знатных женщин на Руси является Анна Ярославна, королева Франции, которая была единственным грамотным человеком при королевском дворе¹⁴⁸. Кроме того, феномен грамотности в женской среде знатных сословий была связана с тем фактом, что именно матери учили детей, т. к. обучение было в основном домашним¹⁴⁹. В связи с этим исследователи отмечали, что уровень культурности и грамотности в семьях Древней Руси во многом зависел от образовательного уровня женщин, которые выступали в роли матерей и воспитательниц¹⁵⁰.

В заключение параграфа необходимо отметить, что переосмысление дохристианских знаний, а также новой христианской традиции сказалось на массовом правосознании древнерусского социума, который стал рассматривать нового — христианского — Бога в образе вселенской правды. Всё это привело к появлению специфической разновидности христианского учения — русского православия, которое в конечном итоге стало ядром менталитета государствообразующего народа Российского государства. В аспекте гендерных спецификаций такая тенденция повлияла на статус женской и мужской групп, когда восточная традиция была смешана с европейской, сохранив определенный паритет правового статуса гендерных групп, с некоторым преобладанием мужчин в семье и обществе, с параллельной консервацией феномена уважения к женщине и допустимости её участия в политической жизни и общественных делах.

---

¹⁴⁶ См.: *Киселева М. С.* Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности. — М.: Индрик, 2000. — С. 134.

¹⁴⁷ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. — С. 194.

¹⁴⁸ См.: *Шмурло Е. Ф.* Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства (862—1462). — СПб.: Алетейя, 1998. — С. 417.

¹⁴⁹ См.: *Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени* / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. — М.: Изд-во РГГУ, 1996. — С. 323—341.

¹⁵⁰ См.: *Кайдаш С. Н.* Сила слабых. Женщины в истории России (XI—XIX вв.). С. 12.

§ 2. Правовые основы социокультурной среды Древней Руси через призму правового положения гендерных групп

Древняя Русь как независимое государство сформировалось во второй половине IX столетия в виде раннефеодальной монархии, экономическую основу которой составила аграрная сфера и обслуживание торговых путей «из варяг в греки» и «из варяг в хазары»¹⁵¹. Всё это обеспечило незыблемость социокультурного наследия, которое получило Древнерусское государство от скифской группы племен, занимавшихся земледелием и праславянских общностей Западной и Центральной Европы.

Обширные территории Российского государства, обособленность друг от друга городов и деревень, разнонаправленность месторождений полезных ископаемых, необходимость защиты государственных границ предопределили потребность населения в сильной государственности и крепкой властной вертикали. Так, уже во времена правления Ярослава Мудрого Русь территориально не уступала Западной Европе. Мало того, агрессия в отношении Российского государства со стороны южных, восточных и западных соседей выступали явлением стабильно повторяющимся. Это провоцировало тенденцию постоянного увеличения территорий в целях укрепления государства для защиты своего суверенитета¹⁵².

Такое положение дел не могло не привести к той специфической черте российского менталитета, когда, с одной стороны, человек жаждет определенной самостоятельности от публичной власти, а с другой — имеет склонность к сильной власти и мощному государству, способному отразить любую внешнюю агрессию и подавить внутреннюю смуту. Именно в этом ключе следует рассматривать либеральную квазитеорию о том, что «русские люди обладают вековой склонностью к рабству».

Такая позиция теоретиков западной либеральной доктрины достаточно просто объясняется различием восточного, европейского и русского общественного сознания. Так, если для восточной традиции государство — это, прежде всего, «государь», который «пропитывает собой» все социальные связи, направляя общественные процессы¹⁵³, а для европейской традиции на первом месте всегда стоит автономная личность и частный интерес, доминирующий над интересом коллективным, то для отечественного менталитета

---

¹⁵¹ См.: *Петрухин В. Я.* «Из варяг в греки»: начало исторического пути России // Славянский альманах. — 1997. — № 1996. — С. 63—67; *Смакотина Д. В.* Река, текущая из страны славян» (путь из варяг в арабы по сведениям арабских географов) // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 303. — С. 106—108.

¹⁵² См.: *Замыслов В. А.* Великий преобразователь древнерусского государства // Власть. — 2008. — № 10. — С. 3—8.

¹⁵³ См.: *Лотухова И. В.* Неограниченные монархии средневекового Востока: восточная деспотия или восточный феодализм? // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2007. — № 40. — С. 170—173.

интересы личности и государства формируют определенную политико-правовую симфонию, когда человек понимает, что его личное благосостояние целиком и полностью зависит от мощной государственности, которая его защитит от любого внутреннего или внешнего агрессора¹⁵⁴.

В русле нашего исследования нельзя не вспомнить Н. А. Бердяева, который отмечал феномен отсутствия органического единства в отечественном историческом процессе. Великий русский философ был прав, подчеркивая то, что периоды развития Российского государства характеризуются кардинальным своеобразием, резко контрастируя с предыдущим и последующим историческими этапами, которые обладали своей особой специфичностью. В целом отечественной истории свойственна не эволюционность, а революционность, которая зиждется на коренной перестройке политико-правовых и социокультурных связей. Таких кризисных переломов можно привести достаточное количество:

- призывание варягов¹⁵⁵;
- христианизация Руси¹⁵⁶;
- нашествие монголо-татар¹⁵⁷;
- формирование Московии¹⁵⁸;
- религиозный раскол¹⁵⁹;
- правление Петра I и утверждение российского самодержавия¹⁶⁰;
- свертывание феодальных порядков (отмена крепостного права)¹⁶¹;
- Октябрьская революция 1917 г.¹⁶²;
- начало политических репрессий 1937 г.¹⁶³;

---

¹⁵⁴ См.: *Витале А.* Российская государственность в сравнительной перспективе: русская традиция и западная модель государственного устройства // НИР. — 2013. — № 3 (8). — С. 20—36.

¹⁵⁵ См.: *Атанов П. А.* К вопросу о «Призвании варягов» // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2007. — № 3. — С. 29—40.

¹⁵⁶ См.: *Мюллер Л.* Проблема христианизации России и ранней истории русского христианства // Палеоросия. — 2015. — № 4. — С. 187—196.

¹⁵⁷ См.: *Швец Ю. П.* Монголо-татарское нашествие XIII в. и его влияние на Русь // Известия АлтГУ. — 2010. — № 4—3. — С. 233—235.

¹⁵⁸ См.: *Напалкова И. Г.* Тенденции формирования системы управления централизованного российского государства в XV в // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. — 2010. — № 4. — С. 24—27.

¹⁵⁹ См.: *Реснянский С. И.* Русский религиозный раскол // Историческое обозрение. — 2012. — № 13. — С. 40—52.

¹⁶⁰ См.: *Осипян Б. А.* Становление Российского государства как великой империи // Социально-политические науки. — 2015. — № 3. — С. 9—17.

¹⁶¹ См.: *Муравьева Л. А.* Отмена крепостного права в России: причины, механизм реализации, значение // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2012. — № 2 (6). — С. 42—53.

¹⁶² См.: *Ланцов С. А.* Октябрьская революция 1917 года: замыслы и результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. — 2017. — № 4. — С. 289—300.

¹⁶³ См.: *Федорова А. В.* Испытание произволом: 1937—1938 годы // СНВ. — 2018. — № 1 (22). — С. 201—206.

- либерализация общественных отношений в 50-х гг. XX столетия¹⁶⁴;
- крушение СССР и начало либеральных реформ¹⁶⁵;
- «Крымская весна» 2014 г. как начало процесса собирания исконных российских территорий¹⁶⁶;
- утверждение России как ведущего геополитического игрока 2022 г.

Все эти вехи, по своей сути, носили новаторский и часто разрушительный характер, формируя радикальные политико-правовые и социально-экономические последствия, среди которых можно выделить следующие позиции: нивелирование отжившей историко-культурной традиции; смена устоявшихся поведенческих клише; переосмысление исторического опыта и пр. Данные факторы, выступая концептуальным фундаментом жизнедеятельности людей, рушились вместе с надеждой на возможность эволюционного развития общества и государства.

Можно предположить, что культурная и историческая преемственность берет начало из национального самосознания, которое в результате развития хода исторического процесса всё же сохраняет свои ключевые свойства, которые формировались столетиями. В этой связи дефиниция «менталитет» или самосознание в научном дискурсе отображает те характерные качества, которые были присущи как мужчинам, так и женщинам в конкретные исторические периоды, в частности интеллектуальные свойства их личности, чувственные переживания и мировоззренческую составляющую. Самосознание проявляло себя в различных направлениях: мифологии; понимании окружающего мира и внутренней природы человека; народном творчестве; вопросах богословия; различных концепциях; культуре; общепринятых поведенческих паттернах; политике; правовом регулировании; морали и пр. Единство и взаимообусловленность перечисленных элементов формирует неповторимый цивилизационный код народа, который отражается в том числе и на гендерной спецификации социума, на объеме прав и обязанностей мужчин и женщин, на рефлексии со стороны государства в аспекте регуляции правоотношений между гендерными группами.

Перечисленное выше дает возможность вести речь об основополагающих регулятивных направлениях социокультурной среды Древнерусского государства: брачно-семейном праве; отрасли, регулирующей правоотношения, связанные с военной службой; регуляции религиозной составляющей.

При анализе брачно-семейного регулирования Древней Руси в эпоху христианизации можно отметить, что гендерная спецификация в рамках ин-

---

¹⁶⁴ См.: Григорьева А. Г. Либерализация политического режима и законодательства советского Союза в годы хрущёвской «Оттепели» // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 9. — С. 179—182.

¹⁶⁵ См.: Шубин А. В. Распад СССР: объективные причины и субъективные факторы // Россия и АТР. — 2016. — № 3 (93). — С. 23—48.

¹⁶⁶ См.: Горшков М. К. Воссоединение Крыма с Россией: социально-исторические, политические и социокультурные предпосылки // СНИСП. — 2018. — № 2 (22). — С. 7—16.

ститута семьи опиралась на нормы религиозного права и морали. Кроме того, в качестве фундамента религиозного учения семья рассматривалась через призму священности брачного союза.

В этом аспекте внедрение морально-нравственных принципов в брачно-семейные связи осуществлялось посредством церковного нормирования жизни супругов. Обоснование подобной регуляции подкреплялось религиозной трактовкой незыблемости принципа супружеской верности, независимо от морально-нравственного статуса супруга. Тем не менее в подобном подходе имел место определенный концептуальный дуализм, когда представители клерикальных кругов, с одной стороны, отстаивали идею тщетности земной жизни и бренности человеческого бытия, а с другой — подчеркивали важность земного существования, которое служит преддверием небесной жизни. В этой связи в брачно-семейных отношениях христианская концепция отводила определенные роли как женщине, так и мужчине. В частности, женщина несла ответственность за деторождение и воспитание потомства в русле христианских заповедей, а мужчина в браке приобретал статус главы семьи, а его власть обосновывалась клерикалами как элемент системы иерархического построения социума, где жена подчиняется мужу, муж подчиняется монарху, а последний за свои поступки отвечает перед Богом.

В рамках сословного государства предусматривалось акцентирование внимания на должностованиях представителей различных сословий. В то же время субъективные права и полномочия наделенных властью лиц проистекали именно из объема и характера юридических обязанностей. В связи с этим, если мужчина в семье обладал доминирующим положением над супругой и домочадцами, то это в первую очередь говорило не о большом объеме его прав как субъекта правоотношений, а демонстрировало кластер обязанностей, которые транслировались в различных направлениях — семейных, общинных, социальных, государственных, религиозных. Так, правовое регулирование по Русской Правде и Псковской судной грамоте закрепляло принцип алиментирования, где основным обязанным лицом выступал мужчина. В частности, ст. 95 Русской Правды фиксировала норму о том, что женщины не могли наследовать имущество, если имелись наследники мужского пола с параллельным наделением главы семьи обязанностью обеспечить дочерей приданым, а также должностованием в виде выдачи дочери или сестры замуж. Сказанное преследовало целью финансовое обеспечение женщин, устраненных от права распоряжаться семейным имуществом.

В целом можно отметить превалирование запретительной регуляции в брачно-семейных правоотношениях. Помимо этого, христианская церковь в период существования Древнерусского государства столкнулась с тенденцией двоеверия, когда языческие воззрения имели место, а иногда и преобладали в институциональных связях институтов семьи и брака, противореча христианскому учению. В этой связи запретительные механизмы, инициированные церковью, несли в себе возможность применения уголовных наказа-

ний, гражданско-правовой ответственности, а также сугубо клерикальных санкций, выстраивая новый тип семейно-брачных связей, которые не противоречили бы христианской религии. В новой парадигме развития отношений между мужчиной и женщиной, с одной стороны, стали вырисовываться некоторые демократические принципы правового регулирования (например, принцип равенства супругов, который институционально основан на принципе формального равенства мужчин и женщин), безусловно, существенно купированные текущей политико-правовой ситуацией, однако общая тенденция была расположена в плоскости лояльного отношения к христианской религии и всемерной защиты женщин, как социальной основы новой веры (это выражалось, прежде всего, в культе поклонения Богородице) — всё это влекло трансформацию языческой культурной традиции, которая была крайне комплементарна к мужчинам как к квинтэссенции земного проявления божественных стихий — силы, ловкости, мужественности, и к женским качествам, таким как способность к деторождению, скромность, покорность. В свою очередь, христианство восприняло в полной мере лишь женскую составляющую языческой культурной среды, поставив мужские качества в зависимость от отношения к христианскому вероучению, а не как самостоятельные, независимые от религии категории.

Стоит отметить, что христианская религия постулировала принцип нерасторжимости брака, как зафиксированного перед Богом союза мужчины и женщины в целях создания семьи и рождения потомства. Тем не менее византийские клерикальные институты допускали возможность юридического расторжения брака. В то же время разводы строго воспрещались в случае отсутствия юридического опосредования со стороны церковного суда. Данные принципиальные положения следовали в русле христианской традиции, которая демонстрировала принцип пожизненности брачных уз, который еще слабо воспринимался вчерашними язычниками. В этой связи достаточно характерным являлось то, что основания для развода были целиком рецепированы из византийского нормативного массива, в частности из Прохирона. Мало того, указанная рецепция не была осуществлена линейно, т. к. русские традиции по вопросам семьи и брака были преимущественно учтены. В связи с этим перечень оснований для развода в Древней Руси в эпоху христианизации был следующим:

- сокрытие от мужа со стороны жены фактов готовящегося преступления, направленного на жизнь монарха или государственные институты;
- супружеская неверность со стороны жены, которую лично зафиксировал муж либо могли подтвердить послухи;
- обнаружение умысла жены на убийство мужа посредством яда или сокрытия ею фактов готовящегося покушения на супруга со стороны других лиц;

— посещение женой без санкции мужа пиров с чужими людьми, равно как и отсутствие её дома в ночное время без получения на то разрешения от супруга;

— нарушение запрета мужа посещать дневные и ночные развлекательные мероприятия;

— участие жены в краже имущества супруга или хищение церковной собственности.

Примечательно то, что поводы к разводу связывались исключительно с противоправным поведением супруги. В свою очередь, в брачно-семейных отношениях мужчине предоставлялась большая вариативность выбора, а сам муж позиционировался как основная фигура в брачно-семейном регулировании, где роль женщины сводилась к подчинению и поддержанию целостности брака. Также муж в брачно-семейном праве Древней Руси выступал в роли наставника своей супруги. Такая тенденция четко прослеживается в нормах церковного устава князя Ярослава, где неудобное христианской церкви поведение супруги не выступает поводом к разводу. В то же время личные и имущественные права супругов были расположены в плоскости мужского доминирования, когда муж и отец был вправе распоряжаться не только имуществом семьи, но и требовать удобную ему модель поведения своих домочадцев. В большой степени правовое положение женщины в Древнерусском государстве предопределялось социальным статусом её отца и супруга. Неслучайно церковные княжеские уставы распределяют женщин по трем крупным сословиям: великие бояре, нарочитые люди и простые подданные. Кроме того, влияние супруги в семье могло попадать в зависимость от размера приданого, т. к. в Древней Руси не существовало режима общей совместной собственности супругов, а все споры относительно имущества супругов по Уставу Владимира Святославича разрешались в судах церковной юрисдикции («промежи мужем и женою о животе»).

В целом, если затрагивать проблематику брачно-семейных отношений в Древнерусском государстве, нельзя обойти стороной вопрос институциональной системности семьи и эволюции указанного института в Русской Правде.

Обыденное понимание семьи как «ячейки общества» не охватывает всей сложности этого феномена и её роли в процессе общественного развития. В свою очередь, научная дефинитивность института семьи выступает результатом многогранного синтеза понятий и процесса научного познания, в котором отражена её эволюционная составляющая, а также причины и предпосылки бытийности этого феномена в общественном сознании прошлых и ныне живущих поколений.

Так, семью можно определить, как первичную форму социума, групповое выражение общественной организации и воспроизводства, которое базируется на супружеских и кровнородственных связях между множеством субъектов, таких как муж, жена, родители, дети, братья, сестры и иные род-

ственники, проживающих совместно, ведущих общее хозяйство и имеющих общий бюджет. Именно в семье индивид реализуется в рамках общественных связей, выступая элементом социальной системы. Важно отметить и то, что семья обладает свойством первичности. По мнению Ч. Кули, подобными свойствами обладают группы, имеющие тесные, непосредственные связи и характеризующиеся ярко выраженной реализацией принципа сотрудничества¹⁶⁷. Подобная первичность обладает имманентным признаком системности, отображаясь в различных аспектах семьи, стержнем которых выступает тесная связь репродуктивной функции, общественной эволюции и социализации потомства.

Институт семьи отображается не только в образе малой социальной группы, но и играет и важную роль универсального носителя статусов, которые детерминируются разнообразием форм социализации и функциональных связей¹⁶⁸. Эти статусы объединяются, реализуясь в плоскости персонифицированной амбивалентности и ярко выраженной социальной пропорциональности, а их повреждение влечет асимметрию социальных связей и диспропорцию общественных отношений. В семье каждый субъект может выступать в разноплановом аспекте, обладая различной социальной ролью, формируя персонифицированный семейный статус.

Кроме того, основная телеологичность института семьи обуславливает её существование, которая соответствует её типу и специфике. В то же время системность семьи предопределяется целостностью её связей и сложностью организации её элементов¹⁶⁹. В образе первичного коллектива семья обладает признаками системности, т. к. сущностно отличается от остальных социальных групп, прежде всего, тем, что её характеристики отличаются своей целостностью функционала, специфичностью организации и природной целевой направленностью. Многообразие внутренних связей института семьи относит её к социальным институтам с одной стороны, а с другой — формируют в ней необходимые элементы для стабильного функционирования.

Традиционно наибольший научный акцент при анализе института семьи в Древней Руси приходился на языческий и христианский периоды, неизменно оставляя без должного внимания переходный этап, когда язычество еще имело место, а христианство не обладало характеристиками доминирующего в обществе учения. Именно на такой переходный этап пришлось создание древнейшего источника русского права — Русской Правды.

---

¹⁶⁷ Кули Ч. Первичные группы // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренькова. — М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1996. — С. 328.

¹⁶⁸ См.: Иншаков О. В. Введение / О. В. Иншаков, Д. П. Фролов // Институционализм в российской экономической мысли (IX—XXI вв.): в 2 т. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. — Т. 1. — С. 6—40.

¹⁶⁹ См.: Иншаков О. В. Институт и институция: проблемы категориальной дифференциации и интеграции // Экономическая наука современной России. — 2010. — № 3 (50). — С. 26—38.

Стоит отметить, что начало исследований брачно-семейных связей Древнерусского государства было инициировано в начале XIX столетия Н. М. Карамзиным, который подвергал скрупулезному анализу различные аспекты отношений в сфере семьи и брака¹⁷⁰. Несколько позднее, исследование института семьи в Древнерусском государстве получило импульс на базе историко-правовой научной школы, ярким представителем которой выступили И. Ф. Эверс¹⁷¹ и А. М. Рейц¹⁷². Указанные ученые занимались преимущественно проблематикой формирования института брака в языческий и переходный периоды. В последующем исследования имущественных отношений в рамках семьи, содержания брачно-семейных связей и функционала брака методологически сузились. Тем не менее в рамках экономической науки брачно-семейные связи Древней Руси рассматривались недостаточно подробно.

Ведя речь о современных исследованиях брачно-семейных отношений в Древней Руси, необходимо отметить их существенное достоинство, выраженное в обширности научного поиска, который вышел за пределы предмета истории и права, осуществив дрейф в междисциплинарную область, затронув широкий спектр социально-культурных аспектов, в том числе культуру, религию, этику, бытовую составляющую, сферу репродуктивных отношений¹⁷³. Однако хозяйственно-экономический фундамент института семьи переходного периода еще не закрепился в полной мере в образе предмета научного анализа со стороны представителей науки истории государства и права.

Достаточно очевидным выступает тезис о том, что научный интерес к проблематике институциональных связей и организации древнерусской семьи переходного периода должен возрасти с утверждением в научном дискурсе эволюционного подхода в исследованиях отечественного государства и права. Помимо этого, эволюционный подход в исследовании проблематики брачно-семейных связей Древней Руси актуализирует и сам предмет научного поиска, который в полной мере исчерпан не был. Научный пробел в исследовании проблематики семьи и брака Древнерусского государства периода Русской Правды усугубляется еще и тем, что семья здесь рассматривается в формальной плоскости, без привлечения факторов, инициированных переходностью общественного развития.

---

¹⁷⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. / Н. М. Карамзин. — М.: Наука, 1989. — Т. 1. — С. 65—66.

¹⁷¹ Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / И. Ф. Г. Эверс. — СПб.: Тип. Штаба отдельн. корпуса внутренней стражи, 1835. — 422 с.

¹⁷² Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / А. Рейц. — М.: Унив. тип., 1836. — 414 с.

¹⁷³ См.: Омельянчук С. В. Брак и семья в Древней Руси IX—XIII веков. — Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2010. — 118 с.; Разумов И. Семья в Древней Руси. О семейных отношениях у восточных славян и русов VIII — 1-й пол. XIII в. — 2016. — 140 с. и др.

Принимая в качестве инструментария научного поиска эволюционных процессов древнерусского социума, разработанного И. Я. Фрояновым, можно сформулировать определенную периодизацию развития брачно-семейных отношений в русле гендерной регуляции в Древнерусском государстве. Так, вполне отчетливо формируются три периода:

- языческий (в социальной регуляции доминирует обычное право);
- переходный (социальному регулированию свойственен договорной характер общественных связей);
- христианский (регулирование общественных отношений осуществляется на базе религиозно-юридических норм).

Кроме того, христианизация Древней Руси в аспекте семьи и брака, а также гендерной спецификации обладала свойством противоречивости и сложности восприятия новой парадигмы со стороны практически всех слоев населения.

Древняя Русь в рамках брачно-семейных связей характеризовалась наличием двух основных видов семьи, с переходными между ними формами. Первым видом семьи выступала малая семья, которая состояла из супругов, еще не вступивших в брак, и их потомства. Такая семья обладала отдельным жилищем, своим хозяйством, являясь первичным элементом системы существующих на тот момент экономических связей. Наряду с малой семьей в Древней Руси имела место и так называемая большая семья (род), которая включала в себя многогранный кластер брачно-семейных связей. Род состоял обычно из трех-пяти поколений родственников, которые формировали прямую и боковую линии.

Постепенно малая семья выделялась из рода, а в качестве ключевых факторов, повлиявших на процесс её обособления, существенным образом сказались повышение общей производительности труда и возможность рентабельного хозяйствования в рамках отдельного домохозяйства. Тем не менее малая семья не могла в полной мере и безболезненно переносить различные кризисные ситуации природного и социального характера. Уязвимой она оказывалась и в аспектах столкновения с государственным интересом, который выражался в сборе дани и судебной нагрузке.

В то же время недостаточно ясна роль рода в системе брачно-семейных связей Древней Руси. Вполне понятно, что представители большой семьи были консолидированы между собой в рамках многогранного комплекса политических и имущественных прав, к которым можно отнести право на выморочное наследство и кровную месть. Кроме этого большая семья обладала свойствами экзогамности, т. к. между её представителями (в том числе троюродными братьями и сестрами) браки были запрещены. Что характерно, представители рода не должны были в обязательном порядке жить под одной крышей. Перечисленное затрудняет научный поиск в аспекте проблематики оценки роли рода как производственной коллаборации. В качестве производственного коллектива род выступал, прежде всего, на новых территориях, ко-

торые осваивали переселенцы в рамках большой экономико-хозяйственной ассоциации.

Тем не менее род, утратив первоначальную цель, связанную с ведением хозяйства в кризисных условиях, продолжал реализовывать ряд функций, прежде всего, регулятивного характера. В частности, большая семья опосредовала кровнородственные связи, отстаивала субъективные права родственников, помогая им безболезненно переносить бремя юридических обязанностей. Кроме того, род выступал инструментарием консервации культурных традиций, обеспечивая непрерывную связь поколений. С наступлением тенденции ослабления рода и возникновением большого количества малых семей, которые нередко стали преуспевать в новой хозяйственно-экономической парадигме, стали формироваться принципы её социальной устойчивости и сохранения представителей малых семей со стороны государства, т. к. это было выгодно публичной власти как через призму экономики, так и соответствовало политической конъюнктуре исследуемого периода.

Стоит отметить, что именно во второй половине X — начала XI столетия был инициирован процесс распада родоплеменного строя восточных славян, что и фиксируется в текстах Русской Правды¹⁷⁴. Новые тенденции в брачно-семейных связях и правовом положении гендерных групп проявлялись постепенно, трансформировав принципы солидарности и протекционизма со стороны рода в плоскость снижения их эффективности¹⁷⁵. Правовая регуляция в Древнерусском государстве стала обладать двойственным характером в отношении опосредования внутренних связей больших и малых семей, а также в аспекте общественных отношений их представителей с общиной и государственными институтами. Формирование классового устройства в Древней Руси и тенденции укрепления вертикали власти в раннефеодальной монархии спровоцировали ситуацию, когда, наряду с прежними ассоциациями, стали возникать новые социальные группы, которые стали распространённым явлением уже в период феодализма¹⁷⁶. Однако даже в эпоху Средневековья индивид всё также выступал представителем определенной общественной коллаборации, за пределами которой он не обладал большей частью своих субъективных прав и юридических обязанностей.

Стоит отметить, что в Средние века большая семья утрачивает свои ведущие позиции в рамках опосредования брачно-семейных связей, уступая по всем направлениям малой моногамной семье, которая стала лидировать в сфере хозяйственно-экономических отношений. Примечательно, что малые моногамные семьи имели распространение во всех слоях населения, что

---

¹⁷⁴ См.: *Тихомиров М. Н.* Пособие для изучения Русской Правды. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953. — 192 с.

¹⁷⁵ См.: *Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. — С. 165.

¹⁷⁶ См.: *Лисюченко И. В.* Критерии и особенности государственности в Древней Руси // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2015. — № 4. — С. 14—20.

повлекло доминирование малых семей, в которых имели место лишь два поколения родственников. В качестве гипотезы можно выдвинуть положение о том, что малая моногамная семья периода Русской Правды выступала в образе института, функционирующего на базе следующих нормативных оснований:

- 1) договора между супругами;
- 2) кровного родства;
- 3) соглашения между родителями и детьми, если имел место факт удочерения или усыновления.

Кроме всего прочего, семья считалась полноценной лишь при реализации репродуктивной функции, которая в Древней Руси имела ключевое значение для представителя любой сословной категории.

Тенденция ослабления кровнородственных связей, развитие института частной собственности и малой семьи в пределах соседской общины, а также ключевая роль государства в правовом регулировании ярко демонстрируют упадок института большой семьи и системную деградацию родового устройства, которое было отражено в Древнейшей Правде, составленной в начале XI столетия при князе Ярославе¹⁷⁷. Кроме того, с начала XI столетия в аспекте брачно-семейных отношений, осуществляемых в рамках малой семьи, прекращает реализовываться принцип общей исторической судьбы кровных родственников с параллельным выходом малой семьи из родовой общины.

Стоит отметить, что Правда Ярослава регулировала жизнь всех слоев населения Древнерусского государства в период христианизации и несла в себе варяжский договорной аспект, т. к. включала в сферу правовой регуляции как исконных обитателей русских земель, так и инородцев, которые в качестве активных субъектов включались в социальные связи древнерусского общества. Всё это неизменно накладывало свой отпечаток на регулирование семейно-брачных отношений и гендерную спецификацию в Древней Руси.

Русская Правда, как важнейший памятник древнерусского права, в аспекте научного познания не должна подлежать ограничительному толкованию сугубо в рамках проблематики управления и регламентирования взаимоотношения народа с публичной властью. Например, Л. В. Черепнин полагает, что Правда Ярослава выступает в образе соглашения, которое ограничивает произвол варяжской дружины, гарантируя местному населению должный уровень законности и правопорядка¹⁷⁸. При таком толковании имманентной сущности Русской Правды кардинально сужается общее регулятивное свойство этого документа в сфере брачно-семейных отношений и регуляции в плане правового статуса гендерных групп. Тем не менее вполне обоснованно полагать, что документ выполнял разноплановые функции,

---

¹⁷⁷ См.: Лисюченко И. В. Указ. соч. С. 171.

¹⁷⁸ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков: в 2 ч. / Л. В. Черепнин. — М.: Изд-во АН СССР, 1948. — Ч. 1. — С. 245.

в том числе регламентировал социальные связи, обремененные «варяжским» элементом.

Не подлежит сомнению то, что все варианты Русской Правды обладают огромным регулятивным потенциалом в сфере брачно-семейных отношений и, прежде всего, семьи как важнейшего первичного элемента системы организации общества и социально-экономического фундамента государственных институтов. Осознавая всю важность государственного протекционизма в отношении семьи, власть не могла не включить определенный регулятивный набор в Русскую Правду. На такой тенденции заострил внимание и П. А. Флоренский, настаивая на том, что интересы семьи прямо коррелируются с интересами общества и государства. Кроме того, ученый настаивал на значимости государственной политики в аспекте сохранения крепкой семьи¹⁷⁹.

Рецепция византийского церковного права после начала христианизации Древней Руси в конце X столетия шла в рамках жесткой корреляции с местными факторами жизнедеятельности древнерусского социума и существовавших норм брачно-семейного права. В результате за период XI—XIII столетий существенный спектр нормативной регуляции брачно-семейных связей нашел свое отображение в текстах Русской Правды, в летописных источниках, а также в берестяных грамотах. В то же время в середине XI в. конвергенция языческих норм с христианской традицией сформировали специфические принципы брачно-семейной регуляции, которые нашли свое частичное отражение в Уставе князя Ярослава о церковных судах.

Обращаясь к регулятивным основам межгендерных и брачно-семейных связей в Правде Ярослава, необходимо отметить, что краткая редакция Русской Правды выступает древнейшим правовым памятником, который расположен в рамках XI столетия. Парадоксально то, что указанная редакция источника структурно включает в себя разновременные документы, начиная с 1016 г.: «Суда Ярослава Владимировича» («Правда Ярослава»), статьи 1—18; «Правды Ярославичей», статьи 19—41; «Покона вирного», статья 42; «Урока мостников», статья 43.

Акцентируя внимание на ст. 1 Краткой Русской Правды по Академическому списку середины XV в., можно выявить норму, предусматривающую санкцию за убийство супруга. Такая ситуация демонстрирует сформированную и жизнеспособную систему родственных связей, сложность их структурной организации, разветвленную сеть функциональных направлений взаимоотношений членов семьи. Нормативная регуляция в указанного состава предполагает наличие родственников у убитого. Правоотношения здесь также предполагают достижение консенсуса государственного и частного интересов, когда вира шла в пользу князя, а головничество — родственникам потерпевшего. В этом аспекте Русская Правда, являясь охранительным инстру-

---

¹⁷⁹ Флоренский П. А. Предполагаемое государственное устройство в будущем / П. А. Флоренский // Сочинения: в 4 т. — М.: Мысль, 1996. — Т. 2. — С. 670.

ментарием брачно-семейных отношений, параллельно выступала и механизмом дискриминации женщин, поскольку не предусматривала аналогичного наказания за убийство супруги. Тем не менее нельзя не отметить позитивное влияние правового памятника на институт древнерусской семьи и её экономическую основу.

Примечательно то, что при отсутствии желания мести со стороны родственников убитого либо её фактической невозможности родственники потерпевшего имели право на получение особого возмещения в виде головничества, размер которого варьировался в зависимости от социального статуса убитого. Разброс сумм здесь был значительным, располагаясь в границах 5—80 гривен. Следовательно, институт головничества являлся тем механизмом, который способствовал реализации не только компенсационной функции государства в пользу частных субъектов правоотношений, но и был направлен на поддержание брачно-семейных связей в их консервативной интерпретации. Иными словами, головничество не являлось штрафом в пользу казны, но целиком шло родственникам убитого, одновременно поддерживая общий патриархальный уклад и нормативное доминирование супруга в рамках института семьи и брака.

Стоит отметить, что активное лоббирование головничества со стороны государства объяснялось стремлением ограничить право мести со стороны родственников потерпевшего, т. к. денежное возмещение стимулировало компенсационные инструментариумы в случае потери кормильца и владельца семейного имущества. В то же время месть могла привести к распаду как семьи потерпевшего, так и семьи ответчика, не обеспечивая возможность возместить ущерб пострадавшим от преступления лицам. Так, по некоторым данным, в Древней Руси за несколько десятков гривен, которые нередко полагались за уплату родственникам погибшего человека — представителя свободного сословия, можно было приобрести целое стадо коров.

В целом же утрата семьей своего активного в экономическом плане члена — мужчины, который обладал признанным социальным статусом, оказывала существенное влияние на её будущее, противореча как семейным интересам, так и интересам государства. В рамках брачно-семейных связей снижалась производственная основа и перспективы роста её имущественного благосостояния. В рамках же государственного интереса это оказывало негативное влияние на товарооборот и размер собранной дани, притом что продолжительное транслирование конфронтации среди родов в перспективе снижало число подданных и, следовательно, налогоплательщиков. Русская Правда наглядно демонстрировала месть как экономически невыгодный способ разрешения споров о праве, предлагая разрешить конфликтную ситуацию с помощью экономического инструментария, который был выгоден не только пострадавшей семье, но и публичной власти.

Небезынтересно и то, что ст. 2 Русской Правды в краткой редакции впервые нормативно закрепляет понятие «обида», которое необходимо тол-

ковать как обязанность виновной стороны компенсировать причинённый вред потерпевшему или его семье¹⁸⁰. Обида имеет место там, где пострадал интерес частный, а сама она фиксирует право потерпевшего или его родственников на определенное возмещение. В этом аспекте само возмещение может сопровождаться мздой — оплатой услуг на лечение потерпевшего, параллельно не снижая материальной компенсации за обиду. Дефинитивно обида обладает особой ролью в нормативной регуляции Древнерусского государства, проходя «красной нитью» через историю Русской Правды, вплоть до Судебника Ивана III, где обида сменяется понятием «лихое дело». Несложно увидеть здесь дрейф частноправового возмещения в спектр государственно-правовой компенсации¹⁸¹. Тематика государственного лоббирования экономического возмещения вреда прослеживается и в третьей статье указанного правового памятника.

В ст. 5 Краткой Русской Правды нормативно закреплялся и институт возмещения частичного ущерба, который возникал в случае нанесения увечья члену семьи. В то же время шестая статья указанного документа нормирует компенсационные механизмы частичного увечья руки. В этой связи здесь можно наблюдать стремление законодателя предусмотреть возмещение вреда при возникновении неполного увечья члена семьи. Стоит подчеркнуть, что обида в Русской Правде предусматривает не только личную компенсацию ущерба, но и возмещение вреда, причинённого семейному интересу. Такой компенсационный механизм вводил возмещение не только для отдельной личности, но и для его семьи в целом, т. к. предполагал перспективный убыток для всей семьи в связи с увечьем одного из её членов. Кроме того, имелась и конкретная дифференциация компенсации различного рода частичных увечий, для рук, ног и пальцев потерпевшего.

В аспекте гендерной спецификации важную институциональную роль играют обиды, нормированные в ст.ст. 6—8 Русской Правды в краткой редакции, регулирующие вопросы нанесения репутационного ущерба главам семей и старшим сыновьям. Так, повышенный штраф предполагался за вырывание усов и бороды, который был выше чем штраф за частичное увечье руки в виде утраты пальца. Подобное не было предусмотрено за аналогичные обиды, нанесенные женской гендерной группе, что, в свою очередь, демонстрирует повышенную охрану субъективных прав мужчин в Древней Руси.

В ст.ст. 11—15 и 17 Краткой Русской Правды регламентируются правоотношения, связанные с возмещением ущерба, причинённого кражей; повреждением имущества; хищением холопа; невозвратом долга и пр. Так, ст. 12 нормирует следующие положения: «Аще поиметь кто чюжь конь, любо

---

¹⁸⁰ См.: Лоба В. Е. Русская правда о наказаниях за преступления против собственности / В. Е. Лоба, А. Н. Якушев // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. — 2009. — № 1. — С. 95—99.

¹⁸¹ См.: Юткин А. Судебник Ивана III — первый кодифицированный правовой акт на Руси // Российская юстиция. — 1997. — № 7. — С. 46—48.

оружие, либо портъ, а познаеть въ своемъ мироу, то взяти емоу свое, а 3 гривне за обиду», что указывает на судебный процесс, осуществляемый в рамках самой общины, рода, а также улицы или стороны в Новгороде, т. к. все эти общности подпадали под понятие «мир». Примечательно, что правоотношения в сфере права собственности в указанной статье не обладают свойством иерархичности и подпадают под одинаковую правовую охрану. С помощью буквального толкования указанной нормы можно увидеть и то, что юридической защите подлежит не только личная собственность, но и имущество домохозяйства.

Вместе с тем ст. 13 Русской Правды в краткой редакции воспрещает произвол в аспекте изъятия украденной собственности, регламентируя законному владельцу обращаться в мир для разрешения возникших споров о праве. Истцу, для восстановления законного господства над вещью, предлагается воспользоваться правовым инструментарием, зафиксированным в институтах свода, извода и поруки, которые предусмотрены в общинных правоотношениях в качестве гарантии обеспечения имущественных и личных прав. Примечательно то, что указанные правовые механизмы могла запустить именно община, но не кровнородственные коллективы. Так, свод был расположен в рамках свидетельских показаний, а извод — в кластере расследования всех важнейших обстоятельств дела. В то же время порука определяет компетенцию общины в сфере консолидации возмещения причинённого вреда, который причинён её представителем и его семьей. Всё это демонстрирует процесс государственной протекции института семьи в аспекте привлечения общины в дела о разрешении споров о праве.

В рамках исследуемой проблематики также важна ст. 14 Русской Правды в краткой редакции, которая нормирует процессы защиты прав собственности в операциях по займам, которые в Древней Руси были достаточно распространённым явлением, по причине исторической значимости купеческого дела и развитых товарно-денежных отношений. В частности, при осуществлении процедуры взыскания денежных средств с должника, который отказывался признать себя таковым, истцу было необходимо присутствовать на суде, состоящем из двенадцати человек. В случае же признания за должником факта обмана истец получал право не только вернуть свои деньги обратно, но и требовать денежную компенсацию за обиду, которая обычно оценивалась в три гривны. Стоит отметить, что нередко фигурировавший в документе термин «скот» обладал расширенным толкованием, обозначая имущество домохозяйства.

Изучая нормативную эволюцию брачно-семейных связей, можно также усмотреть и развитие малой семьи как самостоятельного субъекта судебно-имущественных отношений, когда деяния её членов прямо коррелировались с её имущественной ответственностью, оказывая существенное влияние на её благосостояние.

В результате доминирования рационального подхода в нормативной политике Древнерусского государства можно увидеть ряд важнейших новаций, которые повлияли на гендерную спецификацию и брачно-семейные отношения. Так, в результате доработки Русской Правды со стороны сыновей Ярослава Мудрого смертная казнь за уголовные преступления была отменена. Её отмена сопровождалась нормированием возмещения вреда со стороны виновного лица, что, несомненно, было экономически выгодно как для семьи потерпевшего, так и для государственной казны.

Стоит отметить, что Русская Правда регулировала широкий спектр отношений в рамках права собственности и охраны имущественных прав высших слоев населения Древней Руси. Тем не менее правовая регуляция источника не оставляла без внимания и правоотношения, в которых фигурировали и остальные представители древнерусского общества, в том числе и из среды зависимого населения. Указанный памятник древнерусского права в процессе эволюции отражал различные сведения, затрагивающие: структуру семьи; правовое и имущественное положение супругов, вдов, дочерей; вопросы наследования и опеки и пр.

В этой связи ст. 20 Краткой Русской Правды осуществляла нормативную охрану семейного имущества средних и мелких землевладельцев (огнищан) и управителей крупных домохозяйств (тиунов). В то же время статья 21 документа защищала семейную собственность людей, аффилированных с хозяйством князя (дружинников и княжьих мужей). Русская Правда регламентировала также право на убийство злоумышленника, если он напал на тиуна или огнищанина либо если был застигнут на месте татьбы, которая осуществлена в пределах домохозяйства либо рядом с домашним скотом. В свою очередь, сам подход Русской Правды к личности и имуществу огнищан продемонстрировал глубокую заинтересованность со стороны князя в благосостоянии этой социальной прослойки.

Стоит отметить, что Русская Правда в своей эволюции расширила рамки правовой регуляции в сфере брачно-семейных отношений и гендерной спецификации, дополнив регулятивный аспект механизма правового регулирования. Так, Русская Правда в пространной редакции имела нормы, регулирующие режим совместного владения семейным имуществом супругами и его раздел в случае прекращения семейных связей. В связи с наличием потребности регулировать усложнившуюся жизнь древнерусского общества регулятивный объем Пространной Правды был в разы больше, чем в Краткой Русской Правде.

Такая тенденция была связана, прежде всего, с тем, что именно малая семья, а не род, постепенно становится первичной экономической и социально-политической ячейкой общества. Сама социальная регуляция осуществила дрейф из плоскости большой семьи, с её кровнородственными принципами и ярко выраженным патриархальным бытом, в котором главную роль играл домовладыка, в зону ответственности супругов малой семьи, с перспек-

тивной реализации принципа их равенства и всемерной протекции её со стороны государства и церкви.

По мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, Русская Правда породила и тенденцию отмирания брака через похищение невесты или её покупки, дав импульс договорному принципу его заключения. В этом аспекте роль женщины в семье выростала соразмерно объему приданого, а личные и имущественные права женщины в семье стали признаваться супругом и защищаться государством¹⁸².

Примечательно то, что правовой статус мужчин в Древней Руси был крайне чувствителен к эволюции имущественных правоотношений между супругами. Тем не менее Русская Правда не могла четко нормировать многие важнейшие институты, такие как процесс передачи личной собственности супруги в объем семейного имущества, режим совместной собственности супругов, а также её раздел. Однако вполне определенным выступало то, что подавляющая часть движимого имущества семьи принадлежала мужу. В свою очередь, супруга не могла ни претендовать на имущество супруга, ни фактически распоряжаться совместно нажитым имуществом, т. к. основная экономическая роль в семье принадлежала мужчине, а женщина в полной мере могла распоряжаться лишь тем имуществом, которое она привнесла в новую семью в качестве приданого.

Институционально приданое можно рассматривать как такую форму имущества, генезис которой расположен в русле перехода от родоплеменного к классовому обществу. Кроме того, развитие института приданого в основном сигнализирует о тенденции угасания кровнородственных связей в рамках большой семьи, когда, с одной стороны, малая семья еще не доминирует в системе социальных связей, а с другой — брак еще не обладает должной степенью устойчивости и необратимости состояния, каким он наблюдается в обществе с классовой структурой. В качестве имущественных объектов в приданом фигурировали личные вещи женщины, предметы культурно-бытового назначения, а также иное имущество, которое обладало достаточной ценностью, например, драгоценности. Всё это женщина приносила в новую семью, а само приданое становилось залогом достойного существования женщины как в браке, так и после его расторжения или вдовства¹⁸³.

Приданое в целом обладает довольно ранней персонификацией личного имущества, которое существовало в рамках брачно-семейных связей общества переходного типа в границах малой семьи, где правовой статус гендерных групп характеризовался паритетом правового положения мужчин и женщин. Характерно то, что в случае смерти супруги наследовать приданое могло лишь её собственное потомство. Если же женщина была бездетной,

---

¹⁸² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 480—483.

¹⁸³ См.: Щапов Б. Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. — 1970. — № 10. — С. 216—219.

то её приданое возвращалось обратно в семью родителей. Важно то, что ни муж, ни новые члены семьи не могли претендовать на право наследования приданого умершей женщины. Небезынтересно и то, что право частной собственности на недвижимое имущество в Древнерусском государстве не получало должного импульса в тех общностях, где доминировали общинные принципы управления и коллективизма, мешавшие процессу становления классовой системы¹⁸⁴.

Важным положением Русской Правды выступало то, что взаимное алиментирование супругов являлось ключевой позицией, обеспечивающей устойчивость брачно-семейных отношений и реализацию равенства правового положения мужчины и женщины в Древней Руси. Супруги были обязаны заботиться друг о друге в случае болезни одного из них: «Если будет у жены тяжелый недуг, или слепота, или долгая болезнь, то ее нельзя оставить: также и жена не может оставить мужа» (Устав князя Ярослава). Речь в этом случае идет не о запрете на развод, но о долженствовании взаимного содержания супругов. Тем не менее Русская Правда постулировала преимущественное право супруга разрешать важные внутрисемейные вопросы, регулировать взаимоотношения супруги с социумом и определять меру наказания за проступки своих домочадцев в сфере социальных связей домохозяйства.

В Древней Руси развод супругов не приветствовался, но допускался. Тем не менее, прежде чем его оформить, требовалось провести судебное разбирательство с привлечением свидетелей, которые должны были подтвердить его необходимость и достаточность оснований. В качестве общественно одобряемых причин развода фигурировали следующие основания, которые представлялись исчерпывающими: супружеская неверность со стороны женщины; физическая несостоятельность мужчины в браке; смерть одного из супругов. Впоследствии основания для развода стали обладать свойствами большей дифференцированности в аспекте нормирования государственных, церковных и личных выплат виновником развода или его представителем.

Регулирование правоотношений в рамках опеки и наследования также получило необходимый импульс только посредством закрепления в Русской Правде принципов кровного родства и семейственности. Через механизм обычного права и норм Русской Правды регламентируются основные начала наследования в рамках отдельной семьи, иницирующиеся после смерти главы домохозяйства, которая приводила семью к распаду. Согласно нормам Русской Правды, наследовать имущество умершего могли только его дети и внуки. Иными словами, наследование осуществлялось в русле нисходящих ветвей родственников.

Если не брать в расчет тот факт, что уровень нормативности Русской Правды пространной редакции до конца не ясен, как и степень её регулятивного охвата, научный интерес здесь расположен в плоскости норматив-

---

¹⁸⁴ См.: *Грошев С. Н.* Приданое: историко-правовой анализ // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 3. — С. 26—29.

ного инструментария правоотношений, связанных с семейным имуществом. Нормы указанного документа регламентируют процесс солидарного обладания супругами общим имуществом, а также нормируют их имущественные отношения в случае распада семьи. Так, ст.ст. 85—86 пространной Русской Правды закрепляют за домохозяином обязанность обеспечить незамужних дочерей умершего. Кроме того, ст. 87 регулирует правоотношения, возникшие в рамках наследования имущества как при жизни наследодателя, так и после его смерти, когда завещание отсутствует. В ст. 88 нормируется проблематика наследования вдовы, второй жены и детей от первой жены умершего домохозяина. Статья 89 закрепляет долженствование братьев в вопросе финансового обеспечения своих сестер после смерти их отца. В ст. 92—94 фиксируются нормы, регулирующие обязательства матерей перед малолетними детьми и их обеспечение после смерти отца, а также ограничения в сфере наследования имущества и пр.

В целом правовые основы социокультурной среды Древней Руси через призму правового положения гендерных групп неизменно отражались в эволюционном развитии Русской Правды в аспекте сохранения института семьи и её традиционных направлений.

Ведя речь о нормировании правоотношений, связанных с военной службой в Древнерусском государстве и о гендерной спецификации, которую они формировали, стоит отметить, что именно мужчина рассматривался как защитник государства. В то же время женщина не играла особой роли в качестве боевой единицы, т. к. в исследуемый период именно мужские физиологические характеристики выступали главным признаком воина.

Сам факт существования обязанности защищать страну от внешней агрессии накладывал определенный отпечаток на правовое положение мужчин в Древней Руси, тогда как за женщинами аналогичная обязанность не закреплялась, трансформируясь в общее русло традиционных ценностей домашнего очага и репродуктивных функций.

В заключение параграфа стоит подчеркнуть, что правовые основы социокультурной среды Древней Руси через призму правового положения гендерных групп попадали в зависимость от ряда направлений, которые регламентировали брачно-семейные связи, вопросы военной службы и религиозный контекст жизнедеятельности социума. Важным здесь выступает то, что в Древнерусском государстве существенную поддержку от церкви и государства получила малая семья, которая, в отличие от семьи большой, предполагала широкую реализацию принципа гендерного равенства супругов, а также ряд долженствований со стороны главы домохозяйства по имущественному обеспечению представителей женской гендерной группы.

Глава 3.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ЦЕРКОВНОГО И СВЕТСКОГО ПРАВА НА ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС ЛИЦ МУЖСКОГО ПОЛА

§ 1. Сравнительный анализ вселенского канонического права и церковного права Древней Руси в аспекте правового положения мужчин

Актуальность проблематики сравнительного анализа канонического права и древнерусского церковного права расположена в плоскости трансформации правового статуса мужской гендерной группы, т. к. недостаточная эффективность государственной политики Древнерусского государства в сфере правового регулирования, а также необходимость интенсификации нормативного процесса повлияли на значимость клерикально-правового инструментария в области гендерной спецификации. К последним следует отнести и распространение знаний канонического права, богатое морально-правовое наследие которого способствует подъему в обществе уровня самосознания, культуры и нравственности мужчин и женщин, преодолению негативных тенденций правового нигилизма, укреплению социального мира и консолидации древнерусского общества. В свою очередь, применительно к современности игнорирование обществом исторического религиозного фундамента отечественной государственности направляет социум в русло интеллектуальной деградации и морального разложения. В целом же изучение канонического права предоставляет возможность получить не одностороннюю атеистическую концептуальную платформу, но всеобъемлющее, широкое, фундаментальное образование, глубже оценить правовые системы, определять характер и нормы устойчивых взаимосвязей между церковью и государством, а также между различными конфессиями.

Каноническое право в разной степени освещали досоветские правоведы и историки (Е. Е. Голубинский, В. Н. Бенешевич, М. Красножон, А. С. Павлов, Н. С. Суворов и многие другие), современные российские ученые (А. В. Карев, С. А. Комаров, Н. Кулаков, А. П. Лопухин, А. И. Масляев, К. В. Сомов, П. Тиллих, В. А. Томсинов и др). В число отечественных исследователей канонического права входят В. В. Андрейцев, В. И. Андрейцев, Л. Войтович, А. Домановский, В. И. Киянко, В. В. Лазор, Л. И. Лазор, И. Лило, Ю. М. Оборотов, А. Рудаков, С. Сорочан, В. В. Сташис, П. П. Толочко, А. Файда, И. И. Шамшина и др. Они рассматривали процесс возникновения и особенности эволюции канонического права в первом тысячелетии нашей эры на Западе, формирование его источников, обобщенно констатировали

влияние этого регулятивного инструмента на развитие государственности в Древней Руси и выработку уникального цивилизационного кода.

Однако среди трудов вышеозначенных авторов не встречается конкретный сравнительный анализ нормативности источников канонического права, в частности принятых Вселенскими и Поместными соборами правил с церковным Уставом и Уставом князей Владимира и Ярослава. Цель параграфа заключается в попытке сопоставления обозначенных текстов и поиска их нормативного влияния на правовой статус мужчин Древнерусского государства.

Изложение материала логично начать с освещения особенностей возникновения канонического права в Православной церкви и в Древней Руси. Отечественный правовед и историк церковного права А. С. Павлов подчеркивал, что, поскольку русская церковь составляет часть единой восточной православной церкви, её нормативный инструментарий должен изучаться в неразрывной связи с механизмом правового регулирования последней, а для правильного понимания той и другой регуляции необходимо знать, как они образовались¹⁸⁵. Ученый также добавлял, что христианство оказало значительное влияние на правовую жизнь «высококультурного римского народа», а цивилизаторская деятельность церкви по отношению к варварским, германским и славянским народам проявилась в еще более широких объемах и с большей силой¹⁸⁶. А. С. Павлов распределял историю православной церкви исследуемого периода на два этапа: первый — от начала христианства до признания его государственной религией в Римской империи при Константине Великом (306—337 гг.) и второй — от Константина Великого до издания Фотиева Номоканона в конце IX в.¹⁸⁷. Следовательно, этот период охватывает почти тысячелетие. Исследуемый же период истории церковного права Древней Руси не достигает и одного столетия, поскольку после её крещения в 988 г. и принятия Устава князя Владимира максимум в 1015 г. прошло всего 27 лет, а до появления Устава Ярослава Мудрого в 1052—1054 гг. — 66 лет. Второе существенное отличие процесса возникновения канонического права на первом этапе его развития в Римской империи и на протяжении 988—1054 гг. в Древнерусском государстве составляла форма церковных дисциплинарных правил.

В течение первых трех веков нашей эры христианская религия самостоятельно распространялась на территории Римской империи и за её пределами. При этом государство достаточно активно боролось против христианства. Особенно широкие масштабы гонения против церкви приобрели при императорах Нероне (37—68 гг.) и Диоклетиане (284—305 гг.). По приказу первого христиан разыскивали, подвергали длительному тюремному заклю-

---

¹⁸⁵ *Курс церковного права* заслуженного профессора императорского Московского университета А. С. Павлова, читанный в 1900—1902 гг. — СПб.: Лань, 2002. — С. 27.

¹⁸⁶ Там же. С. 28.

¹⁸⁷ Там же. С. 38.

чению, отдавали в цирк на растерзание дикими зверями, распинали на крестах, обливали горячей смолой и сжигали ночью вместо факелов для освещения садов императора. В правление Диоклетиана власти также в течение десятилетия убивали христиан тысячи, стремясь совместить смертную казнь с самыми разнообразными истязаниями¹⁸⁸. В свою очередь, в Древней Руси христианская религия была введена «сверху» одномоментным волевым решением князя Владимира. В качестве нормативного инструментария, призванного урегулировать процесс христианизации, выступил его церковный Устав¹⁸⁹.

Тем не менее в качестве позитивных тенденций в аспекте правового положения мужчин правление императора Нерона могло ознаменоваться отменой смертной казни в армии, а также изменения правил гладиаторских боев в рамках того, чтобы гладиаторы бились не насмерть. Однако гибель Нерона не позволила таким важнейшим новациям воплотиться в жизнь¹⁹⁰. Ведя же речь об императоре Диоклетиане, можно отметить, что его реформы существенно урезали права мужчин в сфере военной службы, т. к. способ комплектования вооруженных сил радикально трансформировался из кластера добровольности в русло обязательности воинской повинности¹⁹¹. В аспекте реформ князя Владимира можно отметить то, что внедрение моногамных брачно-семейных отношений сопровождалось параллельной поддержкой отношений на основе родовых связей в сфере престолонаследия, когда женщины полностью исключались из сферы управления государством на княжеском уровне. Так, по мере взросления своих многочисленных сыновей Владимир назначал их вместо посадников-варягов управлять наиболее важными городами государства, укрепляя таким образом собственную власть, но предопределяя последующую вскоре междоусобицу. В конце жизни Владимир задумал изменить правило престолонаследования по старшинству и поручил руководство великокняжеской дружиной своему любимому сыну — Борису. Вскоре назначенный им на правление в Новгороде сын Ярослав (Мудрый) отказался выплачивать отцу ежегодную дань в 2 тыс. гривен, а старший сын

---

¹⁸⁸ Лазор Л. И. Каноническое право / Л. И. Лазор, В. В. Лазор, И. И. Шамшина. — Луганск: Виртуальная реальность, 2010. — С. 257—258.

¹⁸⁹ См.: *Устав Святого князя Владимира*, крестившего Русскую землю, «О церковных судах» (Оленинская редакция) // История государства и права России: Киевская и Удельная Русь (IX—XV вв.): хрест. / А. Н. Волчанская и др.; под ред. А. М. Багмета. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. — С. 146.

¹⁹⁰ *Оклеветанный Нерон* // «Вокруг света» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1458/> (дата обращения: 11.05.2022).

¹⁹¹ Князькин И. О. Император Диоклетиан и закат Античного мира. — СПб.: Алетейя, 2010. — С. 138—139.

Святополк Окаянный был обвинён отцом в попытке заговора и посажен в темницу¹⁹².

Следующим и органично связанным с Уставом князя Владимира документом выступил Устав князя Ярослава Владимировича. «Статьи (точнее, нормы) Ярославова устава, — отмечал А. С. Павлов, — находятся в прямой связи с уставом Владимира»¹⁹³.

Отличались и особенности возникновения церковных правил на первом этапе развития христианства в Римской империи и в 988—1054 гг. в Древней Руси. А. С. Павлов усматривал первый этап истории источников общецерковного права от начала христианства до признания его государственной религией Римской империи в 313 г. новой эры¹⁹⁴. В это время еще не состоялся ни один из Поместных или Вселенских Соборов и еще не были сформулированы строгие дисциплинарные правила, возникавшие на втором этапе, по выражению А. С. Павлова, в «наиболее блестящий период развития церковного права... период образования общецерковного, или вселенского канонического кодекса»¹⁹⁵. К началу же четвертого века христианские общины управлялись епископами в соответствии с библейскими нормами и апостольскими преданиями, игравшими роль общего и необходимого канона церковной жизни и дисциплины¹⁹⁶.

Стоит отметить, что уже в конце III в. н. э. христианской церкви были повсеместно известны 85 апостольских правил, которые происходили от церковных авторитетов (апостолов), подходили под понятие неписаных законодательных норм и фактически являлись обычаями¹⁹⁷. Отечественные правоведы Л. И. Лазор, В. В. Лазор, И. И. Шамшина видят в христианстве первых трех веков нашей эры лишь «начало развития церковного (канонического) нормотворчества»¹⁹⁸. Что же касается Древнерусского государства, то после его крещения князь Владимир, будучи последовательным государственным деятелем, сразу же осуществил разграничение юрисдикции церковной и княжеской власти. Формальным выражением княжеской воли оказался Устав князя Владимира, в котором ряд отечественных правоведов видит «первый отечественный источник канонического права», в соответствии с которым ре-

---

¹⁹² См.: *Реформы и преобразования великого князя Владимира I Святославича* (Святой | Креститель | Красно Солнышко) [Электронный ресурс]. — URL: <https://xn--80arndfm0a.xn/> (дата обращения: 11.05.2022).

¹⁹³ *Курс церковного права* заслуженного профессора императорского Московского университета А. С. Павлова, читанный в 1900—1902 гг. С. 110—111.

¹⁹⁴ Там же. С. 38.

¹⁹⁵ Там же. С. 43—44.

¹⁹⁶ Там же. С. 38.

¹⁹⁷ См.: *Зинченко Е. В.* Вселенское каноническое право первого тысячелетия и церковное право Киевской Руси XI столетия: сравнительный анализ // *Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого»*. Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. — 2017. — № 33. — С. 57.

¹⁹⁸ *Лазор Л. И.* Указ. соч. С. 259.

гулирование брачно-семейных, наследственных, торговых и некоторых других отношений передавалось в церковную юрисдикцию¹⁹⁹.

На втором этапе развития канонического права апостольские устные предания нашли письменное оформление и подтверждение Поместными и Вселенскими соборами и вошли в число 85-ти в изданный в 883 г. известный под названием «Номоканон в XIV титулах» сборник правил, т. е. изданных церковной законодательной властью письменных определений, которые до наших дней в православной церкви имели силу обязательных для всех верующих. В Номоканон вошли также правила шести Вселенских и десяти Поместных соборов, правила тринадцати святых отцов. Никейский Вселенский собор 325 г. постановил 20 правил, первый Константинопольский 381 г. — 7 правил, Эфесский в 431 г. — 8 правил, Халкидонский 451 г. — 30 правил, Трулльский 691—692 гг. — 102 правила, Никейский второй 787 г. — 22 правила, т. е. итого 189 правил. В целом в работе этих соборов участвовали 1 тыс. 653 епископа и другие святые отцы. Анкирский Поместный собор 314 г. принял 25 правил, Неокесарийский 314—325 гг. — 15 правил, Гангрский 340 г. — 21 правило, Антиохийский 341 г. — 25 правил, Лаодикийский 343 г. — 58 правил, Сердикский 343 г. — 21 правило, Константинопольский 394 г. — 1 правило, Карфагенский 419 г. — 12 правил, Константинопольский 861 г. — 17 правил.

В целом после обретения статуса государственной религии христианская церковь приняла более 740 правил²⁰⁰. Что же касается церковного права Древней Руси XI в., то Устав Владимира содержал 19 статей, а Устав Ярослава — 56 статей, т. е. в целом 75 статей. Однако, если учесть то, что Устав Владимира не содержал дисциплинарных правил, а лишь мотивировал необходимость переноса определенного их числа в церковную юрисдикцию, то 56 статей Устава Ярослава, по сравнению их с указанными выше 740 канонами, составляли менее одного процента от количества норм Восточной церкви IV—IX вв.

До сих пор речь шла в основном о количественных характеристиках объектов сравнительного анализа. Однако сравнение содержания предстает более важным. Вселенские соборы решали в основном догматические вопросы, осуждали различные лжеучения — ереси, которые искажали догматы веры. Семь из этих соборов, от 325 до 787 гг., созывались с целью осуждения арианства (непризнание божественности Иисуса Христа), духоборства (отвержение божественности Святого Духа), христологичности (непризнание Иисуса Христа Богочеловеком), пелагианства (непризнание первородной греховности), монофизитства (непризнание Иисуса Христа человеком), мо-

---

¹⁹⁹ Лазор Л. И. Указ. соч. С. 16.

²⁰⁰ См.: Зинченко Е. В. Указ. соч. С. 58.

нофилитства (признание Иисуса Христа только Богом), иконоборчества (непризнание святости икон)²⁰¹.

Одновременно Вселенские соборы решали вопросы церковного устройства, церковной политики, осуждали стремление церковных иерархов и служителей различных уровней к обогащению, посвящение в церковнослужители за деньги, ростовщичество, откуп, хищение церковного имущества, его присвоение, торговлю напитками и т. п.²⁰². Это обуславливалось тем, что уже в IV в. церковь превратилась в мощный централизованный институт, самую богатую и мощную организацию. Династии священнослужителей стали повседневной практикой. Наблюдалась устойчивая борьба за высшие церковные должности, которые часто покупались. В целом духовенство жило в роскоши, что приводило в замешательство даже высоких придворных сановников²⁰³.

Отдельные из соборов одновременно затрагивали и вопросы брачно-семейного характера. Так, правилом 14-го Халкидонского собора 451 г. разрешалось церковным служителям вступать в брак, но запрещалось брать жену из иноверных, еретичек, иудеек и язычниц. Нарушение правила каралось епитимией. Правило 6-го Трулльского собора 691—692 гг. запрещало вступать в брак иподиаконам, диаконам и пресвитерам после совершения над ними хиротонии, нарушение которой лишало их сана. До хиротонии этим служителям жениться разрешалось. Эти два собора (правилами 27-м, 91-м, 92-м) предусматривали анафему за похищение чужой жены, а также епитимию женщинам за вызывание травмами выкидыша, приравнивая такие действия к убийству. Вместе с тем 3-е правило Трулльского собора квалифицировало как прелюбодеяние вступление в половые отношения с женами воинов и других мужчин, которые долго отсутствовали, до удостоверения в их смерти или до их возвращения. Под это определение попадали и женщины, которые вышли замуж после отбытия их мужей на неопределенный срок.

Дисциплинарные вопросы решались Поместными соборами, которые произошли с 314 по 879 гг. В целом принятые ими правила можно разделить на четыре группы: брачные отношения; пренебрежительное отношение к членам семьи, их оставление; колдовство и язычество; убийство. Анкирский Поместный собор 314 г. 10-м правилом позволял жениться диаконам только до рукоположения и запрещал брак после него²⁰⁴. В соответствии со статьями 1-й и 31-й Лаодикийского Поместного Собора 343 г. верующие могли свободно и законно сочетаться в браке после проведенного в посте

---

²⁰¹ См.: *История Византии*. Вступление в византинистику. — Львов: Априори, 2011. — С. 113—115, 234.

²⁰² См.: *Вселенские соборы* // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 2. Европа V—XVII вв. — М.: Мысль, 1999. — С. 143—149; *Соборы поместные* // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 2. Европа V—XVII вв. — М.: Мысль, 1999. — С. 149—155.

²⁰³ См.: *История Византии*. Вступление в византинистику. С. 50.

²⁰⁴ См.: *Соборы поместные* // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 2. Европа V—XVII вв. — М.: Мысль, 1999. — С. 149—150.

и молитвах недолгого перерыва. При этом запрещался брачный союз с еретиками и еретичками без намерения последних стать христианами. 102-м правилом Карфагенского Поместного собора 419 г. запрещался повторный брак оставленному мужу и покинутой жене, за нарушение чего они наказывались покаянием.

Гангрский Поместный собор 340 г. посредством статей 14, 15 и 16-й предусматривал наказание проклятием за оставление мужа женой, детей отцом и матерью, родителей детьми. Статья 24 Анкирского Поместного Собора 314 г. нормировало покаяние в течение пяти лет и молитвы без приобщения к святым таинствам за занятие колдовством, приглашение к жилищу колдунов и соблюдение языческих обычаев. Принятые собором правила 22-е и 23-е регламентировали наказание верующих за умышленное убийство покаянием до конца жизни, а за непредумышленное убийство — на семь лет. Каноническое право Восточной церкви формировалось в течение 1 тыс. н. э., оказав определяющее влияние на возникновение церковного права Древней Руси в XI в. Об этом свидетельствуют упоминания о переводе Номоканона в XIV титулах на славянские языки в IX—XI вв., письменные памятки, фиксирующие склонность князя Владимира к совещаниям с епископами по вопросам выработки законов для христиан, а во-вторых, его прямое заявление о заключении им Устава на основании греческого Номоканона, который убедил его в необходимости отделения церковного права от права государственного. Последнее повторяется и князем Ярославом в его уставе, который не предусматривал наказаний за нарушение норм христианской морали и поведения, регламентируя лишь два вопроса: установление церковной десятины и определение компетенции церкви по делам христианской общины. По выражению А. С. Павлова, в Уставе Владимира «содержится один только голый перечень подсудных церкви дел и лиц без какого-либо указания на то, в чем собственно должен заключаться суд по этим делам и над этими лицами»²⁰⁵.

В переводе со старославянского языка и толкования терминов А. С. Павловым 9-я статья Устава Владимира передавала в церковную юрисдикцию следующие составы: развод, приданое, изнасилование чужой жены или дочери, драки между супругами, браки между близкими родственниками. В эту же категорию входили также различные виды колдовства: ведьство (знахарство вообще), уродство (приготовление различных колдовских напитков), зелейничество (знание целебных трав), чародеяния (способы приготовления колдовских лекарств), волхвования (то же, что и ведьство), урекания (укоры, наговоры), блядение (болтовня), зелии (привлечение женщин или мужчин с помощью трав), еретичество (колдовство), зубоежа (аморальная драка мужчин с кусаниями и царапанием). Далее упоминалось избиение отца или матери сыном или дочерью, иски детей по поводу наследства, церковная кража, осквернение могилы, разрушение креста, избиение домашней птицы

---

²⁰⁵ *Курс церковного права* заслуженного профессора императорского Московского университета А. С. Павлова, читанный в 1900—1902 гг. С. 111.

или собаки, драка мужчин, повреждения в ней половых органов женой одного из них, языческие моления, убийство девушкой ребенка. А. С. Павлов отмечал по этому поводу, что лишь некоторые из перечисленных объектов церковного правосудия были прямо указаны в греческом Номоканоне и вместе с ним имели место в Библии²⁰⁶. Другие же были внесены в Устав Владимира «по указанию самой народной жизни», которые в то время нередко представляли зафиксированные в Уставе случаи²⁰⁷. В уставе велась речь о его ответственности на всей территории Руси; невозможности князей всех последующих поколений, княжеских судей, бояр, тиунов вмешиваться в церковную юрисдикцию; приводился перечень церковных должностей и церковных людей; предусматривались наказания проклятием и Страшным судом за оскорбление церковного суда.

Таким образом, первый христианский князь Владимир проводил свою законодательную и учредительную деятельность, которая направлялась на установление и укрепление в Древней Руси нового порядка в соответствии с предписаниями христианской религии. Фактически Владимир руководствовался той же идеей, что в свое время и римский император Константин, который, стремясь к созданию единого, сильного государства, «высоко ценил централизаторскую силу церкви и считал ее, наравне с войском, бюрократией и законодательством, мощным фактором создания сильной императорской власти»²⁰⁸.

Устав князя Ярослава также, ссылаясь на греческий Номоканон и находясь в прямой связи с Уставом князя Владимира, во-первых, назначил соответствующие наказания за отнесенные к церковному суду действия, а во-вторых, добавил к ним целый ряд новых, исторически обусловленных статей. Это были статьи об одновременном сожительстве с двумя женами (ст. 13), о соблазнении девушки (ст. 5), о связи женатого мужчины с посторонней женщиной (ст. 6), мирянина с монашкой (ст. 15), о взятии мужем второго брака без правильного развода с женой (ст. 7), о различных видах кровосмешения (статьи 11, 17—20), о принуждении родителями детей к браку (ст. 21), об оскорблении супружеской чести чужой жены бранным словом (ст. 22) и другие с наказаниями за их совершение. Стоит отметить, что А. С. Павлов усматривал в таких преступлениях довольно обычные явления в жизни представителей древнерусского социума, которые не так давно крестились²⁰⁹.

---

²⁰⁶ *Курс церковного права* заслуженного профессора императорского Московского университета А. С. Павлова, читанный в 1900—1902 гг. С. 102—105.

²⁰⁷ *Устав Святого князя Владимира*, крестившего Русскую землю, «О церковных судах» (Оленинская редакция) // *История государства и права России: Киевская и Удельная Русь (IX—XV вв.): хрест.* / А. Н. Волчанская и др.; под ред. А. М. Багмета. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. — С. 146.

²⁰⁸ См.: Лозинский С. Г. *История папства*. — М.: Политиздат, 1986. — С. 24.

²⁰⁹ *Курс церковного права* заслуженного профессора императорского Московского университета А. С. Павлова, читанный в 1900—1902 гг. С. 111.

Предусмотренные Уставом Ярослава нормы можно разделить на три группы:

- 1) преступления против веры и церкви;
- 2) проступки в сфере брачно-семейных отношений;
- 3) нарушения общественной христианской морали.

В первую группу входят: блуд кума с кумой (ст. 13), брата с сестрой (ст. 15), близких родственников (ст. 16), жизнь с двумя женами (ст. 17), половая связь женщины с жидовином или бесерменом (ст. 19), мужчины с бесерменкою или жидовкой (ст. 51), блуд мирянина с монашкой (ст. 20), с животными (ст. 21), свекра со снохой (ст. 22), брата с двумя сестрами (ст. 23), отчима с падчерицей (ст. 24), деверя с ятровкою (ст. 25), сына с мачехой (ст. 26), двух братьев с одной женой (ст. 27), отца с дочерью (ст. 28), блуд монаха, монашки, священника, его жены, просвирней (ст.ст. 44, 45), колдовство жены (ст. 38), пьянство священников, монахов и монашек (ст. 46), употребление запрещенной пищи, пищи и питья с иноверцами и отлученными от церкви (статьи 47, 49, 50), вмешательство священника в другой приход (ст. 48), расстрижение монаха и монашки (ст. 52).

Преступлениями брачно-семейного характера считались: измена мужа жене (ст. 8), измена жены мужу (ст. 10), оставление мужем больной жены и женой больного мужа (ст.ст. 11, 12), незаконный развод (ст. 18), насильственный брак (ст. 29). В то же время источник фиксировал основания для развода: непослушание жены, её прелюбодеяние, покушение на жизнь мужа, пьянство, участие в игрищах, обкрадывание мужа (ст. 53).

Обширнее был перечень преступлений против общественной христианской морали: похищение девушки (ст. 2), изнасилование боярской дочери (ст. 3), прелюбодеяние с женой боярина (ст. 4), беременность девушки, жены от другого мужчины, девушки от боярина (статьи 5, 6, 7), брак без развода (ст.ст. 9, 10), кражи (ст.ст. 32, 33, 34, 36, 37), оскорбление словами чужой жены и мужа, стрижкой головы или бороды (статьи 30, 31), посрамление засватанной девушки отказом жениться (ст. 35), позорная драка мужчин (ст. 39), избиение мужа женой и жены мужем, сыном родителей (ст.ст. 40, 42, 43), драка двух женщин (ст. 41). В целом устав предусматривал наказание по 29 составам в виде штрафов, 8 составов предусматривали в качестве наказаний епитимью, 3 — отлучение от церкви и 8 — суд князя.

Примечательно то, что в вышеуказанные составы не попали ни женские, ни мужские гомосексуальные связи.

Содержанием многочисленных норм уставов отличались от норм Номоканона. В частности, в них не рассматривались нарушения канонов церковными иерархами, но регламентировались вопросы конкретного поведения мирян, которые только что перешли из язычества в христианство и не жили в условиях развитой гражданско-правовой регуляции. По этому поводу А. С. Павлов отмечал, что греческие церковные каноны приобрели новые

своеобразные определения под влиянием народной жизни Древнерусского государства и добавили к ним массу полезных новаций²¹⁰.

Таким образом, введение церковного права в Древней Руси произошло с целью создания сильного централизованного государства с помощью канонов византийской церкви. Однако этому процессу и сущности русских канонов были свойственны определенные различия. В Восточной церкви каноническое право формировалось на протяжении почти тысячелетия, состояло оно из разных источников, формируясь «снизу», посредством задействования достаточно многочисленных коллективов на многих Вселенских и Поместных соборах, а также отдельными святыми отцами, и издавалось сборниками. В свою очередь, в Древней Руси XI в. церковное право возникло «сверху», почти одномоментным изданием двумя князьями уставов, в которых содержалось достаточно четкое определение пределов церковной юрисдикции. Церковь сразу же после введения христианства в Древней Руси была признана важнейшим институтом. Подобный процесс в Римской империи имел место лишь на четвертом веке её существования. В отличие от предусмотренных Номоканонем наказаний церковных иерархов анафемой, отлучением, лишением сана за многочисленные преступления, в уставах вообще отсутствуют подобные нормы, а также наказания проклятием. Последние содержат значительно более мягкие санкции и предусматривают многочисленные штрафы, соразмерные степени общественной опасности деяния. Наряду с противодействием преступлениям против веры и церкви, особенно отмечается борьба за нравственность брачно-семейных отношений и соблюдение правил общественной христианской морали. Уставы не касались догматических вопросов, а предусмотренные ими преступления и наказания за их совершение отличаются большей детализацией и отражением широкого круга обстоятельств. Именно через этот инструментарий церковь оказывала влияние на правоотношения в Древней Руси, сформировав собственное русское каноническое право, что проявлялось в специфичности русской церкви и её отличии от греческой в своем понимании гражданского общества и государственности, закладывая основания для дальнейшего самобытного общественного развития. В целом же восприятие Русью христианства означало рецепцию новой — византийской — идеи права, которая коренным образом запустила процесс модернизации всех аспектов жизни государства и общества — политический, правовой, духовный, культурный и т. п.

В заключение параграфа необходимо отметить, что сравнительный анализ вселенского канонического права и церковного права Древнерусского государства в аспекте правового положения мужчин характеризуется длительной эволюцией канонического права в русле патриархальной традиции мужского доминирования в общественной и политической жизни. В другой стороны, церковное право Древней Руси сформировалось в крайне короткий

---

²¹⁰ *Курс церковного права* заслуженного профессора императорского Московского университета А. С. Павлова, читанный в 1900—1902 гг. С. 99.

период в рамках внедрения новых христианских правил на базе языческого патриархального правосознания. В этой связи правовой статус мужчин в Древнерусском государстве обладал существенной амбивалентностью, т. к. новые христианские нормы предусматривали большее равенство мужчин и женщин в общественных, семейных и политических отношениях. Характер церковного протекционизма в отношении женской гендерной группы стал преобладающим направлением становления новой регулятивной парадигмы в Древней Руси. Тем не менее вести речь о полноправии мужчин и женщин в древнерусской семье нельзя, по причине того, что мужчина имел право на применение бытового насилия в отношении своей супруги, параллельно обладая некоторыми имущественными долженствованиями в аспекте субъективных прав домочадцев.

§ 2. Специфика правового статуса мужчин в Древнерусском государстве

При анализе правового положения мужчин в Древней Руси в IX—XI вв. стоит отметить, что на объем прав и обязанностей мужской гендерной группы существенным образом повлияли следующие обстоятельства: формирование государственных структур; зарождение феодальных институтов; христианизация страны. Первоначально государство в лице князя опиралось на правовое регулирование, основанное на нормах обычного права, не меняя кардинально объем прав и обязанностей мужчин. Традиционализм в сфере социальных связей на Руси IX—XI вв. выступал непоколебимой основой построения крепкой государственности, в которой так нуждалась публичная власть.

Правовое регулирование, базирующееся на консервативной идее в аспекте изменения статусов гендерных групп, выступало также и стабилизирующим механизмом в древнерусском обществе. Мало того, если и наблюдалось некоторое колебание в сфере правового статуса мужчин, то оно было вызвано сугубо интересом правящих классов, а не заботой о соблюдении прав человека. Примечательно то, что обычное право крестьянских общин просуществовало преимущественно без изменений вплоть до середины XIX столетия.

Ведя речь о факторе христианизации и его влиянии на трансформацию правового статуса мужчин, можно отметить, что именно христианская церковь существенно урезала объем мужских прав в сфере брачно-семейного уклада. Параллельно христианский культ безапелляционно нормировал второстепенность женщины в семье и безоговорочное доминирование мужчины в брачно-семейных отношениях. Однако аспект привития уважения и почи-

тания женщины вывел её с позиций объекта вещного права, поставив в ряд субъектов семейных правоотношений. Так же христианская религия предусматривала почитание Богородицы, что сыграло важную роль в запрете на произвол мужчины во взаимоотношениях со своей супругой²¹¹.

Кроме особенностей религиозного христианского культа, определенные правила христианского поведения резко осуждали мужчин, ведущих разгульный образ жизни, плохо заботящихся о своей семье, а также уличённых в промискуитете. С введением христианства в Древней Руси вводились серьезные рамки мужского поведенческого паттерна, которые определяли статус мужчины как главы семьи через призму обязанности материально содержать свою супругу и оказывать ей морально-нравственные знаки внимания. Мало того, насилие мужа над женой резко осуждалось церковью, даже когда мужчина наносил побои своей супруге на территории своего домовладения. В этом аспекте можно увидеть серьезную трансформацию мужского права в аспекте императивности во взаимоотношениях со своими домочадцами, которыми мужчина как глава семьи в языческий период управлял на основе ярко выраженного произвола и отсутствия правовых и моральных ограничений. Помимо этого, под влиянием христианской церкви светское законодательство ввело суровые санкции за изнасилование женщин²¹².

Правовой статус мужчин в сфере института многоженства с введением христианства также был существенно поколеблен. Церковь также раскритиковала и практику содержания наложниц, которых держали у себя состоятельные домовладыки из имущих социальных слоев. Если учесть, что даже «креститель Руси» князь Владимир обладал огромным «гаремом», в котором насчитывалось пять жен и восемьсот наложниц, то трансформация правового положения мужчин в Древней Руси была осуществлена кардинально. Церковный запрет официального и неофициального промискуитета затронул и права несовершеннолетних. Так, появление института незаконнорожденных детей во многом осложнило сферу социальных взаимоотношений, табуировав ряд привычных поведенческих актов в мужской среде.

В целом можно констатировать факт серьезного влияния христианской церкви на правовой статус мужчин через аспект запрета произвола в отношении членов семьи, серьезного урона идее «отцовского» права и введения нового спектра обязанностей в отношении супруги. С другой стороны, сам факт нормирования церковью семейного быта определил женщине подчиненное положение, параллельно смягчив жесткую дохристианскую парадигму правового регулирования в отношении женской гендерной группы. Резкой критике со стороны государства и церкви подвергались и пережитки языческих

---

²¹¹ См.: *Дмитриев Д. В.* Культ Богородицы в народной русской культуре // Вестник РХГА. — 2015. — № 1. — С. 251—255.

²¹² См.: *Ярмонова Е. Н.* Правовое положение женщин на Руси с IX по XV век: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ставрополь: Ставроп. гос. ун-т, 2004. — С. 7.

традиций, связанные с многоженством, похищением невесты, а также умерщвлением молодых девушек в ритуальных целях.

Огромное влияние на смену парадигмы развития правового положения мужчин в Древней Руси оказали тесные сношения Руси с Византией. Стабильная поэтапная рецепция римского права и имплементация передового на тот момент правового регулирования коренным образом изменили взгляд правоприменителя на статус мужчины как главы семьи и подданного. Нормативный инструментарий, основанный на принципах римского права, осуществил масштабное вторжение в те сферы социальных связей, которые ранее ускользали от внимания государства, а идея доминирования обязанностей субъекта над его правами существенно урезала диспозитивные моменты правового статуса мужской гендерной группы во многих сферах общественной жизни. В связи с этим мужчина, как глава семьи, подданный и защитник государства, наделялся существенным долженствованием, на фоне которого обычный для указанного периода юридический перекося в сторону увеличения прав мужчин терял свою привлекательность.

Процессуальное законодательство Древней Руси указанного периода также демонстрирует тот факт, что мужская гендерная группа намного чаще выступает в роли активного субъекта судебного процесса, что показывает высокую степень наложенной на мужчин ответственности, которая также соответствует духу эпохи, когда правовое регулирование основывалось на физиологических характеристиках субъекта правоотношений.

Правовое регулирование в Древней Руси IX—XI вв. характеризуется признанием принципа равных компенсационных принципов в сфере преступных посягательств в аспекте гендерных групп. В частности, ст. 12 Русской Правды гласит: «А за ремесвеника и за ремесвеницу, то 12 гривен». Данным установлением закреплялся принцип гендерного равенства в сфере юридической ответственности. Тем не менее из указанного правила можно вычлени́ть и исключения, которые затрагивали привилегированность женщины в аспекте юридической ответственности, т. к. в некоторых случаях Русская Правда охраняла право женщины на жизнь существенней, чем право на жизнь мужчины. В частности, за убитого свободного землепашца мужчину или мужчину из категории зависимого населения предполагался штраф в пять гривен. В то же время за убитую женщину из социальной категории зависимого населения штраф составлял шесть гривен, а если убитая женщина была рабой-кормилицей, то штраф увеличивался вдвое (ст. ст. 25—27 краткой редакции Русской Правды по академическому списку)²¹³.

Можно предположить, что в указанный период в Древней Руси истокoм всех трансформаций правового положения гендерных групп выступал интерес публичной власти в лице князя, в том числе дрейф диспозитивности

---

²¹³ *Законодательство Древней Руси* / отв. ред. чл.-корр. АН СССР, д-р ист. наук проф. В. Л. Янин. В 9 т. Т. 1. — М.: Юрид. лит., 1984. — С. 47—49.

правового статуса мужчин в сферу императивности их поведения, а также нормативного внедрения имущественной дискриминации для женской гендерной группы. Так, в ст. 90 Русской Правды отражается следующее: «Аже смердь умереть, то задницу князю; аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будуть за мужем, то не даяти части им»²¹⁴. Всё это нормирует ситуацию, при которой в случае смерти домохозяина, не имеющего сыновей, его земельный участок становится собственностью князя, притом что дочери умершего наследуют лишь часть наследства, да и то лишь в случае, если они не были замужем. В то же время ст. 91 Русской Правды нормирует следующее положение: «Аже в боярехъ любо в дружине, то за князя задница не вдеть, но оже не будеть сыновъ, а дщери возмутъ»²¹⁵, закрепляя право дочерей знатного человека наследовать имущество умершего отца без всяких ограничений.

Названные выше противоречивые моменты в правовом регулировании Древней Руси исследуемого периода можно объяснить, прежде всего, особым статусом крестьянской общины и обязанностями домохозяев, в ней состоящих. Мало того, обязанным субъектом в сложных взаимоотношениях крестьянской общины и государства мог выступать исключительно мужчина, как и наследовать земельные наделы. В семьях же знатных подданных подобной связи между имущественными правами и обязанностями перед государством не существовало, в связи с чем отсутствовала и имущественная дискриминация по гендерному признаку.

В целях хронологической детерминации существования Древнерусского государства можно исходить из того, что его периодизация находится в рамках IX—XII вв. Параллельно началом формирования древнерусского брачно-семейного права будет уместно полагать этап масштабной имплементации традиций и обычаев, применявшихся в аспекте регулирования отношений сферы семьи и брака²¹⁶. Примечательно, что регулирование указанных социальных связей во многом находилось под влиянием дохристианского уклада общественных отношений в Древней Руси. Мало того, «языческая» регуляция успешно транслировала свои специфические свойства в брачно-семейное право Киевской Руси, оказав существенное влияние на правовое положение мужской гендерной группы. В этом аспекте формы и процедуры заключения дохристианских браков в древнерусском социуме способны продемонстрировать эволюцию брачно-семейного положения мужчин, как ключевых субъектов правоотношений, существовавших в исследуемый период.

---

²¹⁴ *Правда Русская*. В 2 т. Т. 1. Тексты. — М.: Изд-во АН СССР, 1940. — С. 132.

²¹⁵ *Памятники русского права*. Вып. I. Памятники права Киевского государства / сост. А. А. Зимин. — М.: Госюриздат, 1952. — С. 118.

²¹⁶ *Повесть временных лет*. По Лаврентьевскому списку. Ч. 1 / под. ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — С. 13—14.

Характерно то, что в период доминирования обычного права и преимущественно партикулярного регулирования общественных отношений у мужчин древнерусского социума наличествовало несколько способов приобретения супруги: посредством похищения, с помощью договора купли-продажи и через вхождение в договорной брак.

Стоит отметить, что большая часть обрядовых элементов, сопровождавших процедуру бракосочетания, к IX столетию уже утратила свой сакральный смысл, перейдя в плоскость фольклорного традиционализма. Однако даже утверждение христианства не помешало пролонгировать дохристианскую обрядовую составляющую в брачно-семейной сфере.

Если принимать во внимание свидетельства Нестора, то можно впасть в заблуждение по поводу фиксации христианским историком отсутствия брачных уз у славян как социального феномена²¹⁷. Тем не менее вдумчивому исследователю сложно согласиться с таким посылом, учитывая непреодолимый антагонизм языческих и христианских верований, а, следовательно, и некой тенденциозности Нестора по исследуемой проблематике. Стоит учитывать и то, что с христианской точки зрения утилитарность языческой брачно-семейной традиции граничила с полным отрицанием самого юридического факта существования брачно-семейных отношений²¹⁸. В то же время, если учитывать мнение К. А. Неволина, можно прийти к выводу о качественно-институциональной преемственности древнерусского брачно-семейного нормативного материала нормам церковного и светского законодательства Византии²¹⁹. В частности, именно византийское законодательство повлияло на объем прав мужчины в сфере распоряжения жизнью и здоровьем супруги. С другой стороны, масштабное влияние византийского законодательства на древнерусское брачно-семейное право в сфере взаимоотношений, связанных с детьми, не наблюдается. Здесь указанный автор утверждает о существовании в древнерусском социуме принципа равной власти супругов над своим потомством, которую впоследствии церковь существенно ограничила в аспекте распоряжения их жизнью и имуществом. Вместе с тем в той же степени спорными выступают положения К. А. Неволина по вопросу рецепции византийского права древнерусским правовым регулированием, в какой положительно воспринимается мнение историка

---

²¹⁷ *Повесть временных лет*. По Лаврентьевскому списку. Ч. 1. С. 15.

²¹⁸ *Самоквасов Д. Я.* Древнее русское право. Лекции 1902—1903 академического года / Д. Я. Самоквасов. — М.: Унив. тип., 1903. — С. 170—171.

²¹⁹ *Неволин К. А.* Полное собрание сочинений. Энциклопедия законоведения: Вторая половина особенной части. Т. 2 / соч. К. А. Неволина. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1857. — С. 458.

о специфической национальной особенностью русского принципа раздельности имущества супругов²²⁰.

Если вести речь о доминантных брачно-семейных традициях дохристианской Руси, то М. Ф. Владимирский-Буданов отдает пальму первенства похищению невесты. Указанная форма заключения брака, как указывает ученый, инициировала трансформацию родовых конфликтов в институт выплаты похитителем вознаграждения родственникам похищенной, тем самым спровоцировав эволюцию указанного способа в формальную продажу невесты²²¹. Существование указанного способа заключения брака в древнерусском социуме подтверждает и фольклорная составляющая народа, где жених представлен в образе купца, а невеста выступает в качестве товара. Кроме того, историк обосновывает алгоритм эволюции вещных отношений между супругами, которые коррелируются с тремя формами брака. Первая форма брака — похищение невесты — была сопряжена с полным правом мужчины распоряжаться имуществом супруги. Вторая форма брака — приведение невесты — соответствовала принципу равных прав супругов на имущество, а также индивидуальных прав женщины на личные вещи. Третья форма брака — договорная, по мнению историка, получила распространение уже в христианский период и констатировала формирование принципа раздельности имущества супругов²²².

Не составит труда отметить эволюцию правового статуса мужчин в сфере брачно-семейных отношений в направлении сужения объема личных прав на семейное имущество и влияние христианства на правовой статус женщины в сторону его улучшения. Примечательно то, что историк отвергает тезис о бытовавшей в дохристианский период полной власти мужа над женой, признавая лишь некоторую зависимость женщины от супруга. В аспекте же родительских прав М. Ф. Владимирский-Буданов стоит на позициях существования пожизненной родительской власти над детьми.

В вопросе такой формы брака, как покупка невесты, принято полагать, что её формированию способствовал развитый институт многоженства, который провоцировал нехватку невест внутри своей древнерусской общины²²³. В этой связи стоит отметить, что объем правомочий мужчины в сфере брачно-семейных отношений был максимальным именно при покупке невесты.

В свою очередь, А. А. Савельев отвергал идею существования в дохристианский период договорной формы брака, признавая лишь похищение

---

²²⁰ *Неволин К. А.* Полное собрание сочинений. История российских гражданских законов. Ч. 1: введение. Кн. 1: О союзах семейственных. Т. 3 / соч. К. А. Неволина. — СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857. — С. 87.

²²¹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. — Киев: Изд-е книжн. магазина Н. Я. Оглоблина, 1915. — С. 413—414.

²²² Там же. С. 448—451.

²²³ См.: *Ключевский В. О.* Сочинения: в 8 т. Т. 1: Курс русской истории, ч. 1 / В. О. Ключевский. — М.: Госполитиздат, 1956. — С. 121.

и покупку невесты²²⁴, параллельно присоединяясь к мнению К. А. Неволина о специфике древнерусских брачно-семейных отношений в аспекте существования принципа раздельности имущества супругов²²⁵.

В русле исследуемой проблемы небезынтересен взгляд Д. Я. Самоквасова на проблематику способов заключения брака в дохристианской Руси. Ученый к трем озвученным способам присовокупляет еще и такую форму брака, как пленение невесты, и полагает, что правовое положение женщины в договорном браке было существенно выше, т. к. институт приданого, который и выступал стержнем брачного договора, давал ей возможность свободно осуществлять свое право собственности над личным имуществом, параллельно с правом расторгнуть брак по своему желанию²²⁶. Иными словами, именно договорной брак инициировал принцип равноправия брачно-семейных статусов мужчин и женщин, делая невозможным со стороны мужчины выходить за рамки правового поля во взаимоотношениях со своей супругой и, следовательно, со своим потомством от указанной женщины.

В аспекте гендерной спецификации в Древней Руси интерес представляет и институт кровной мести. Так, кровная месть в Древнерусском государстве, как социально-правовой феномен, имела место в такой общественно-политической ситуации, когда государственный механизм еще не получил полноценного развития, а публичная власть была не способна обеспечить должное состояние правопорядка и общественной безопасности. Иными словами, кровная месть имела нормативное закрепление в тот период, когда государство еще не обладало монопольным правом применять агрессивное насилие. Такая ситуация обычно наблюдается в процессе зарождения государственности либо на современном этапе в тех странах, которые в правовом регулировании отражают идею традиционализма в сфере государственного управления. Стоит отметить, что правовые системы, в которых кровная месть допускается, нельзя считать передовыми и демократическими.

Внешне обычай кровной мести мог выражаться, например, в обязанности кровных родственников убитого отомстить за смерть близкого человека либо осуществить месть за менее тяжкие преступления, такие как причинение вреда здоровью или кража невесты²²⁷. Часто обязанность осуществить кару падала не только на биологических родственников потерпевшего, но и на весь его клан, тейп, род или общину. Примечательно, что сам по себе институт кровной мести был известен уже в период родоплеменных отноше-

---

²²⁴ Савельев А. А. Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа / А. Савельев. — Новгород: Тип. Н. Ройского и Д. Душина, 1881. — С. 6—12.

²²⁵ Там же. С. 19—20.

²²⁶ Самоквасов Д. Я. Древнее русское право. Лекции 1902—1903 академического года. С. 169—174.

²²⁷ См.: Малиновский И. А. Кровная месть и смертные казни. — Томск: Типо-литогр. Сиб. т-ва печати, 1908. — С. 30—31.

ний и был достаточно эффективным социальным регулятором, который можно назвать одним из древнейших социальных институтов²²⁸.

Кровная месть в древнерусском правовом регулировании обладала институциональной сущностью, коррелирующей с принципом талиона, который был лапидарно сформулирован в ветхозаветной религиозной традиции: «око за око, зуб за зуб». Мало того, характерными свойствами кровной мести в Древней Руси, как правосстановительного и правоприменительного механизма, выступали, во-первых, императивный характер обязательств семьи потерпевшего осуществить месть и, во-вторых, распространение кары за совершённое деяние на всех родственников преступника и даже просто близких ему людей. Другими словами, понести ответственность за преступное деяние мог не только сам преступник, но весь круг его кровных родственников и даже соседей²²⁹.

В древнерусском социуме институт кровной мести впервые юридически зафиксирован в русско-византийском соглашении 912 г., где были достаточно конкретно отражены основные принципы его реализации, предусматривающие как личную, так и имущественную ответственность преступника. Примечательно, что принцип материальной ответственности предусматривал и обеспечение вещных прав для супруги преступника, которая сохраняла свои права на выделенную по закону долю семейного имущества²³⁰.

Обычаи славян, трансформировавшись в текст Русской Правды, также предусматривали институт кровной мести. Так, в ст. 1 пространной редакции Русской Правды нормировалась кровная месть, которая транслировала на сына обязанность отомстить за смерть отца, а за гибель брата обязанность осуществления мести за брата и т. д. Причем указанная норма однозначно распространяла обязанность осуществления кровной мести на мужскую гендерную группу, не упоминая женщин ни в статусе субъектов преступления, ни в качестве лиц, обязанных мстить. Параллельно с долженствованием осуществления кровной мести фигурировала и возможность получить денежную сатисфакцию потерпевшим или его родственниками²³¹. Тем не менее такая внешняя диспозитивность и возможность выбора способа правовостановления в рамках института кровной мести могла быть реализована лишь в тех случаях, когда государственные органы могли указанный процесс санкционировать, а в Древней Руси не всегда такое происходило в связи с примитив-

---

²²⁸ См.: *Мальцев Г. В.* Месть и возмездие в древнем праве. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. — С. 140.

²²⁹ См.: *Викторский С. И.* История смертной казни в России и современное ее состояние. — М.: Тип. имп. Моск. ун-та, 1912. — С. 2.

²³⁰ См.: *Хрестоматия по истории отечественного государства и права* (X век — 1917 год) / Сост. д-р юрид. наук, проф. В. А. Томсинов. — М.: Изд-во «Зерцало», 2000. — С. 4—5.

²³¹ См.: там же. С. 10.

ностью государственных структур периода существования Древнерусского государства.

В свою очередь, М. М. Михайлов утверждает, что трансформация кровной мести из утилитарного обычая в правовую норму императивного характера проистекает из факта её закрепления в Русской Правде²³². В этой связи стоит отметить, что кровную месть необходимо отнести к разряду нормативного долженствования, адресованного мужской гендерной группе. Так, если в период бытийности института кровной мести в нормах обычного права можно отметить ярко выраженную карательную направленность в виде морально-нравственной санкции для лица, не выполнившего обязанность отомстить обидчику своего рода, то во времена законодательной фиксации кровной мести можно констатировать государственное нормирование указанной обязанности.

Стоит отметить, что ни один из исследователей не рассматривал проблематику института кровной мести через призму обязанностей, которыми обременялась мужская гендерная группа. Однако именно такая дискриминационная составляющая правовых норм, связанных с регламентацией кровной мести, ярко демонстрирует то, что патриархальный уклад социальных связей древнерусского общества, наделяя мужскую гендерную группу спектром прав, существенным образом обременял правовое положение мужчин различного рода долженствованиями. В результате мужская гендерная группа испытывала не только различные тяготы, но и обязанности, выполнение которых было сопряжено с рисками, опасными для жизни и здоровья.

Несомненно, период зарождения древнерусской государственности наиболее ярко демонстрирует физиологическую направленность правового регулирования в Древней Руси, которая зиждилась на биологических свойствах субъекта правоотношений. Вся характеристика правового положения субъектов древнерусского общества, а также спектр их прав и обязанностей в древнейшие периоды развития русского права были поставлены в зависимость от качеств человеческого организма, его мускульной силы, половой принадлежности, психологических характеристик личности и т. п. Мало того, анализ древнейших памятников русского права демонстрирует тенденцию законодателя дискриминировать женщин, однако даже в этом аспекте можно усмотреть и признаки принципа положительной дискриминации, когда женщина, не обладая правами, не несла и бремени сопряжённых с ними обязанностей.

В заключение параграфа стоит признать, что анализ древнерусского нормативного материала демонстрирует в IX—XI вв. тенденцию выравнивания правового статуса гендерных групп и увеличение объема обязанностей мужчин, инициированных внедрением христианского культа и укреплением

---

²³² Михайлов М. М. История русского права. — СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. — С. 74.

государственности. Вместе с тем можно отметить сущностно-институциональную зависимость объема прав мужчины дохристианской Руси в случае заключения брака, сопряжённого с похищением либо покупкой невесты. Договорная же форма брака существенно ограничивала объем мужских прав в сфере брачно-семейных отношений, но именно она получила сильнейший импульс в Древнерусском государстве после укоренения христианства. Кроме того, институт кровной мести в Древней Руси можно рассматривать не только как правовостановительный и правоприменительный инструмент, функционирующий в период зарождения древнерусской государственности, когда публичная власть не обладала полной монополией на применение агрессивного насилия, но и как императивную обязанность мужской гендерной группы древнерусского социума нести на себе бремя правоприменителя, которое нередко было сопряжено с опасностями для жизни и здоровья. Кроме того, можно отметить положительную динамику в появлении диспозитивных принципов в реализации института кровной мести после нормативной фиксации указанной нормы в Русской Правде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключительной части настоящей монографии, посвященной особенностям содержания правового статуса мужчин в древнерусском праве, необходимо сделать ряд выводов и обобщений:

1. Особенности культовых верований восточных славян и их отображение в гендерной спецификации социального регулирования отображалось через призму экономическо-хозяйственной и государственно-политической функции восточнославянского социума. Первоначальное равноправие гендерных групп, базировавшееся на значимости ведения домашнего хозяйства и женского труда в целом, сменилось новой парадигмой развития внутриобщинных связей, где на первом месте выступил мужской труд, связанный с военными походами, опасным купеческим ремеслом, а также хозяйственная деятельность, сопряжённая с применением грубой силы. Постепенное табуирование женской гендерной спецификации, сопряжённой с сексуальностью и продолжением рода, подменялось постулированием значимости мужского начала в сфере семьи и брака, что, в конечном счете, проявилось в восточнославянском языческом пантеоне.

2. Конвергенция языческого мирозерцания и христианской религии византийского толка существенным образом повлияло на уникальное состояние мистико-культовых воззрений восточных славян и социокультурную среду Древнерусского государства. В аспекте гендерных флуктуаций социального регулирования в Древней Руси долгая борьба язычества с христианством изменили правовой статус мужчины в сфере брачно-семейных отношений, изжив многие аспекты доминирования мужчины. Кроме того, протекционизм христианской церкви выразился в запрете многоженства, которое имело место в элитарной среде древнерусского общества, и нивелировании абсолютного права домовладыки над своими домочадцами.

3. Переосмысление дохристианских знаний, а также новой христианской традиции сказалось на массовом правосознании древнерусского социума, который стал рассматривать нового христианского Бога в образе вселенской правды. Всё это привело к появлению специфической разновидности христианского учения — русского православия, которое в конечном итоге стало ядром менталитета государствообразующего народа Российского государства. В аспекте гендерных спецификаций такая тенденция повлияла на статус женской и мужской групп, когда восточная традиция была смешана с европейской, сохранив определенный паритет правового статуса гендерных групп, с некоторым преобладанием мужчин в семье и обществе, с параллельной консервацией феномена уважения к женщине и допустимости её участия в политической жизни и общественных делах.

4. Правовые основы социокультурной среды Древней Руси через призму правового положения гендерных групп попадали в зависимость от ряда направлений, которые регламентировали брачно-семейные связи, вопросы

военной службы и религиозный контекст жизнедеятельности социума. Важным здесь выступает то, что в Древнерусском государстве существенную поддержку от церкви и государства получила малая семья, которая, в отличие от семьи большой, предполагала широкую реализацию принципа гендерного равенства супругов, а также ряд долженствований со стороны главы домохозяйства по имущественному обеспечению представителей женской гендерной группы.

5. Сравнительный анализ вселенского канонического права и церковного права Древнерусского государства в аспекте правового положения мужчин характеризуется длительной эволюцией канонического права в русле патриархальной традиции мужского доминирования в общественной и политической жизни. С другой стороны, церковное право Древней Руси сформировалось в крайне короткий период в рамках внедрения новых христианских правил на базе языческого патриархального правосознания. В этой связи правовой статус мужчин в Древнерусском государстве обладал существенной амбивалентностью, т. к. новые христианские нормы предусматривали большее равенство мужчин и женщин в общественных, семейных и политических отношениях. Характер церковного протекционизма в отношении женской гендерной группы стал преобладающим направлением становления новой регулятивной парадигмы в Древней Руси. Тем не менее вести речь о равноправии мужчин и женщин в древнерусской семье нельзя, по причине того, что мужчина имел право на применение бытового насилия в отношении своей супруги, параллельно обладая некоторыми имущественными долженствованиями в аспекте субъективных прав домочадцев.

6. Анализ древнерусского нормативного материала демонстрирует в IX—XI вв. тенденцию выравнивания правового статуса гендерных групп и увеличение объема обязанностей мужчин, инициированных внедрением христианского культа и укреплением государственности. Вместе с тем можно отметить сущностно-институциональную зависимость объема прав мужчины дохристианской Руси в случае заключения брака, сопряжённого с похищением либо покупкой невесты. Договорная же форма брака существенно ограничивала объем мужских прав в сфере брачно-семейных отношений, но именно она получила сильнейший импульс в Древнерусском государстве после укоренения христианства. Кроме того, институт кровной мести в Древней Руси можно рассматривать не только как правовостановительный и правоприменительный инструмент, функционирующий в период зарождения древнерусской государственности, когда публичная власть не обладала полной монополией на применение агрессивного насилия, но и как императивную обязанность мужской гендерной группы древнерусского социума нести на себе бремя правоприменителя, которое нередко было сопряжено с опасностями для жизни и здоровья. Помимо этого, можно отметить положительную динамику в появлении диспозитивных принципов в реализации института кровной мести после нормативной фиксации указанной нормы в Русской Правде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Монографии и книги

1. Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. — Москва: Наука, 1961. — 271 с. — Текст: непосредственный.

2. Акимов В. В. Библейская Книга Екклесиаста и литературные памятники Древнего Египта. — Минск: Ковчег, 2012. — 454 с. — Текст: непосредственный.

3. Алаев Л. Б. История Востока с древнейших времен до начала XX века / Л. Б. Алаев. — Москва: Ленанд, 2019. — 368 с. — Текст: непосредственный.

4. Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. — Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1914. — 386 с. — Текст: непосредственный.

5. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV—XVII вв. / Сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюров. — Москва: Педагогика, 1985. — 363 с. — Текст: непосредственный.

6. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 2. Европа V—XVII вв. — Москва: Мысль, 1999. — 829 с. — Текст: непосредственный.

7. Астафьева Л. А. Сюжет и стиль русских былин. — Москва: Наследие: Наука, 1993. — 255 с. — Текст: непосредственный.

8. Баглай В. Е. Традиционные общества Древней Западной Мексики: история, археология, этнография тарасков: монография / В. Е. Баглай. — Санкт-Петербург: Планета Музыки, 2017. — 616 с. — Текст: непосредственный.

9. Баранкова Г. С. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского / Г. С. Баранкова, В. В. Мильков. — Текст: непосредственный // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. II. — Санкт-Петербург: «Алетейя», 2001. — 972 с.

10. Беляев В. А. Методологическое пространство европейской философии: Между первым и вторым просвещениями. (С критическим анализом выдающегося труда В. Виндельбанда «История древней философии») / В. А. Беляев. — Москва: Ленанд, 2019. — 480 с. — Текст: непосредственный.

11. Бердяев Н. А. Русский соблазн / Н. А. Бердяев. — Текст: непосредственный // Философия творчества, культуры и искусства: в 2. т. Т. 2. — Москва: Искусство, 1994. — 510 с.

12. Бланки Ж. А. История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени: с древнейших времен до XVIII века. Пер. с фр. / Ж. А. Бланки. — Москва: КД «Либроком», 2012. — 400 с. — Текст: непосредственный.

13. Бланки Ж. А. История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени: от XVIII до первой трети XIX века. Пер. с фр. / Ж. А. Бланки. — Москва: КД «Либроком», 2012. — 432 с. — Текст: непосредственный.
14. Бланки Ж. А. История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени. Т. 2. От XVIII до первой трети XIX в. / Ж. А. Бланки. — Москва: КД «Либроком», 2012. — 432 с. — Текст: непосредственный.
15. Бланки Ж. А. История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени. Т. 1. С древнейших времен до XVIII в. / Ж. А. Бланки. — Москва: КД «Либроком», 2012. — 400 с. — Текст: непосредственный.
16. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Д. Кралечкина. — Москва: Библион — Русская книга, 1994. — 304 с. — Текст: непосредственный.
17. Боттеро Ж. Ранние цивилизации Ближнего востока. История возникновения и развития древнейших государств на земле / Ж. Боттеро, О. Э. Дитц. — Москва: Центрполиграф, 2016. — 400 с. — Текст: непосредственный.
18. Бромлей Ю. В. История первобытного общества. Эпоха классового образования. Т. 3. — Москва: Наука, 1988. — 568 с. — Текст: непосредственный.
19. Бутинов Н. А. Народы Папуа Новой Гвинеи. От племенного строя к независимому государству. — Санкт-Петербург: Центр «Петербургское Востоковедение», 2000. — 384 с. — Текст: непосредственный.
20. Бхававсенаху. Вамачара: Путь левой руки в тантре / Бхававсенаху; Шри Бхававсенаху. — Бомбей [и др.]: Сатья-Веда, 2007. — 221 с. — Текст: непосредственный.
21. Бюхер К. Экономический строй первобытных народов. — Одесса: Типография Е. Руф, 1899. — 39 с. — Текст: непосредственный.
22. Викторский С. И. История смертной казни в России и современное ее состояние. — Москва: Типография императорского Московского университета, 1912. — 396 с. — Текст: непосредственный.
23. Виндельбанд В. История древней философии / В. Виндельбанд. — Москва: Карамзин, 2018. — 360 с. — Текст: непосредственный.
24. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — Москва: Территория будущего, 2005. — 800 с. — Текст: непосредственный.
25. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. — Киев: Издание книжного магазина Н. Я. Оглоблина, 1915. — 699 с. — Текст: непосредственный.
26. Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры:

В 2 частях / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. — Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. — Ч. 2. — 1426 с. — Текст: непосредственный.

27. Гарднер К. Между Востоком и Западом. Возвращение даров русской души / К. Гарднер. — Москва: Наука, 1993. — 128 с. — Текст: непосредственный.

28. Герцен А. И. Эстетика. Критика. Проблемы культуры / Составитель: В. К. Кантор. — Москва: Искусство, 1987. — 608 с. — Текст: непосредственный.

29. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи: в 7 т. Т. I. — 2-е изд. стер. — Санкт-Петербург: Наука, 2006. — 428 с. — Текст: непосредственный.

30. Греков Б. Д. Киевская Русь. — Москва: Госполитиздат, 1953. — 568 с. — Текст: непосредственный.

31. Григорьева Т. П. Дао и логос (встреча культур). — Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. — 424 с. — Текст: непосредственный.

32. Громов М. Н. Русская философская мысль X—XVII веков / М. Н. Громов, Н. С. Козлов. — Москва: МГУ, 1990. — 289 с. — Текст: непосредственный.

33. Гумилёв Л. Н. История народа хунну. — Москва: ДИ-ДИК, 1998. — 793 с. — Текст: непосредственный.

34. Гумилёв Л. Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. — Москва: Пальмира, 2017. — 381 с. — Текст: непосредственный.

35. Дельбрюк Г. История военного искусства с древнейших времен / Г. Дельбрюк. — Москва: Эксмо, 2016. — 496 с. — Текст: непосредственный.

36. Домострой / авт. предисл. В. Колесов. — Москва: Советская Россия, 1990. — 304 с. — Текст: непосредственный.

37. Егер О. Всеобщая история стран мира. С древнейших времен до Ренессанса / О. Егер. — Москва: Эксмо, 2008. — 768 с. — Текст: непосредственный.

38. Ефимов Н. Н. Русь — Новый Израиль. — Казань: Типография Ф. П. Окишева, 1912. — 50 с. — Текст: непосредственный.

39. Женщины-легенды: Научно-художественное издание / Сост., науч. ред. и авт. предисл. В. А. Федосик. — Минск: Беларусь, 1993. — 336 с. — Текст: непосредственный.

40. Законодательство Древней Руси / ответственный редактор член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук профессор В. Л. Янин. В 9 т. Т. 1. — Москва: Юридическая литература, 1984. — 430 с. — Текст: непосредственный.

41. Зибер Н. И. Избранные экономические произведения в двух томах. Т. II. — Москва: Наука, 1959. — 696 с. — Текст: непосредственный.

42. Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). — Москва: Языки русской культуры, 2000. — 760 с. — Текст: непосредственный.

43. Иконников В. С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. — Киев: Университетская типография, 1869. — 562 с. — Текст: непосредственный.
44. Ильин И. А. Немецкий идеализм. История этических учений. История древней философии / И. А. Ильин. — Москва: ПСТГУ, 2015. — 656 с. — Текст: непосредственный.
45. Ингрэм Д. История рабства от древнейших до новых времен / Д. Ингрэм. — Москва: КД Либроком, 2014. — 344 с. — Текст: непосредственный.
46. Иншаков О. В. Институционализм в российской экономической мысли (IX—XXI вв.): в 2 т. / О. В. Иншаков, Д. П. Фролов — Волгоград: Издательство ВолГУ, 2002. Т. 1. — 486 с. — Текст: непосредственный.
47. История русского читателя. Вып. 1 / науч. ред. И. Е. Баренбаум. — Ленинград: ЛГИК, 1973. — 193 с. — Текст: непосредственный.
48. История Византии. Вступление в византинистику. — Львов: Априори, 2011. — 880 с. — Текст: непосредственный.
49. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. / Н. М. Карамзин. — Москва: Наука, 1989. — Т. 1. — 640 с. — Текст: непосредственный.
50. Карамзин Н. М. История Государства Российского. От Древней Руси до правления великого князя Дмитрия Донского / Н. М. Карамзин. — Москва: АСТ, 2010. — 672 с. — Текст: непосредственный.
51. Касьянова К. О русском национальном характере. — Москва: Институт национальной модели экономики, 1994. — 267 с. — Текст: непосредственный.
52. Каргалов В. Полководцы Древней Руси / В. Каргалов, А. Сахаров. — Москва: Молодая гвардия, 1985. — 575 с. — Текст: непосредственный.
53. Кайдаш С. Н. Сила слабых. Женщины в истории России (XI—XIX вв.). — Москва: Советская Россия, 1989. — 288 с. — Текст: непосредственный.
54. Кинси З. История борделей с древнейших времен / З. Кинси. — Москва: Центрполиграф, 2013. — 383 с. — Текст: непосредственный.
55. Киселева Т. Г. Женский образ в социокультурной рефлексии: монография. — Москва: МГУКИ, 2002. — 231 с. — Текст: непосредственный.
56. Киселева М. С. Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности. — Москва: Индрик, 2000. — 256 с. — Текст: непосредственный.
57. Ключевский В. О. Сочинения: в 8 т. Т. 1: Курс русской истории, ч. 1 / В. О. Ключевский. — Москва: Госполитиздат, 1956. — 425 с. — Текст: непосредственный.
58. Князькин И. О. Император Диоклетиан и закат Античного мира. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2010. — 143 с. — Текст: непосредственный.

59. Костомаров Н. И. Славянская мифология. — Москва: Сварог, 1995. — 764 с. — Текст: непосредственный.
60. Королев А. С. Загадки первых русских князей / А. С. Королев. — Москва: Вече, 2002. — 480 с. — Текст: непосредственный.
61. Котляр Н. Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. — Киев: Наукова думка, 1986. — 160 с. — Текст: непосредственный.
62. Кули Ч. Первичные группы // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренькова. — Москва: Международный университет бизнеса и управления, 1996. — 560 с. — Текст: непосредственный.
63. Курбатов Г. Л. Христианство: Античность, Византия, Древняя Русь / Г. Л. Курбатов, Э. Д. Фролов, И. Я. Фроянов. — Ленинград: Лениздат, 1988. — 344 с. — Текст: непосредственный.
64. Курбатов В. И. Тайные маршруты славян. — Москва: Эксмо, 2007. — 384 с. — Текст: непосредственный.
65. Курс церковного права заслуженного профессора императорского Московского университета А. С. Павлова, читанный в 1900—1902 гг. — Санкт-Петербург: Лань, 2002. — 384 с. — Текст: непосредственный.
66. Лазор Л. И. Каноническое право / Л. И. Лазор, В. В. Лазор, И. И. Шамшина. — Луганск: Виртуальная реальность, 2010. — 568 с. — Текст: непосредственный.
67. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. — Москва: АСТ, 2010. — 528 с. — Текст: непосредственный.
68. Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. В. В. Иванова. — Москва: Издательство ЭКСМО-Пресс, 2001. — 512 с. — Текст: непосредственный.
69. Леви-Брюль Л. Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. — Москва: Педагогика-Пресс, 1994. — 608 с. — Текст: непосредственный.
70. Левитский В. Ф. История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта: с древнейших времен до конца XIX века / В. Ф. Левитский. — Москва: КД Либроком, 2015. — 498 с. — Текст: непосредственный.
71. Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России (1786—1796): в 3 т. Т. 1. — Санкт-Петербург, 1890. — 184 с. — Текст: непосредственный.
72. Лозинский С. Г. История папства. — Москва: Политиздат, 1986. — 382 с. — Текст: непосредственный.
73. Лубченков Ю. Н. Древняя Русь: с древнейших времен до 1462 года / Ю. Н. Лубченков, Г. В. Клокова. — Москва: Рипол-Классик, 1998. — 400 с. — Текст: непосредственный.

74. Ляпин Д. А. Путешествия в прошлое: очерки этнографии Верхнего Подонья. — Кемерово: Азия-Принт, 2014. — 144 с. — Текст: непосредственный.

75. Мавродин В. В. Древняя Русь. — М.: Госполитиздат, 1946. — 332 с. — Текст: непосредственный.

76. Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. — Ленинград: Издательство ЛГУ, 1945. — 432 с. — Текст: непосредственный.

77. Максимович М. А. Откуда идет Русская земля: История Руси с древнейших времен до половины XIII столетия. История Литовской Руси / М. А. Максимович. — Москва: Ленанд, 2019. — 216 с. — Текст: непосредственный.

78. Малиновский И. А. Кровная месть и смертные казни. — Томск: Типо-литография Сибирского товарищества печати, 1908. — 220 с. — Текст: непосредственный.

79. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / Пер. с англ. — Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 552 с. — Текст: непосредственный.

80. Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2014. — 736 с. — Текст: непосредственный.

81. Мартынов А. С. Конфуцианство. «Лунь юй». Перевод А. С. Мартынова. В 2 томах. Том 1. — Санкт-Петербург: «Петербургское Востоковедение», 2001. — 368 с. — Текст: непосредственный.

82. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). — Ленинград: Наука, 1976. — 192 с. — Текст: непосредственный.

83. Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси: по памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. — Москва: Наука, 2000. — 291 с. — Текст: непосредственный.

84. Михайлов М. М. История русского права. — Санкт-Петербург: Типография Департамента уделов, 1871. — 182 с. — Текст: непосредственный.

85. Милов Л. В. История России с древнейших времен до конца XVII века / Л. В. Милов, Б. Н. Флоря, Л. Н. Вдовина и др. — Москва: Эксмо, 2009. — 768 с. — Текст: непосредственный.

86. Митрофанов П. П. История Австрии с древнейших времен до 1792 г. / П. П. Митрофанов. — Москва: Красанд, 2010. — 160 с. — Текст: непосредственный.

87. Михневич Н. П. История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия / Н. П. Михневич. — Москва: Ленанд, 2018. — 538 с. — Текст: непосредственный.

88. Морган Л. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. — Ленинград: Издательство института народов Севера ЦИК СССР, 1935. — 368 с. — Текст: непосредственный.

89. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс; сост., пер. с фр., предисловие, вступит, статья, комментарии А. Б. Гофмана. — Москва: КДУ, 2011. — 416 с. — Текст: непосредственный.
90. Народы Австралии и Океании / Под ред. С. А. Токарева, С. П. Толстова. — Москва: Издательство АН СССР, 1956. — 852 с. — Текст: непосредственный.
91. Нидерле Л. Славянские древности / Перевод с чешского Т. Ковалевой и М. Хазанова. — Москва: Издательство иностранной литературы, 1956. — 452 с. — Текст: непосредственный.
92. Неволин К. А. Полное собрание сочинений. Энциклопедия законоведения: Вторая половина особенной части. Т. 2 / соч. К. А. Неволлина. — Санкт-Петербург: Типография Э. Праца, 1857. — 525 с. — Текст: непосредственный.
93. О России и русской философской культуре: Философы послеоктябрьского зарубежья / Составитель М. И. Маслин. — Москва: Наука, 1990. — 528 с. — Текст: непосредственный.
94. Омельячук С. В. Брак и семья в Древней Руси IX—XIII веков. — Владимир: Издательство Владимирского государственного университета, 2010. — 118 с. — Текст: непосредственный.
95. Осетров Е. И. Живая Древняя Русь: кн. для учащихся / Е. И. Осетров. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Просвещение, 1984. — 304 с. — Текст: непосредственный.
96. Откуда есть пошла Русская земля. Века VI—X / сост., предисл., коммент. А. Г. Кузьмина. — М.: Молодая гвардия, 1986. — (История Отечества в романах, повестях, документах). Кн. 1. — 701 с. — Текст: непосредственный.
97. Памятники русского права: Памятники права Киевского государства, X—XII вв. Вып. 1 / Сост.: А. А. Зимин; Под ред. С. В. Юшкова. — Москва: Госюриздат, 1952. — 287 с. — Текст: непосредственный.
98. Павлицева Н. П. Княгиня Ольга: исторический роман / Н. П. Павлицева. — Москва: Яуза-пресс, 2008. — 382 с. — Текст: непосредственный.
99. Переверзев В. Ф. Литература Древней Руси / В. Ф. Переверзев. — Москва: Наука, 1971. — 302 с. — Текст: непосредственный.
100. Петрухин В. Я. Древняя Русь / В. Я. Петрухин. — Москва: Слово / Slovo, 2001. — 48 с. — Текст: непосредственный.
101. Петрухин В. Я. Древняя Русь IX в.— 1263 г. / В. Я. Петрухин. — Москва: АСТ: Астрель, 2005. — 190 с. — Текст: непосредственный.
102. Петрухин В. Я. Славяне. — Москва: Росмэн, 1998. — 112 с. — Текст: непосредственный.
103. Пирцио-Бироли Д. Культурная антропология Тропической Африки. — Москва: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 2001. — 335 с. — Текст: непосредственный.

104. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 2 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегр. — Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; «Издательство Олега Абышко», 2007. — 731 с. — Текст: непосредственный.

105. Повесть временных лет / Подгот. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Акад. наук СССР. Ч. 1—2. — 1-е изд. Часть 1. Текст и перевод. — Москва: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950. — 407 с. — Текст: непосредственный.

106. Повесть временных лет. Части 1—2 / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — Москва: Издательство Академии наук СССР, 1950. — 404 с. — Текст: непосредственный.

107. Повесть временных лет. По Лаврентьевскому списку. Ч. 1 / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1950. — 564 с. — Текст: непосредственный.

108. Попович М. В. Мировоззрение древних славян. — Киев: Наукова думка, 1985. — 165 с. — Текст: непосредственный.

109. Поляков Л. В. Философские идеи в культуре Древней Руси. — Москва: Знание, 1988. — 141 с. — Текст: непосредственный.

110. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. — Москва: Азбука-Терра, 1995. — 176 с. — Текст: непосредственный.

111. Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. — Москва: Мысль, 1989. — 286 с. — Текст: непосредственный.

112. Пузанов В. В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). — Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2017. — 752 с. — Текст: непосредственный.

113. Разумов И. Семья в Древней Руси. О семейных отношениях у восточных славян и русов VIII — 1-й половины XIII в. — Москва: Наука, 2016. — 140 с. — Текст: непосредственный.

114. Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. — Москва: Высшая школа, 1988. — 416 с. — Текст: непосредственный.

115. Рачинский Ю. М. Докапиталистические способы производства и их современные формы. — Москва: Издательство Московского университета, 1986. — 192 с. — Текст: непосредственный.

116. Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / А. Рейц. — Москва: Университетская типография, 1836. — 414 с. — Текст: непосредственный.

117. Русская идея: антология. Сост. и авт. вступ. статьи: М. А. Маслин. — Москва: Республика, 1992. — 496 с. — Текст: непосредственный.

118. Руднев В. А. Слово о князе Владимире / В. А. Руднев. — Москва: Советская Россия, 1989. — 240 с. — Текст: непосредственный.

119. Румянцев А. М. Первобытный способ производства: политико-экономические очерки. — Москва: Наука, 1987. — 328 с. — Текст: непосредственный.

120. Правда Русская. В 2 т. Т. 1. Тексты. — Москва: Изд-во АН СССР, 1940. — 506 с.

121. Пеньков А. В. Мои Хамовники: Очерк об окраинном районе Старой Москвы: История древнейшего района Москвы через призму архитектуры / А. В. Пеньков. — Москва: Ленанд, 2019. — 148 с. — Текст: непосредственный.

122. Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. — Москва: Гнозис, 1995. — 320 с. — Текст: непосредственный.

123. Петрухин В. Я. Русь в IX—X веках. От призвания варягов до выбора веры. — 2-е изд., испр. и доп. / В. Я. Петрухин. — Москва: ФОРУМ, 2014. — 464 с. — Текст: непосредственный.

124. Петрухин В. Я. «Из варяг в греки»: начало исторического пути России / В. Я. Петрухин. — Текст: непосредственный // Славянский альманах. — 1997. — № 1996. — С. 63—67.

125. Плотников В. В. История христианского просвещения в его отношениях к древней греко-римской образованности. Кн. 1: От начала христианства до Константина Великого / В. В. Плотников. — Москва: КД «Либроком», 2019. — 280 с. — Текст: непосредственный.

126. Плотников В. В. История христианского просвещения в его отношениях к древней греко-римской образованности. Кн. 2: От торжества христианства при Константине Великом до окончательного падения греко-римского язычества при Юстиниане (313—529) / В. В. Плотников. — Москва: КД «Либроком», 2019. — 536 с. — Текст: непосредственный.

127. Полян К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. — 320 с. — Текст: непосредственный.

128. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. — Москва: Наука, 1981. — 607 с. — Текст: непосредственный.

129. Рыбаков Б. А. Рождение Руси. — Москва: «АиФ Принт», 2003. — 447 с. — Текст: непосредственный.

130. Савельев А. А. Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа / А. Савельев. — Новгород: Типография Н. Ройского и Д. Душина, 1881. — 94 с. — Текст: непосредственный.

131. Савва В. Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. — Москва: Кучково поле, Лавандр, 2012. — 256 с. — Текст: непосредственный.

132. Саггс Г. Величие Вавилона. История древней цивилизации Междуречья / Г. Саггс; Пер. с англ. Л. А. Игоревский. — Москва: Центрполиграф, 2012. — 463 с. — Текст: непосредственный.

133. Салинз М. Экономика каменного века. — Москва: ОГИ, 1999. — 295 с. — Текст: непосредственный.
134. Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII вв. — Ленинград: Наука, 1978. — 232 с. — Текст: непосредственный.
135. Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси, IX — первая половина X в. / А. Н. Сахаров. — Москва: Мысль, 1980. — 358 с. — Текст: непосредственный.
136. Сахаров А. Н. История России с древнейших времен до наших дней / А. Н. Сахаров. — Москва: АСТ, 2018. — 64 с. — Текст: непосредственный.
137. Сахаров А. Н. История России с древнейших времен до наших дней / А. Н. Сахаров, В. Н. Шестаков, Л. Е. Морозова. — Москва: АСТ, 2017. — 192 с. — Текст: непосредственный.
138. Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). — Москва: Академический Проект, 2020. — 481 с. — Текст: непосредственный.
139. Смакотина Д. В. Река, текущая из страны славян (путь из варяг в арабы по сведениям арабских географов) / Д. В. Смакотина. — Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 303. — С. 106—108.
140. Соколов В. Занимательная история Древней Церкви. На пути к расколу / В. Соколов. — Москва: ЛомоносовЪ, 2016. — 304 с. — Текст: непосредственный.
141. Соколов В. Занимательная история Древней Церкви. От гонений к триумфу / В. Соколов. — Москва: ЛомоносовЪ, 2016. — 280 с. — Текст: непосредственный.
142. Соловьёв С. М. История России с древнейших времён: в 29 т. — Санкт-Петербург: Издательское товарищество «Общественная польза», 1851—1879. — Т. 7. — 875 с. — Текст: непосредственный.
143. Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Том VI / С. Соловьёв. — Санкт-Петербург: Амфора, 2015. — 415 с. — Текст: непосредственный.
144. Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Том VIII / С. Соловьёв. — Санкт-Петербург: Амфора, 2016. — 447 с. — Текст: непосредственный.
145. Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Том VII / С. Соловьёв. — Санкт-Петербург: Амфора, 2016. — 415 с. — Текст: непосредственный.
146. Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Том X / С. Соловьёв. — Санкт-Петербург: Амфора, 2016. — 415 с. — Текст: непосредственный.

147. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Том II / С. Соловьев. — Санкт-Петербург: Амфора, 2015. — 478 с. — Текст: непосредственный.
148. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Том III / С. Соловьев. — Санкт-Петербург: Амфора, 2016. — 415 с. — Текст: непосредственный.
149. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3 / С. Соловьев. — Санкт-Петербург: Амфора, ТИД «Амфора», 2015. — 415 с. — Текст: непосредственный.
150. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Том I / С. Соловьев. — Санкт-Петербург: Амфора, 2015. — 384 с. — Текст: непосредственный.
151. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 2 / С. Соловьев. — Санкт-Петербург: Амфора / БММ, 2015. — 478 с. — Текст: непосредственный.
152. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Том XI / С. Соловьев. — Санкт-Петербург: Амфора, 2016. — 415 с. — Текст: непосредственный.
153. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Том IV / С. Соловьев. — Санкт-Петербург: Амфора, 2015. — 415 с. — Текст: непосредственный.
154. Соловьев С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. — Москва: АСТ, 2018. — 528 с. — Текст: непосредственный.
155. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В 18 кн. Кн. 12. Т. 23—24. 1749—1761 / С. М. Соловьев. — Москва: АСТ, 2003. — 880 с. — Текст: непосредственный.
156. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. II. Тт. 3—4. 1054 / С. М. Соловьев. — Москва: АСТ, 2009. — 944 с. — Текст: непосредственный.
157. Соловьев С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. — Москва: Эксмо, 2013. — 1024 с. — Текст: непосредственный.
158. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2. Т. 3—4. 1054—1462 / С. М. Соловьев. — Москва: АСТ, 2009. — 944 с. — Текст: непосредственный.
159. Солоневич И. Л. Народная монархия. — Москва: Эксмо, 2003. — 608 с. — Текст: непосредственный.
160. Становление философской мысли в Киевской Руси. — Москва: Институт философии Академии наук СССР, 1984. — 95 с. — Текст: непосредственный.
161. Сухов А. Д. Русская философия: особенности, традиции, исторические судьбы. — Москва: РАН, 1995. — 157 с. — Текст: непосредственный.
162. Сурмина И. О. Самые знаменитые крепости России / И. О. Сурмина. — Москва: Вече, 2004. — 479 с. — Текст: непосредственный.

163. Суслов А. Г. История России с древнейших времен до наших дней / А. Г. Суслов. — Москва: КноРус, 2013. — 544 с. — Текст: непосредственный.

164 Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе: Т. 1—12. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская духовная академия, 1895—1906. — 12 т.: Т. 1: С изображением святого Иоанна Златоуста и его жизнеописанием. — 1895. — СХП, 883 с.; Т. 2. — 1896. — 979 с.; Т. 3. — 1897, 962 с.; Т. 4. — 1898. — VIII, 923 с.; Т. 5. — 1899. — 1007 с.; Т. 6. — 1900. — VIII, 982 с.; Т. 7. — 1901. — 912 с.; Т. 8. — 1902. — 1011 с.; Т. 9. — 1903. — 1008 с.; Т. 10. — 1904 — 992 с.; Т. 11. — 1905. — 1008 с.; Т. 12. — 1906. — 1587 с. — Текст: непосредственный.

165. Терновский Ф. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси. — Киев: Университетская типография, 1875. — 999 с. — Текст: непосредственный.

166. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. — Москва: Облиздат, 1998. — 672 с. — Текст: непосредственный.

167. Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. — Москва: Издательство Московского университета, 1953. — 192 с. — Текст: непосредственный.

168. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. Выпуск 1. С древнейшего времени до конца XVIII века. — Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1962. — 496 с. — Текст: непосредственный.

169. Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. С рецензией на книгу О. Семереньи «Исследования терминов родства индоевропейских языков, особенно индийского, иранского, греческого и латинского» / О. Н. Трубачев. — Москва: КомКнига, 2019. — 240 с. — Текст: непосредственный.

170. Успенский Ф. История Византийской империи XI—XV вв. Восточный вопрос. — Москва: Мысль, 1997. — 804 с. — Текст: непосредственный.

171. Устрялов Н. Г. Русская история до 1855 года / Н. Г. Устрялов; авт. предисл. В. Г. Баданов. — Петрозаводск, 1997. — 960 с. — Текст: непосредственный.

172. Федоров В. А. История России с древнейших времен до наших дней / В. А. Федоров, В. И. Моряков, Ю. А. Щетинов. — Москва: КноРус, 2015. — 432 с. — Текст: непосредственный.

173. Феминизм: Восток. Запад. Россия. — Москва: Наука, 1993. — 243 с. — Текст: непосредственный.

174. Флоренский П. А. Предполагаемое государственное устройство в будущем / П. А. Флоренский // Сочинения: в 4 т. — Москва: Мысль, 1996. — Т. 2. — 877 с. — Текст: непосредственный.

175. Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси / И. Я. Фроянов; отв. ред. В. В. Пузанов. — 2-е изд. — Ижевск: Удмуртский университет, 2003. — 273 с. — Текст: непосредственный.
176. Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян. — Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 1996. — 512 с. — Текст: непосредственный.
177. Фреймарк Г. Оккультизм и сексуальность. — Москва: ТОО «Константа», 1994. — 156 с. — Текст: непосредственный.
178. Чаадаев П. Я. Статьи и письма / Составитель Б. Н. Тарасов. — Москва: Современник, 1989. — 624 с. — Текст: непосредственный.
179. Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства. — Москва: Кооператив, 1925. — 216 с. — Текст: непосредственный.
180. Чебоксаров Н. Н. Народы, расы, культуры: научное издание / Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова; ред. Ю. В. Бромлей. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Наука, 1985. — 271 с. — Текст: непосредственный.
181. Челинцев А. Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. — Харьков: Агрономия, 1919. — 178 с. — Текст: непосредственный.
182. Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. — Москва: Издательство РГГУ, 1996. — 376 с. — Текст: непосредственный.
183. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков: в 2 ч. / Л. В. Черепнин. — Москва: Издательство АН СССР, 1948. — Ч. 1. — 469 с. — Текст: непосредственный.
184. Чунаков А. В. История России с древнейших времен до середины XIX века / А. В. Чунаков. — Москва: Омега-Л, 2010. — 282 с. — Текст: непосредственный.
185. Шахматов А. А. История русского летописания Т. I. Кн. 1. — Санкт-Петербург: Наука, 2002. — 486 с. — Текст: непосредственный.
186. Шинаков Е. А. От Чернигова до Смоленска. Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в. / Е. А. Шинаков. — Москва: Центрполиграф, 2018. — 320 с. — Текст: непосредственный.
187. Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства (862—1462). — Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. — 541 с. — Текст: непосредственный.
188. Школьник Ю. К. История России: От древнейших времен до начала XX века: Полная энциклопедия / Ю. К. Школьник. — Москва: Эксмо, 2012. — 256 с. — Текст: непосредственный.
189. Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / И. Ф. Г. Эверс. — Санкт-Петербург: Типография Штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1835. — 422 с. — Текст: непосредственный.

190. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Под ред. Е. Фрей. — Москва: АСТ, 2019. — 288 с. — Текст: непосредственный.

Статьи

191. Авенариус А. Ранние славяне в Среднем Подунавье: автохтонная теория в свете современных исследований / А. Авенариус. — Текст: непосредственный // Славяноведение. — 1993. — № 2. — С. 27—41.

192. Аверкиева Ю. П. К вопросу о потлаче у индейцев Северо-Западной Америки / Ю. П. Аверкиева. — Текст: непосредственный // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. — 1946. — № 1. — С. 26—29.

193. Автандил А. Культ дерева в мифологии тюркских и славянских народов / А. Автандил. — Текст: непосредственный // Восточно-Европейский научный журнал. — 2021. — № 6—2 (70). — С. 34—36.

194. Алексеев А. И. Полемика иосифлян и нестяжателей и складывание поминальной практики в России на рубеже XV—XVI вв. Опыт антропологического подхода / А. И. Алексеев. — Текст: непосредственный // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: научный журнал. — 2021. — № 2 (14). — С. 127—160.

195. Артемова О. Ю. Война или мир? (Между Гоббсом и Руссо: рассуждения этнографа) / О. Ю. Артемова. — Текст: непосредственный // Stratum plus. Археология и культурная антропология. — 2019. — № 1. — С. 17—60.

196. Атанов П. А. К вопросу о «Призвании варягов» / П. А. Атанов. — Текст: непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2007. — № 3. — С. 29—40.

197. Барфилд Т. Д. Мир кочевников-скотоводов // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: / Волгоградский центр социальных исследований. — Волгоград: Издательство «Учитель», 2006. — С. 415—441. — Текст: непосредственный.

198. Березович Е. Л. Топонимия народная / Е. Л. Березович. — Текст: непосредственный // Славяноведение. — 2007. — № 6. — С. 100—108.

199. Бесков А. А. Анализ мифологической составляющей восточнославянского язычества / А. А. Бесков. — Текст: непосредственный // Аналитика культурологии. — 2015. — № 2 (32). — С. 91—99.

200. Бибалаева Л. Н. Влияние земледелия на религиозную обрядность и языческие праздники древних славян / Л. Н. Бибалаева. — Текст: непосредственный // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н. Э. Баумана. — 2011. — Т. 207. — С. 71—75.

201. Боровков Д. А. Древнерусские города в «Сказании о призвании варягов» и летописный рассказ о сыновьях Владимира Святославича / Д. А. Боровков. — Текст: непосредственный // История. Электронный научно-образовательный журнал. Вып. № 5 (13). — Москва, 2012. — С. 102—121.

202. Бускунов А. М. Культы животных и птиц в башкирской мифологии и истории общественной мысли / А. М. Бускунов, М. М. Кульшарипов. — Текст: непосредственный // Вестник Башкирского университета. — 2012. — № 1. — С. 369—371.
203. Бутинов Н. А. К проблеме лидерства в Меланезии / Н. А. Бутинов. — Текст: непосредственный // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. — Санкт-Петербург, 2004. — С. 79—92.
204. Бычков А. А. Жива / А. А. Бычков. — Текст: непосредственный // Мифы и магия индоевропейцев. — Москва: «София», 2000. — Вып. 9. — С. 66—70.
205. Валеров А. В. Обмен и распределение в системе социального взаимодействия первобытных и архаических обществ / А. В. Валеров. — Текст: непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. — 2012. — № 3. — С. 41—59.
206. Васютин С. А. Тюрко-болгары, Византия и славяне в конце VII—VIII веке: модель военно-политической адаптации кочевников в полупериферийной зоне земледельческой цивилизации / С. А. Васютин, А. Ю. Пугачев. — Текст: непосредственный // Славяноведение. — 2009. — № 4. — С. 3—16.
207. Вишняцкий Л. Б. Война до истории / Л. Б. Вишняцкий. — Текст: непосредственный // Человек. — 2016. — № 6. — С. 59—74.
208. Витале А. Российская государственность в сравнительной перспективе: русская традиция и западная модель государственного устройства / А. Витале. — Текст: непосредственный // НИР. — 2013. — № 3 (8). — С. 20—36.
209. Вострецов Ю. Е. Археологическое изучение поведенческой адаптации древнего населения / Ю. Е. Вострецов. — Текст: непосредственный // Россия и АТР. — 2016. — № 4 (94). — С. 5—18.
210. Гачев Г. Д. Национальный космо-психо логос / Г. Д. Гачев. — Текст: непосредственный // Вопросы философии. — 1994. — № 12. — С. 57—78.
211. Глухов А. Г. История книжности Древней Руси: «До излиха вкусившие мудрость...» / А. Г. Глухов. — Текст: непосредственный // Библиотека. — 1993. — № 4. — С. 64—68.
212. Глухов А. Г. Женщины — любительницы чтения в Древней Руси / А. Г. Глухов. — Текст: непосредственный // Книжное дело. — 1995. — № 2. — С. 54—60.
213. Гнатюк В. Мифы древних славян / В. Гнатюк, Ю. Гнатюк. — Текст: непосредственный // Экономические стратегии. — 2013. — Т. 15. — № 6 (114). — С. 106—113.

214. Горшков М. К. Воссоединение Крыма с Россией: социально-исторические, политические и социокультурные предпосылки / М. К. Горшков. — Текст: непосредственный // СНИСП. — 2018. — № 2 (22). — С. 7—16.
215. Григорьева А. Г. Либерализация политического режима и законодательства советского Союза в годы хрущёвской «Оттепели» / А. Г. Григорьева. — Текст: непосредственный // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 9. — С. 179—182.
216. Грошев С. Н. Приданое: историко-правовой анализ / С. Н. Грошев. — Текст: непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 3. — С. 26—29.
217. Грошев С. Н. Правовое положение мужчин в древнерусском государстве / С. Н. Грошев // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1 (15). — С. 144—149. — Электронные текстовые данные (1 900 544 байт). — 60 электронных оптических дисков (CD-ROM). — Заглавие с этикетки диска. — Текст: электронный.
218. Грошев С. Н. Правовой статус мужчин в Древней Руси / С. Н. Грошев. — Текст: непосредственный // Вестник экономической безопасности. — 2022. — № 1. — С. 56—58.
219. Грошев С. Н. Воздействие древнерусского церковного и светского права на юридический статус лиц мужского пола / С. Н. Грошев. — Текст: непосредственный // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1 (100). — С. 20—28.
220. Грошев С. Н. Формы и процедуры заключения браков в Древней Руси дохристианского периода. К вопросу о брачно-семейном статусе мужчин Древнерусского государства / С. Н. Грошев. — Текст: непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. — 2022. — № 1. — С. 96—98.
221. Гусарова М. А. Проблема правосознания как социокультурного феномена / М. А. Гусарова. — Текст: непосредственный // Манускрипт. — 2017. — № 9 (83). — С. 73—75.
222. Дмитриев Д. В. Культ Богородицы в народной русской культуре / Д. В. Дмитриев. — Текст: непосредственный // Вестник РХГА. — 2015. — № 1. — С. 251—255.
223. Дорошин Б. А. Некоторые замечания о соотношении аспектов фитоантропоморфных образов славянской мифологии и фольклора / Б. А. Дорошин. — Текст: непосредственный // Сборники конференций НИЦ Социосфера. — 2011. — № 42. — С. 162—168.
224. Евлампиев И. И. Концепция Абсолюта в русской философии (Вл. Соловьев и его философские наследники) / И. И. Евлампиев. — Текст: непосредственный // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 1997. — № 1. — С. 102—110.

225. Замыслов В. А. Великий преобразователь древнерусского государства / В. А. Замыслов. — Текст: непосредственный // Власть. — 2008. — № 10. — С. 3—8.

226. Зинченко Е. В. Вселенское каноническое право первого тысячелетия и церковное право Киевской Руси XI столетия: сравнительный анализ / Е. В. Зинченко. — Текст: непосредственный // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. — 2017. — № 33. — С. 55—64.

227. Иванов В. В. Балтийская мифология / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. — Текст: непосредственный // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. — Москва: Советская энциклопедия. — Т. 1. — С. 153—159.

228. Иванова Т. Г. Гендерные особенности поведения покупателей в торговом зале / Т. Г. Иванова, С. Н. Беликова, С. Б. Ильяшенко. — Текст: непосредственный // Приволжский научный вестник. — 2016. — № 5 (57). — С. 103—106.

229. Иванова Т. В. Специфика и характерные черты кочевого менталитета: культурологический анализ / Т. В. Иванова. — Текст: непосредственный // Вестник БГУ. — 2015. — № 6. — С. 93—96.

230. Игнатов А. Метафизические корни коммунизма / А. Игнатов. — Текст: непосредственный // Вопросы философии. — 1994. — № 12. — С. 32—47.

231. Иншаков О. В. Институт и институт: проблемы категориальной дифференциации и интеграции / О. В. Иншаков. — Текст: непосредственный // Экономическая наука современной России. — 2010. — № 3 (50). — С. 26—38.

232. Исаева О. А. Люди и боги: стилистические особенности антропоморфных изображений в монументальном искусстве Мезоамерики / О. А. Исаева. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы монументального искусства: сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11—12 марта 2022 года / Под редакцией Д. О. Антипиной, Р. А. Бахтиярова, С. Н. Крылова. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2022. — С. 144—154.

233. Кабо В. Р. У истоков производящей экономики / В. Р. Кабо. — Текст: непосредственный // Ранние земледельцы: этнографические очерки. — Москва, 1980. — С. 59—85.

234. Кабо В. Р. Первобытное общество и природа / В. Р. Кабо. — Текст: непосредственный // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. — Москва, 1981. — С. 149—158.

235. Кантор В. А. Стихия и цивилизация: два фактора «российской судьбы» / В. А. Кантор. — Текст: непосредственный // Вопросы философии. — 1994. — № 5. — С. 27—46.

236. Климов Е. В. К вопросу о верховном боге в пантеоне древних славян / Е. В. Климов. — Текст: непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 18 (119). — С. 13—21.

237. Козлов М. Н. Содержание древнерусских языческих святилищ: факты против мифов / М. Н. Козлов. — Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета. История. — 2018. — № 51. — С. 108—114.

238. Ковалёва А. М. Правосознание: понятие и сущность / А. М. Ковалёва. — Текст: непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. — 2018. — № 1. — С. 41—43.

239. Кулагин Д. Л. Мифологические мотивы восточных славян в древности на примере былин и повестей Древней Руси: архетипический анализ / Д. Л. Кулагин. — Текст: непосредственный // Социально-гуманитарные знания. — 2014. — № 7. — С. 27—34.

240. Ланцов С. А. Октябрьская революция 1917 года: замыслы и результаты / С. А. Ланцов — Текст: непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. — 2017. — № 4. — С. 289—300.

241. Лисюченко И. В. Критерии и особенности государственности в Древней Руси / И. В. Лисюченко. — Текст: непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2015. — № 4. — С. 14—20.

242. Лопухова И. В. Неограниченные монархии средневекового Востока: восточная деспотия или восточный феодализм? / И. В. Лопухова. — Текст: непосредственный // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2007. — № 40. — С. 170—173.

243. Лоба В. Е., Русская правда о наказаниях за преступления против собственности / В. Е. Лоба, А. Н. Якушев. — Текст: непосредственный // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. — 2009. — № 1. — С. 95—99.

244. Лукичев П. Н. Фаллический культ: социоисторический анализ / П. Н. Лукичев, А. П. Скорик. — Текст: непосредственный // Социологические исследования. — 1994. — № 12. — С. 80—88.

245. Матвейчев О. А. Происхождение антропоморфизма греческой религии / О. А. Матвейчев. — Текст: непосредственный // Антиномии. — 2013. — № 4. — С. 32—41.

246. Мень А. Мудрецы Ветхого Завета / А. Мень. — Текст: непосредственный // Знание и сила. — 1990. — № 8. — С. 72—80.

247. Миронов А. С. Русский былинный эпос как система ценностей (к постановке проблемы) / А. С. Миронов. — Текст: непосредственный // Новый филологический вестник. — 2016. — № 3 (38). — С. 45—60.

248. Митина В. В. Мокошь (Макошь) — проблема реконструкции образа: к теории вопроса / В. В. Митина, Т. А. Чужайкина. — Текст: непосредственный // Центр и периферия. — 2020. — № 1. — С. 34—38.

249. Мочалов М. Ю. Колонизация и аборигенное население в России и США XVII—XIX вв. / М. Ю. Мочалов. — Текст: непосредственный // Наука и культура России. — Самара, 2012. — С. 25—28.

250. Муравьева Л. А. Отмена крепостного права в России: причины, механизм реализации, значение / Л. А. Муравьева. — Текст: непосредственный // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2012. — № 2 (6). — С. 42—53.

251. Мюллер Л. Проблема христианизации России и ранней истории русского христианства / Л. Мюллер. — Текст: непосредственный // Палеороссия. — 2015. — № 4. — С. 187—196.

252. Нальчикова Е. Генезис феномена «добровольной смерти»: миф и традиция / Е. Нальчикова. — Текст: непосредственный // Власть. — 2007. — Вып. 8. — С. 71—73.

253. Напольских В. В. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н. э. / В. В. Напольских. — Текст: непосредственный // Славяноведение. — 2006. — № 2. — С. 13—19.

254. Напалкова И. Г. Тенденции формирования системы управления централизованного российского государства в XV в. / И. Г. Напалкова. — Текст: непосредственный // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. — 2010. — № 4. — С. 24—27.

255. Некита А. Г. Социокультурные аспекты трансфера мифологических конструктов: Иван Грозный и формирование имперской модели самодержавия / А. Г. Некита. — Текст: непосредственный // Векторы благополучия: экономика и социум. — 2018. — № 1 (28). — С. 12—24.

256. Осипян Б. А. Становление Российского государства как великой империи / Б. А. Осипян. — Текст: непосредственный // Социально-политические науки. — 2015. — № 3. — С. 9—17.

257. Петрухин В. Я. К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность / В. Я. Петрухин. — Текст: непосредственный // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. — Москва, 2001. — С. 73—78.

258. Пятнов А. П. Борьба за киевский стол в 1210-х годах: спорные вопросы хронологии / А. П. Пятнов. — Текст: непосредственный // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2002. — № 1 (7). — С. 83—89.

259. Разуваев Ю. Д. Оседлые этносы скифской эпохи в Донской лесостепи: опыт сравнения хозяйственно-бытовых укладов / Ю. Д. Разуваев. — Текст: непосредственный // Уральский исторический вестник. — 2019. — № 1 (62). — С. 63—70.

260. Реснянский С. И. Русский религиозный раскол / С. И. Реснянский. — Текст: непосредственный // Историческое обозрение. — 2012. — № 13. — С. 40—52.

261. Рыбаков В. А. Правосознание: к вопросу о понятии / В. А. Рыбаков. — Текст: непосредственный // Вестник ОмГУ. Серия. Право. — 2015. — № 3 (44). — С. 23—28.

262. Сатклифф Б. Женская грамотность в Древней Руси: гипотезы и факты / Б. Сатклифф. — Текст: непосредственный // Древняя Русь: вопросы медиевистики. — 2006. — № 4 (26). — С. 42—49.

263. Сахно А. А. Проблема теократии в научной и общественной мысли России второй половины XIX — начале XX в. / А. А. Сахно. — Текст: непосредственный // Вестник РУДН. История России. — 2012. — № 1. — С. 32—41.

264. Савченко Д. А. Правовая система Древней Руси XI—XII вв. / Д. А. Савченко. — Текст: непосредственный // Развитие территорий. — 2015. — № 3. — С. 77—82.

265. Семенова М. Был ли Рюрик? / М. Семенова. — Текст: непосредственный // Всемирный следопыт. — 2007. — № 8. — С. 64—65.

266. Семенов Ю. И. О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного общества / Ю. И. Семенов. — Текст: непосредственный // Советская этнография. — 1976. — № 4. — С. 93—113.

267. Семенов Ю. И. Об изначальной форме первобытных социально-экономических отношений / Ю. И. Семенов. — Текст: непосредственный // Советская этнография. — 1977. — № 2. — С. 15—28.

268. Сенаторов А. Правитель по призванию / А. Сенаторов. — Текст: непосредственный // Всемирный следопыт. — 2007. — № 8. — С. 56—63.

269. Сокольская Л. В. Российские читательницы в прошлом и настоящем. Зачем и как изучать? / Л. В. Сокольская. — Текст: непосредственный // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2010. — № 1 (21). — С. 17—26.

270. Тишин В. В. Положение женщины в древнетюркском обществе / В. В. Тишин, Н. Н. Серегин. — Текст: непосредственный // Историческая психология и социология истории. — 2015. — № 1. — С. 109—127.

271. Тимошина Е. В. Учение о царской власти в византийской церковной историографии IV—VI вв. (В сравнении с учением святоотеческой литературы IV в.) / Е. В. Тимошина. — Текст: непосредственный // Правоведение. — 1994. — № 5—6. — С. 141—148.

272. Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики / О. Н. Трубачев. — Текст: непосредственный // Вопросы языкознания. — 1982. — № 4. — С. 10—26.

273. Федорова А. В. Испытание произволом: 1937—1938 годы / А. В. Федорова // СНВ. — 2018. — № 1 (22). — С. 201—206.

274. Хазанов А. М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества / А. М. Хазанов. — Текст: непосредственный // Первобытное общество. Основные проблемы развития. — Москва, 1975. — С. 88—139.

275. Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы / А. М. Хазанов. — Текст: непосредственный // Исследования по общей этнографии. — Москва, 1979. — С. 125—176.

276. Хоружий С. Неопатристический синтез и русская философия / С. Хоружий. — Текст: непосредственный // Вопросы философии. — 1994. — № 5. — С. 75—88.

277. Швец Ю. П. Монголо-татарское нашествие XIII в. и его влияние на Русь / Ю. П. Швец. — Текст: непосредственный // Известия АлтГУ. — 2010. — № 4—3. — С. 233—235.

278. Шубин А. В. Распад СССР: объективные причины и субъективные факторы / А. В. Шубин. — Текст: непосредственный // Россия и АТР. — 2016. — № 3 (93). — С. 23—48.

279. Щапов Б. Н. Брак и семья в Древней Руси / Б. Н. Щапов — Текст: непосредственный // Вопросы истории. — 1970. — № 10. — С. 216—219.

280. Щукин В. Г. Христианский Восток и топка русской культуры / В. Г. Щукин. — Текст: непосредственный // Вопросы философии. — 1995. — № 4. — С. 55—67.

281. Юткин А. Судебник Ивана III — первый кодифицированный правовой акт на Руси / А. Юткин. — Текст: непосредственный // Российская юстиция. — 1997. — № 7. — С. 46—48.

282. Явон С. В. Мужское и женское: символический аспект / С. В. Явон. — Текст: непосредственный // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. — 2015. — № 1 (20). — С. 254—258.

Учебники, учебные пособия и лекции

283. Андреев И. Л. История России с древнейших времен до 1861 года: учебник для бакалавров / И. Л. Андреев, В. А. Федоров. — Москва: Юрайт, 2012. — 712 с. — Текст: непосредственный.

284. Андреев Ю. В. История Древней Греции: учебник / Ю. В. Андреев, Г. А. Кошеленко, В. И. Кузищин, Л. П. Маринович. — Москва: Высшая школа, 2005. — 399 с. — Текст: непосредственный.

285. Артемов В. В. История Отечества: с древнейших времен до наших дней: учебник / В. В. Артемов. — Москва: Academia, 2016. — 640 с. — Текст: непосредственный.

286. Артемов В. В. История Отечества. С древнейших времен до наших дней / В. В. Артемов. — Москва: Academia, 2018. — 479 с. — Текст: непосредственный.

287. Артемов В. В. История Отечества: с древнейших времен до наших дней / В. В. Артемов, Ю. Н. Лубченков. — Москва: Academia, 2018. — 288 с. — Текст: непосредственный.
288. Артемов В. В. История Отечества: с древнейших времен до наших дней / В. В. Артемов. — Москва: Academia, 2016. — 640 с. — Текст: непосредственный.
289. Артемов В. В. История Отечества: с древнейших времен до наших дней: учебник / В. В. Артемов. — Москва: Academia, 2018. — 592 с. — Текст: непосредственный.
290. Артемов В. В. История Отечества: с древнейших времен до наших дней: учебник / В. В. Артемов. — Москва: Академия, 2014. — 256 с. — Текст: непосредственный.
291. Вовина-Лебедева В. Г. История Древней Руси: учебник / В. Г. Вовина-Лебедева. — Москва: Академия, 2018. — 352 с. — Текст: непосредственный.
292. Вовина-Лебедева В. Г. История Древней Руси: учебник / В. Г. Вовина-Лебедева. — Москва: Academia, 2019. — 224 с. — Текст: непосредственный.
293. Волков В. А. История России с древнейших времен до конца XVII века: учебник и практикум для академического бакалавриата / В. А. Волков. — Люберцы: Юрайт, 2016. — 452 с. — Текст: непосредственный.
294. Грачева Л. В. Русская история с древнейших времен до наших дней: учебник / Л. В. Грачева. — Санкт-Петербург: Лань, 2006. — 448 с. — Текст: непосредственный.
295. Данилов А. А. История России с древнейших времен до наших дней в вопросах и ответах / А. А. Данилов. — Москва: Проспект, 2016. — 320 с. — Текст: непосредственный.
296. Дворниченко А. Русская история с древнейших времен до наших дней: учебник / А. Дворниченко, Ю. Кривошеев и др. — Санкт-Петербург: Лань, 2006. — 448 с. — Текст: непосредственный.
297. Диевский В. А. История древней русской литературы / В. А. Диевский. — Санкт-Петербург: Лань, 2002. — 544 с. — Текст: непосредственный.
298. Ключевский В. О. Курс русской истории: в 5-ти ч. — Санкт-Петербург, 1904—1922. — 1146 с. — Текст: непосредственный.
299. Кузищин В. И. История Древней Греции: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. И. Кузищин, Т. Б. Гвоздева, В. М. Строгоцкий, А. В. Стрелков. — Москва: ИЦ Академия, 2011. — 480 с. — Текст: непосредственный.
300. Кузищина В. И. История Древней Греции / В. И. Кузищина. — Москва: Высшая школа, 2005. — 399 с. — Текст: непосредственный.
301. Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв.: учебное пособие. — Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1978. — 130 с. — Текст: непосредственный.

302. Менделеева Д. С. История литературы Древней Руси: учебное пособие / Д. С. Менделеева. — Москва: Академия, 2013. — 240 с. — Текст: непосредственный.
303. Менделеева Д. С. История литературы Древней Руси / Д. С. Менделеева. — Москва: Academia, 2014. — 416 с. — Текст: непосредственный.
304. Меркаданте С. История русской музыки: от Древней Руси до Серебряного века: учебник / С. Меркаданте. — Санкт-Петербург: Планета Музыки, 2015. — 480 с. — Текст: непосредственный.
305. Мещеряков А. Н. История древней Японии: учебное пособие для вузов / А. Н. Мещеряков, М. В. Грачев. — Москва: Наталис, 2013. — 544 с. — Текст: непосредственный.
306. Мэйн Г. Древнейшая история учреждений: лекции. Пер. с англ. / Г. Мэйн. — Москва: Красанд, 2011. — 320 с. — Текст: непосредственный.
307. История государства российского: хрестоматия: X—XIV вв. — Москва: Книжная палата, 1996. — 383 с. — Текст: непосредственный.
308. История государства и права России: Киевская и Удельная Русь (IX—XV вв.): хрестоматия / А. Н. Волчанская и др.; под ред. А. М. Багмента. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. — 215 с. — Текст: непосредственный.
309. Павленко Н. И. История России с древнейших времен до 1861 г. (с картами): учебник для бакалавров / Н. И. Павленко, И. Л. Андреев, В. А. Федоров. — Люберцы: Юрайт, 2015. — 712 с. — Текст: непосредственный.
310. Родионов М. В. ВПС: История древней Греции и древнего Рима: курс лекций / М. В. Родионов. — Москва: А-Приор, 2006. — 224 с. — Текст: непосредственный.
311. Рыбаков С. В. История России с древнейших времен до конца XVII века: курс лекций / С. В. Рыбаков. — Москва: Флинта, 2016. — 192 с. — Текст: непосредственный.
312. Рыбников В. В. Отечественная история. От древней Руси до XXI века / В. В. Рыбников, Г. М. Ипполитов. — Москва: Щит-М, 2012. — 592 с. — Текст: непосредственный.
313. Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права / Д. Я. Самоквасов. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Типография Московского университета, 1908. — VII, XXIX. — 616 с. — Текст: непосредственный.
314. Самоквасов Д. Я. Древнее русское право. Лекции 1902—1903 академического года / Д. Я. Самоквасов. — Москва: Университетская типография, 1903. — 378 с. — Текст: непосредственный.
315. Соловьев Е. А. История древней и средневековой России (IX—XVII): учебное пособие / Е. А. Соловьев, В. В. Блохин. — Москва: РУДН, 2013. — 176 с. — Текст: непосредственный.
316. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век — 1917 год) / Сост. д-р юрид. наук, проф. В. А. Томсинов. — Москва: Издательство «Зерцало», 2000. — 318 с. — Текст: непосредственный.

Диссертации и авторефераты

317. Асessorова Н. П. Развитие предпринимательской деятельности в XII — начале XV в. на территории Владимиро-Суздальской земли и Новгородской феодальной республики: автореферат дис. ... канд. ист. наук. — Иваново: Ивановский государственный университет, 2009. — 22 с. — Текст: непосредственный.

318. Галкин Т. О. Погребальный обряд региона Северо-Восточной Руси как отражение межрелигиозных, межэтнических и торговых связей в IX — в первой четверти XIII вв.: на материалах письменных и археологических источников: дис. ... канд. ист. наук. — Владимир: «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», 2009. — 255 с. — Текст: непосредственный.

319. Гуляева В. В. Развитие предпринимательства на территории древнерусского государства, IX — начало XIII вв. дис. ... д-ра ист. наук. — Москва, 2000. — 492 с. — Текст: непосредственный.

320. Молчанова А. А. Балтийские славяне и Северо-Западная Русь в раннем Средневековье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Москва: Московского педагогического государственного университета, 2008. — 19 с. — Текст: непосредственный.

321. Фогель А. С. Древняя Русь в представлениях зарубежных средневековых авторов (IX — конец XIII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Иваново: Ивановский государственный университет, 2009. — 26 с. — Текст: непосредственный.

322. Хелик А. С. Влияние христианской традиции на развитие русской духовно-политической мысли конца XV — начала XVI вв.: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — Москва: МГУ, 2018. — 25 с. — Текст: непосредственный.

323. Хорихин В. В. Списки домостроя XVI—XVIII вв.: история издания и изучения: дис. ... канд. ист. наук. — Москва, 2003. — 202 с. — Текст: непосредственный.

324. Ярмонова Е. Н. Правовое положение женщин на Руси с IX по XV век: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2004. — 19 с. — Текст: непосредственный.

Энциклопедии, справочники и словари

325. Бегунов Ю. К. История Руси. С древнейших времен до Олега Вещего: энциклопедия / Ю. К. Бегунов. — Москва: Радио и связь, 2007. — 604 с. — Текст: непосредственный.

326. Бычков А. А. Энциклопедия языческих богов (мифы древних славян). — Москва: Вече, 2000. — 400 с. — Текст: непосредственный.

327. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. — Москва: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 1996. — 416 с. — Текст: непосредственный.

328. Свод этнографических понятий и терминов. Выпуск 1. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. — Москва: Наука, 1986. — 240 с. — Текст: непосредственный.

329. Словарь иностранных слов: с грамматическими формами, синонимами, примерами употребления / И. А. Васюкова; Под ред. И. К. Сазоновой. — Москва: АСТ-ПРЕСС, 1999. — 632 с. — Текст: непосредственный.

330. Семенова М. Мы — славяне!: популярная энциклопедия / М. Семенова. — Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2005. — 560 с. — Текст: непосредственный.

Интернет-ресурсы

331. Коловрат Ю. А. Сексуальное волховство и фаллоктенические культы древних славян // История Змиевского края. Змиев. — URL: <https://colovrat.at.ua/publ/2-1-0-19> (дата обращения: 07.02.2022). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.

332. Маркетологи нашли путь к кошельку мужчины // Ведомости. — URL: https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2013/03/18/marketologi_nashli_put_k_koshelku_muzhchiny (дата обращения: 04.02.2022). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.

333. Оклеветанный Нерон // Вокруг света. — URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1458/> (дата обращения: 11.05.2022). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.

334. Реформы и преобразования великого князя Владимира I Святославича (Святой | Креститель | Красно Солнышко). — URL: <https://xn--80arpmdfm0a.xn/> (дата обращения: 11.05.2022). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.

335. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. — URL: <http://www.folk.ru/> (дата обращения: 04.02.2022). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.

336. Станислав В. Д. Социальные факторы антропогенеза. — URL: <https://antropogenez.ru/zveno-single/431/> (дата обращения: 04.02.2022). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.

Иностранные источники

337. Abbott C. W., Brown C. R., Corsbie P. V. Exchange as symbolic interaction: for what? // American Sociological Review. 1973. Vol. 3. P. 504—506. — Text: direct.

338. Abigail E. Page, Sylvain Viguier, Mark Dyble, Daniel Smith, Nikhil Chaudhary. Reproductive trade-offs in extant hunter-gatherers suggest adaptive mechanism for the Neolithic expansion (англ.). — Text: direct // Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2016-04-26. — Vol. 113, iss. 17. — P. 4694—4699.

339. Barnett H. G. The Nature of the Potlatch. — Text: direct // American Anthropologist. 1938. Vol. 40, N 3. P. 349—358.

340. Blau P. M. Exchange and Power in Social Life. New York: John Wiley & Sons, 1964. — Text: direct.

341. Brian M. Fagan. People of the Earth. An Introduction to World Prehistory. — 13th edition. — Prentice Hall, 2010. — 552 с. — Text: direct.

342. Bennett J. W. Reciprocal Economic Exchange among North American Agricultural Operations. — Text: direct // Southwestern Journal of Anthropology. 1968. Vol. 24, № 3. P. 276—309. — Text: direct.

343. Boas F. Social Organization and Secret Societies of the Kwakiutl Indians. Washington, 1897. — Text: direct.

344. Burling R. Maximisation Theories and the Study of Economic Anthropology. — Text: direct // American Anthropologist. 1962. Vol. 64, № 4. P. 802—821.

345. Вовк Х. К. Студії з української етнографії та антропології. — Київ: Мистецтво, 1995. — 336 с. — Текст: безпосередній.

346. Drucker Ph. Rank, Wealth, and Kinship in Northwest Coast Society. — Text: direct // American Anthropologist. 1939. Vol. 41, № 1. P. 55—65.

347. Dalton G. Economic theory and Primitive Society. — Text: direct // American Anthropologist. 1961. Vol. 63, № 1. P. 1—25.

348. Dalton G. Primitive Money // American Anthropologist. 1965. Vol. 67, № 1. P. 44—65. — Text: direct.

349. Dalton G. Introduction. — Text: direct // Primitive, Archaic and Modern Economies. Essays of Karl Polanyi / ed. by G. Dalton. New York, 1968.

350. Elkin A. P. Delayed Exchange in Wabag sub-district, Central Highlands of New Guinea. — Text: direct // Oceania. 1953. Vol. 33, № 3. P. 181—199.

351. Lacey R. Holders of the Way: a Study in Precolonial Socio-Economic History in Papua New Guinea. — Text: direct // Journal of the Polynesian Society. 1979. Vol. 88, N 3. P. 277—326.

352. Лйви-Штраусс С. The Elementary Structures of Kinship. Boston: Beacon Press, 1969. — Text: direct.

353. LeClair Ed. E. Jr. Economic Theory and Economic Anthropology. — Text: direct // American Anthropologist. 1962. Vol. 64, N 6. P. 1179—1203.

354. Lebra T. S. An Alternative Approach to Reciprocity. — Text: direct // American Anthropologist. 1975. Vol. 77, N 3. P. 550—565.

355. MacCormack G. Reciprocity. — Text: direct // Man. New Series. 1976. Vol. 11, N 1. P. 89—103.

356. McCarthy F. D., McArthur M. The Food Quest and the Time Factor in Aboriginal Economic Life. — Text: direct // Records of the Australian-American Scientific Expedition to Arnhem Land / ed. by C. P. Mountford. Melbourne, 1960. Vol. 2: Anthropology and Nutrition.

357. Michael Gurven, Hillard Kaplan. Longevity Among Hunter- Gatherers: A Cross-Cultural Examination (англ.). — Text: direct // Population and Development Review. 2007. Vol. 33, iss. 2. P. 321—365.

358. Melnikova E. A. The Cultural Assimilation of the Varangians in Eastern Europe from the Point of View of Language and Literacy in Runica — Germ. — Mediavalia (heiz./n.) Rga-e 37, 2003, pp. 454—465. — Text: direct.

359. Moszyński, Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft, Kцln-Weimar-Wien 1992, pp. 110—112. — Text: direct.

360. Hayden B. Population control among hunter/gatherers // World Archaeology. — 1972-10-01. — Т. 4, вып. 2, pp. 205—221.

361. Herskovitz M. J. Economic Anthropology. A Study in Comparative Economics. New York, 1952. — Text: direct.

362. Homans G. C. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace & World, 1961. — Text: direct.

363. Ovsec D. I. Slovianska mifologija in verovanje. Ljubljana, 1991 // Овсец Д. Й. Славянская мифология и верования. — Любляна, 1991. — 119 с. — Текст: непосредственный.

364. Polanyi K. Semantics of General Economic History. — Text: direct // Readings in Anthropology. New York, 1959. Vol. 2. P. 162—184.

365. Prattis J. I. Synthesis, or a New Problematic in Economic Anthropology // Theory and Society. 1982. Vol. 11, N 2. P. 205—228. — Text: direct.

366. Primitive, Archaic and Modern Economies. Essays of Karl Polanyi / ed. by G. Dalton. New York, 1968. — Text: direct.

367. Pryor F. L., Graburn N. H. The myth of reciprocity. — Text: direct // Social Exchange: Advances in Theory and Research / eds K. J. Gergern, M. S. Greenberg, R. H. Willis. New York: Plenum press, 1980, pp. 215—237.

368. Pospisil L. Kapauku Papuans and Their Law. — Text: direct // Yale University Publications in Anthropology. New Haven, 1958. № 54.

369. Radin P. The World of Primitive Man. New York, 1953. — Text: direct.

370. Singlemann P. Exchange as symbolic interaction. — Text: direct // American Sociological Review. 1972. Vol. 37. P. 414—424.

371. Strathern A. Melpa Food-names as an Expression of Ideas on Identity and Substance. — Text: direct // Journal of the Polynesian Society. 1977. Vol. 86, N 4. P. 503—512.

372. Spielmann K. A. A review: dietary restrictions on hunter-gatherer women and the implications for fertility and infant mortality. — Text: direct // Human Ecology. — 1989-09. — Т. 17, вып. 3, pp. 321—345.

373. Tallavaara M., Kirkeng E. Why are population growth rate estimates of past and present hunter—gatherers so different? — Text: direct // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. — 2021-01-18. — Т. 376, вып. 1816.

374. Thurnwald R. *Economics in Primitive Communities*. Oxford, 1932. — Text: direct.

375. *Повість врем'яних літ: Літопис (За Іпатським списком) / Пер. з давньоруської, післяслово, коментар В. В. Яременка.* — Київ: Радянський письменник, 1990. — 558 с. — Текст: безпосередній.

376. Gouldner A. W. The Norms of Reciprocity: A Preliminary Statement. — Text: direct // *American Sociological Review*. 1960. Vol. 25, N 2. P. 161—178.

377. Ferguson A. *An Essay on the History of Civil Society* / Fania Oz-Saltberger. Cambridge University Press, 1995. 283 p. — Text: direct.

378. Firth R. The Place of Malinowski in the History of Economic Anthropology. — Text: direct // *Man and Culture. An Evaluation of the Work of Bronislaw Malinowski* / ed. by R. Firth. London: Routledge and Keagan Paul, 1957.

379. Foster G. M. The Dyadic Contract: a Model for the Social Structure of a Mexican Peasant Village. — Text: direct // *American Anthropologist*. 1961. Vol. 63, N 6. P. 1173—1192.

Научное издание

Грошев Сергей Николаевич

**ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ
ПРАВОВОГО СТАТУСА МУЖЧИН
В ДРЕВНЕРУССКОМ ОБЫЧНОМ ПРАВЕ**

Редактор
А. В. Андреев

Подписано в печать 15.11.2022.

Формат 60 x 84/16

Усл. печ. л. 8,0

Тираж 500 экз.

Заказ № 87.

Первый завод 50 экз.

Восточно-Сибирский институт МВД России,
г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Отпечатано в НИиРИО Восточно-Сибирского института МВД России,
г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.